

В
П

В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

Генрих ГОФМАН

**СОТРУДНИК
ГЕСТАПО**

Генрих ГОФМАН
СОТРУДНИК ГЕСТАПО





В О Е Н Н Ы Е
П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
В О Е Н Н О Е И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О
М И Н И С Т Е Р С Т В А О Б О Р О Н Ы С С С Р

ГЕНРИХ ГОФМАН

**СОТРУДНИК
ГЕСТАПО**

ПОВЕСТЬ

МОСКВА - 1978

P2
Г74



Гофман Г. Б.

Г74 **Сотрудник гестапо: Повесть. — М.: Воениздат, 1978. — 256 с. — (Военные приключения).**

В пер.: 1 р.

В приключенческой повести рассказывается о работе советского разведчика в период Великой Отечественной войны, заброшенного в район Донбасса, во вражескую тайную полевую полицию, о его верных помощниках.

Г $\frac{70302-144}{068(02)-78}$ Без объявл.

P2

© Воениздат, 1978



олодный цементный пол подвальной камеры. Небольшая охапка старой пыльной соломы, на которую бросили Леонида Дубровского после допросов в службе безопасности города Алчевска. Тело еще ноет от жестоких побоев. Во рту солоноватый вкус крови. До рассеченной губы больно дотронуться языком. Нестерпимо печет рана, открывшаяся на правой ноге. А тут еще этот неугомонный шепот, словно в потревоженном улье: шелестят голоса людей, разместившихся по углам и вдоль стен мрачной камеры. Они отвлекают, мешают сосредоточиться.

«Неужели конец? Неужели конец?..»

Вспомнились слова капитана Потапова: «Малейшая оплошность и... канут». Перед мысленным взором возникла большая хата особого отдела третьей ударной армии, светлая комната, приспособленная под кабинет, и доброе, улыбчивое лицо капитана. В ушах прозвучал его мягкий, ласковый голос: «Леонид, на твою долю выпало ответственное и очень опасное задание. Тебе придется работать за линией фронта. Необходимо установить наличие вражеских разведорганов в Кадиевке и Артемовске. Командование располагает сведениями, что именно там готовятся вражеские агенты для засылки на нашу сторону. Постарайся внедриться в один из этих органов. Будешь выявлять немецкую агентуру: и ту, что заброшена к нам, и ту, которая только готовится. Теперь, после уничтожения армии Паулюса, наше новое наступление не за горами. Впереди Донбасс, Луганская область. Еще до прихода туда наша контрразведка должна знать агентуру гестапо и полиции, оставленную немцами при отступлении. Выявляй предателей, фашистских ставленников, бывших воен-

нослужащих Красной Армии, перекинувшихся к врагу. Дело это трудное и рискованное. А расплата одна — жизнь. Малейшая оплошность и... капут, как говорят немцы».

Дубровский вспомнил, что при слове «капут» Потапов недвусмысленно провел рукой вокруг шеи. «Малейшая оплошность. Где же я ее допустил? Почему допрос вел сам начальник СД майор Фельдгоф? Почти три часа он с упорством твердил, что я советский разведчик. Но ведь и я с неменьшим упорством отрицал это. А какие у них улики? Улик нет. Может, схватили Пятеркина? Всего девять дней, как мы с ним расстались. Но если Виктор Пятеркин у них, тогда последовала бы очная ставка. Нет, Виктор дошел до Потапова, иначе они бы мне его показывали, приперли бы фактами. Так где же оплошность? Надо вспомнить все по порядку».

С Витей Пятеркиным Леонид познакомился в кабинете Потапова. Тот уже находился там, когда Дубровский пришел по вызову капитана. Круглолицый шарнишка с узкими раскосыми глазами и вздернутым носом, казалось, робко сидел на краешке стула, едва доставая ногами до выстланного досками пола довольно просторной комнаты. На вид ему было не больше двенадцати лет.

— Вот с ним и пойдешь, — сказал Потапов, поднимаясь из-за стола навстречу Дубровскому. И трудно было понять, к кому относятся эти слова — то ли к мальчику, который пойдет с Дубровским, то ли к Дубровскому, который пойдет с мальчуганом.

Леонид пожал протянутую капитаном руку и вновь перевел взгляд на мальчишку.

— А выдюжит он? Не скиснет? — спросил Дубровский, рассматривая залатанную, старую куртку и вконец изношенные ботинки на ногах паренька.

— Можешь не сомневаться, — ответил Потапов. — Виктор Пятеркин человек проверенный. Не смотри, что ему только пятнадцать. Он уже был связным у секретаря подпольного обкома. Не раз ходил через линию фронта. И при тебе он будет связным. С ним и присылай донесения. А легенда такая. С тобой — как и договорились. Ты переводчик Чернышковской комендатуры, разыскиваешь свою часть, от которой отстал. Тут никакой линии. Пору-

кой твои настоящие документы. А он, — Потапов кивнул на Пятеркина, — во время отступления потерял родителей. Отец служил полицаем на станции Чир и ушел с немцами, пока Виктор у тетки в соседнем поселке гостил. Вот и пошел он родителя догонять, а по дороге на тебя наткнулся. Если удастся обосноваться, паренька поодаль пристрой. Рядом не держи. Чтоб никаких подозрений.

— Ясно, Владимир Иванович, — улыбнулся Дубровский и, погладив мальчонку по стриженной голове, спросил: — А в каком селе ты у тетки гостил?

— Село Малый Чир, всего шесть километров от станции, — бойко ответил Виктор. И ни тени смущения не было в его голосе, ни один мускул не дрогнул на совсем еще детском лице. А карие глаза пытливо и выжидающе уставились на Дубровского из-под темных бровей.

— Оружие у тебя есть? — спросил Дубровский.

Виктор смерил Леонида настороженным взглядом и вопросительно посмотрел на Потапова.

— Есть у него трофейный вальтер, — ответил капитан. — Такого мальчика вряд ли шенцы обыскивать будут. А если ненароком наткнутся, скажет, нашел в заброшенном окне. По возрасту — с него взятки гладки.

— Что ж, все ясно, Владимир Иванович. Когда прикажете отправляться?

— Завтра у нас двадцать шестое марта. В ночь на двадцать седьмое я вас выведу на передовую. В полночь обеспечим вам переход на ту сторону. А пока пообщайся с Виктором. У вас всего сутки, чтобы привыкнуть друг к другу. Да! Конспиративный псевдоним у него — Иванов. В случае чего не называй его настоящим именем. А у дяди Леша? — спросил капитан у Пятеркина.

— Борисов! — не задумываясь ответил тот. — Что я, беспамятный, что ли?

— Память — дело хорошее, только на той стороне много забыть придется. Борисова вспомнишь, когда обратно к нашим вернешься. Повтори, что ты должен сказать, когда с нашими солдатами встретишься?

— Я Иванов. Прошу доставить меня в штаб части. А в штабе части попрошу офицера связаться с Соколом и доложить, что прибыл связной от Борисова, — невозмутимо и как бы нехотя ответил Пятеркин.

— Вот так-то, Леонид. Паренек что надо. Береги его пузе глаза, — назидательно проговорил Потапов.

— Постараюсь, Владимир Иванович! — Дубровский встал со скамейки.

Капитан пристально посмотрел на продолговатое лицо Дубровского, на широкий лоб и красивую, волнистую шею-велюру. И хоть в глубоко посаженных черных глазах чувствовалась усталость, взгляд был спокойным и решительным.

Вечер 26 марта 1943 года выдался на редкость дождливым. Слово серой, прокопченной ватой затянуло весь небосвод. Мелкая, вьедливая морось нескончаемо сыпалась на освободившуюся от снега землю.

На командном пункте одного из стрелковых полков, державших фронт где-то между Ворошиловградом и Ворошиловском, появился коренастый, среднего роста капитан, за которым, пригнувшись, шагнули в землянку высокий, худощавый парень в шинели гитлеровского солдата и маленький, совсем еще юный хлопец в залатанной куртке и стоптанных ботинках, облепленных комьями черной весенней грязи.

— Капитан Потапов! — представился вошедший подвигшемуся из-за стола майору, на гимнастерке которого сверкал еще новенький, видимо недавно полученный, орден Красного Знамени.

— А мы вас ждем, — ответил майор. — Я начальник штаба. Командир полка на передовой. Проход на указанном участке разминирован. Прикрытие подготовлено.

— Спасибо! — Капитан пальцами отдернул рукав своего кителя и посмотрел на часы. — Сейчас двадцать часов тридцать две минуты, переход назначен на двадцать два часа. Таким образом, в нашем распоряжении час двадцать восемь минут.

— Товарищ капитан, туда мы за двадцать минут доберемся. Останется час на выяснение обстановки и разговоры с саперами. Так что пора отправляться. Я вас провожу, — сказал майор, набрасывая на себя телогрейку и одновременно расталкивая спящего на нарах человека. — Кузьмин, вставай! Посиди у телефона, пока я вернусь, — буркнул он и, выждав мгновение, пока тот поднялся, направился к двери.

А мелкий дождик все лил и лил. Где-то далеко, сбоку, гроыхала артиллерийская канонада. И там, откуда доно-

сились ее гулкие взрывы, хмурое небо то и дело освещалось орашжево-желтыми вспышками. Гуськом, вслед за майором и капитаном, минуя скользкие, наполненные влажной ходы сообщения, двигались разведчики.

Шли молча.

— Теперь уже близко, — нарушив тишину, негромко сказал майор. — Еще один переход — и мы на самом переднем крае. Там командир полка должен встретить.

Неожиданно вдалеке стремительно взлетела ракета. Вспоров нижнюю кромку густых облаков, она тускло высветила дугу и, ныряя к земле, ярко разгорелась, оставляя в воздухе дымный змееобразный хвост.

— Это у немцев. Темноты боятся, — спокойно прокомментировал майор. — В двадцать два ноль-ноль мы по ним так ударим, что им не до ракет будет...

— Стой! Кто идет?! — раздался неподалеку властный голос.

— Свой, свой, — ответил майор.

— Пароль? — уже тише спросили из темноты.

— «Харьков»! — прошептал майор.

— Проходи.

В небольшом, наскоро обжитом блиндаже, когда все вопросы взаимодействия, связанные с переходом через линию фронта, были уточнены, разведчиков напоили чаем. А за пять минут до назначенного срока они с капитаном Потаповым и проводником-сапером перебрались в маленький окопчик на самом переднем крае. Капитан молча обнял и расцеловал Пятеркина, потом стиснул в объятиях Леонида Дубровского.

— Желаю успехов. Береги мальчонку, — шепнул он Леониду на ухо и ласково похлопал ладонью по спине.

И вдруг будто по этой команде земля вздрогнула от гулкого перекатного взрыва. Над головами со свистом пронеслись десятки снарядов, устремившихся на территорию, занятую врагом.

— Время! — коротко сказал капитан Потапов и вслед за сапером перемахнул через бруствер.

За ним без промедления бросился Виктор Пятеркин. Замыкающим распластался на мокрой земле Леонид Дубровский. Теперь всем своим телом ощущал он вздрагивающую землю, липкую, скользкую грязь, за которую цеплялся руками. А над головой нескончаемой чередой, стаями, все неслись и неслись завывающие снаряды. Вскоре и

с немецкой стороны полетели снаряды навстречу нашим. И при каждом пушечном залпе, при каждом взрыве освещенные облака бросали на землю отраженные вспышки света.

«Так и обнаружить недолго», — подумал Дубровский, глядя вась вперед, где быстро перебирал ногами Виктор Пяттеркин. Позади уже осталось более сотни метров, когда сапер и капитан Потапов остановились.

— Дальше ничейная зона, — глухо проговорил сапер.

— Теперь топайте сами, — сказал капитан, пропуская мимо себя разведчиков. — Ежели что — отходите сюда. Мы вас огнем прикроем.

Сапер молча похлопал Дубровского по плечу и жестом показал направление. Попридержав мальчугана за ногу, Леонид обогнал его и уверенно пополз через нейтральную полосу. За ним по пятам устремился и Виктор Пяттеркин. Они быстро скатились в небольшую ложбинку и по ней, стороной, стали обходить высотку, занятую немцами. Над головами, пронизывая ночную мглу, светлячками носились трассирующие пули. Перестук пулеметных очередей дробной россыпью разносился по всей округе.

— Неужели не проскочат? — в раздумье прошептал капитан.

— Вроде бы должны, — ответил ему сапер. — Ишь какой спектакль устроили. Глядишь, под шумок и пройдут.

В двадцать два тридцать прекратилась артиллерийская дуэль, смолкла пулеметная трескотня, и только запоздалые одиночные выстрелы долго еще будоражили воцарившуюся тишину. Наконец все смолкло. Но долго еще оставались лежать на мокрой земле два распластанных тела. Слух напряженно ловил каждый шорох, доносившийся с той стороны, куда уползли разведчики.

Где-то звякнул металл. То ли котелок упал, то ли бросили консервную банку. Издалека, будто из-под земли, долетел отголосок немецкой речи, и снова щемящая тишь окутала все вокруг.

До часу ночи пролежали в томительном ожидании капитан и сапер, готовые в любую минуту прикрыть отходящих товарищей. И лишь когда надежда в успехе проведенной операции затеплилась в их сердцах, они, продрогшие и вымокшие до нитки, поползли назад по узкой полоске разминированного коридора.

— Завтра в ночь надо брать «языка» на вашем участке, — сказал капитан Потапов командиру полка, как только переступил порог бункера.

— Об этой задаче мне уже сообщили из штаба дивизии.

— Это предусмотрено нашим планом. Пока только «язык» может подтвердить полный успех или провал сегодняшней операции.

— Ждать будете у нас?

— Нет. Я уеду в Ворошиловград, в штаб армии. А «языка» можете допросить в своих интересах и немедленно переправляйте к нам.

— Его еще взять надо...

— Неужто сомневаетесь? А я был уверен, что у вас ребята надежные.

— Тут не в моих ребятах дело. Всякое ведь случается. Не так давно приволокли одного фельдфебеля. А говорить с ним не пришлось — еще на нейтральной от страха концы отдал. Тотальный, сердечник попался...

К тому времени, когда происходил этот разговор, Леонид Дубровский и Виктор Пятеркин уже миновали наиболее опасную зону расположения передовых немецких частей и полями пробирались все дальше и дальше в тыл противника. Километрах в пяти за линией фронта они наткнулись на разрушенное полотно железной дороги и обнаружили заброшенную железнодорожную будку, в которой провели остаток ночи.

— Дядя Леня, проснитесь, уже светло! — услышал Дубровский над самым ухом.

В глаза ударил свет хмурого утра. Взгляд выхватил за окном низкие облака, скользнул по грязным обшарпанным стенам железнодорожной будки и остановился на перевернутой табуретке, валявшейся в углу.

— Дядя Леня, вокруг никого! Я уже посмотрел, — сказал Пятеркин.

— Это хорошо. Только что ты меня все дядей зовешь? Тебе уже пятнадцать, а мне всего двадцать два года. Можешь просто Леонидом звать.

— Так вы ж сами меня так учили, — обиженно проговорил Виктор.

— Верно. Учил. Но это ж — если при немцах. Для них — тебе только двенадцать лет. А сейчас мы одни.

— Не... Так я запутаюсь. Лучше я вас все время дядей звать буду.

— Ладно. Валяй зови дядей.

Дубровский поднялся и, натянув сапоги, прошелся по маленькой комнатке из угла в угол.

— Ботинки твои не просохли? — спросил он строго.

— Нет, еще сыроватые.

— Чего ж ты их на ноги натянул?

— Ничего, я привычный. Не босиком же идти.

— Тогда давай почистим нашу одежду.

Леонид поднял с пола зеленую немецкую шинель и, разложив ее на плите, принялся перочинным ножиком соскребать грязь. Больше часа провозились с одеждой. Было уже около девяти, когда они покинули железнодорожную будку, приютившую их этой ночью.

Вдали, у подножия небольшого холма, раскинулся населенный пункт.

— Село Черкасское! — опознал Дубровский. — Через него дорога на Ворошиловск. Это нам по пути.

— Не Ворошиловск, а Алчевск, — хмуро поправил его Пятеркин.

— Алчевск и Ворошиловск — это одно и то же. Пора бы знать. Не маленький.

— Ворошиловск — это по-нашему, по-советски. А у немцев он Алчевском называется. Зря я это заучивал, что ли? Небось опять скажете: «Это при немцах, а сейчас мы одни». А я не хочу так, не могу. В голове тогда все перепутается...

— Ладно-ладно. Договорились, ты прав, — перебил его Леонид. — Значит, с этой минуты город Серго — это Кадиевка, а вместо Ворошиловска — Алчевск. И я для тебя дядя Ленья. Только обещай мне: когда война кончится — будешь меня Леонидом звать.

— До этого еще дожить надо, — высказался Пятеркин. И сказано это было столь обдуманно и серьезно, что Леонид невольно поежился. Еще большим уважением проникся он к этому не по годам взрослому человеку.

Вскоре Черкасское осталось далеко позади. По сторонам большака, на который вышли разведчики, виднелись позиции дальнобойной артиллерии немцев. По дороге то и дело с урчанием и грохотом проезжали огромные, крытые брезентом грузовики, обдавая прохожих сизым, масле-

ным перегаром солярки. Изредка попадались телеги с местными жителями.

И никто не обращал внимания на человека, шагавшего в немецкой, по-фронтовому грязной шинели, перехваченной солдатским ремнем, и на семенившего рядом с ним мальчишку.

К вечеру ветер разметал по небу хмурые тучи, кое-где показалось голубое весеннее небо, и в лужах заиграли солнечные зайчики. Идти стало легче.

К Алчевску подошли уже в сумерках. Где-то далеко позади перекатывался гул артиллерийских залпов. В течение дня этот гул несколько раз доносился издалека и вновь затихал так же внезапно, как и появлялся. Но если днем он слышался явственно и отчетливо, то теперь лишь призрачные, еле уловимые отголоски его приглушенно долетали до слуха.

— На этот раз будем искать настоящий ночлег, — сказал Леонид, положив руку на плечо Виктора. — Может, найдется добрая душа, пустит переночевать.

— Надо на самой окраине пошукать. К ночи в город нам не с руки заходить, — отозвался Пятеркин.

— Устал небось за день?

— А что? Километров двадцать пять, а то и все тридцать мы отмахали... Не так уж я устал, как есть охота.

— Потерпи. Найдем ночлег, тогда и перекусим. Доедем сало, а завтра промышлять начнем.

Лишь утром в железнодорожной будке съели они по ломтику этого сала и по небольшому кусочку хлеба, столько же припасли и на вечер. Это было все, что прихватили они в дорогу. Правда, оставались еще четыре плитки немецкого шоколада. Но то был неприкосновенный запас, рассчитанный не столько для утоления голода, сколько на случай обыска. Шоколад германского производства мог лишний раз подчеркнуть принадлежность Дубровского к немецкой комендатуре.

Подойдя к старой, покосившейся мазанке на самой окраине Алчевска, Леонид постучал в маленькое окошко. Дверь отворила согбенная старушка с костлявыми, жилистыми руками. Без разрешения немецкого коменданта она было отказалась пустить на ночлег незнакомых пришельцев, но, увидев в руках Леонида целую пачку оккупационных марок, приветливо пригласила в дом.

В углу, под низким потолком единственной комнаты, перед иконой, мерцала лампада. Еще не снимая пинель, Дубровский спросил:

— Одни проживаете?

— Одна я, сынок, совсем одна маюсь. Муж еще в ту войну не возвратился. Две дочки замужем в Харькове жили. Теперича и не знаю где...

Леонид присел на скамью возле низкого деревянного столика, окинул взглядом комнату: комод, кровать, сундучок, несколько табуреток, пустой чугунок на остывшей печи. Потом не торопясь отсчитал десять марок и протянул их старухе.

— Это за одну ночь. Утром дальше пойдем. Свою часть догонять надо.

— Кто ж ты у немцев будешь? — полюбопытствовала старуха.

— Переводчик я. В комендатуре работал. Да вот от части своей отстал. А хлопчик этот батьку ищет. Ушел батька зимой во время отступления. Полицай Иванов со станции Чир. Может, слыхала?

— Не... сынок, у меня полицаев не было. Солдаты немецкие на постой становились, то правда, а полицаев не было.

Старуха бережно пересчитала деньги и спрятала их за пазухой.

— Бабуся, а печку нам не истопишь? — спросил Дубровский, пытливо оглядывая хозяйку.

— Ох! Трудно, трудно, сынок. Уголька-то совсем нет. Шахты ноне без дела стоят. Ведерочко угля на базаре, почитай, сто пятьдесят рублей стоит.

— А марки немецкие разве не в ходу теперь?

— Пошто не в ходу? Ходют и марки. Одна за десять рублей идет. Зимой было одни марки шли. А ныне, как русская артиллерия послышалась, все больше на рубли торгуют. Но и марки немецкие тоже берут.

Дубровский отсчитал еще двадцать марок и, протягивая их старухе, сказал:

— На тебе и на уголек, бабуся, только истопи нам печку. Погреться хочется, да и пообсохнуть.

— Хорошо, хорошо, сынок. И на том спасибо. — Хозяйка обрадованно схватила деньги. — У меня трошки угля осталось. И картошки немного найду. Со своего огорода припасла. Сейчас затоплю и чугунок поставлю.

— Вот и отлично. Располагайся, Виктор, — сказал Дубровский, снимая шинель.

Пятеркин, скинув куртку, принялся расшнуровывать ботинки. Хозяйка, перекрестившись на икону, причитая, стала растапливать печку. Вскоре хата наполнилась густым теплым духом.

Картошку ели без соли, благо сало было присолено. За столом старуха разговорилась, жаловалась, что соль на базаре исчезла, нарочито кляла советские порядки, осторожно критиковала немцев. Видимо побаиваясь своих постояльцев, она робко спросила:

— Верно, скоро германцы опять за Дон пойдут?

— Не время сейчас. Силы подсобрать надобно.

— То-то я гляжу, много их, новых-то, понаехало. Учора все через город шли. На фуражках головка подсолнуха желтая, на рукаве такая же черная на белом лоскуте. А на автомобилях, на дверцах, собаки намалеваны. Чудно. Я таких сроду не видывала.

— А на танках, на пушках тоже собаки? — спросил Дубровский.

— Ни-и... Они без пушков и без танков ихали.

— Без пушек и без танков сейчас нельзя. У русских этого добра много стало.

— И то правда. Сам-то, сынок, из каких краев будешь?

— Белорус я, бабуся, из-под Мозыря.

— От ить куда забросило. Небось matka дома дожидает?

— Да уж наверно, ждет не дождется.

— А вона знае, шо ты у немца робишь? — переходя на украинский говор, спросила хозяйка.

Леониду не хотелось вступать в дискуссию со словоохотливой старухой, и потому, увидев, как опускаются веки на глазах Пятеркина, он кивнул на него:

— Устал хлопец, совсем из сил выбился. Пора ему спать. Да и мне выспаться надо.

Старуха суетливо заметалась по комнате: достала овчинный, выдавший виды тулуп, расстелила его на полу вовле печки, извлекла из сундука старое лоскутное одеяло и кусок залежалого ситца.

— То заместо простынки постелить можно, — сказала она, бросив ситец поверх тулука.

Эту ночь и Леонид Дубровский, и Виктор Пятеркин спали крепким, беспробудным сном. Проснулись рано и,

наскоро перекусив остатками холодной картошки, двинулись в путь.

В самом Алчевске войск почти не было. Лишь небольшая колонна грузовиков с гитлеровскими солдатами проследовала по одной из центральных улиц.

— Смотри, дядя Лёня, и вправду собаки на дверцах намалеваны и подсолнухи желтые на фуражках, — негромко проговорил Виктор.

— Не соврала бабка, точно подметила. Это австрийцы. Запоминай пока, — в тон ему ответил Дубровский.

Из города выбрались, когда яркое весеннее солнце начало пригревать. В бескрайнем небе не проплыло ни единого облачка. После сухой ветреной ночи земля просохла уже основательно. Дорога на Дебальцево, куда держали путь разведчики, тянулась по степи. Кое-где высились терриконы. В полдень подошли к Мануиловке и свернули налево, в деревню Малоивановку, что виднелась всего в полутора километрах от большака.

На самой окраине деревушки повстречали ефрейтора немецкой армии в сопровождении двух солдат.

— Куда идете? Кто такие? — спросил он.

Дубровский объяснил по-немецки, что является переводчиком Чернышковской комендатуры и разыскивает свою часть.

— Документы! — потребовал ефрейтор, окидывая недоверчивым взглядом Леонида и Виктора.

— Пожалуйста. — Дубровский предъявил удостоверение.

Ефрейтор внимательно просмотрел истрепанный документ и, возвращая его, сказал:

— Я комендант этой деревни. Здесь нет вашей Чернышковской комендатуры.

— А я и не надеялся найти ее здесь. Мы свернули в Малоивановку в надежде купить продукты и передохнуть. Потом пойдем в Дебальцево. Там, в комендатуре, мне наверняка помогут найти свою часть.

— А кто этот мальчик?

— Повстречал на дороге. Отец его был полицейским на станции Чир, и родители эвакуировались на запад вместе с отступающими войсками. Теперь он ищет своего отца.

— Хорошо, идите в тот дом, — немец указал на большую хату под железной крышей, — там найдете моего

переводчика. Он обеспечит вас пайком и укажет, где отдохнуть.

Дубровский поблагодарил ефрейтора.

— Подождите моего возвращения, — сказал тот. — Мне надо еще кое-что выяснить. А в Дебальцево без пропуска вы не дойдете.

Вместе с Виктором направились они вдоль улицы к указанному ефрейтором дому. Возле крыльца, на деревянной, вкопанной в землю скамейке, сидели два полицая с белыми повязками на рукаве. Завидев незнакомых людей, они испытующе поглядывали то на Дубровского, то на Пятеркина, пока те не подошли вплотную.

— Где переводчик местной комендатуры? — спросил Дубровский, чеканя по-немецки каждое слово.

Заслышав немецкую речь, оба полицейских будто по команде вскочили со скамейки и вытянулись по стойке «смирно». Их лица расплылись в подобострастной улыбке, а взгляды красноречивее слов говорили о готовности услужить. Но они не поняли, о чем их спросил Дубровский, и продолжали молча стоять, моргая глазами.

— Где находится переводчик здешней комендатуры? — повторил свой вопрос Дубровский на русском языке.

— Он тута, тута! Проходите в дом, там он! — наперебой заговорили полицейские.

Дубровский положил руку на плечо Виктора и, подтолкнув его к крыльцу, ступил на порог дома. Миновав сени, они очутились в просторной и светлой горнице, где за массивным деревянным столом сидели молодой немецкий солдат и пожилой мужчина в гражданской одежде.

— Мне нужен переводчик этой комендатуры, — сказал Дубровский, стараясь произвести впечатление безукоризненным произношением немецких слов.

— Я переводчик. Что вам угодно? — отозвался молодой солдат.

— Здравствуйте, коллега! Меня прислал сюда ваш комендант, ефрейтор. Он передал, чтобы вы обеспечили меня пайком и определили на отдых. По его приказанию я должен дожидаться здесь его возвращения.

— А кто вы такой?

— Я переводчик Чернышковской комендатуры.

Дубровский предъявил документы и подробно рассказал свою незатейливую историю. Тут же он представил и Виктора.

— Да, в Дебальцево вам без пропуска не пройти, — подтвердил переводчик, когда Дубровский сказал ему о предупреждении коменданта. — Вам придется подождать здесь до утра. Комендант вряд ли успеет вернуться сегодня.

— Конечно. Я буду ждать сколько потребуется. Но где...

— Это местный староста, — перебивая Дубровского, кивнул переводчик на пожилого мужчину. — Он определит вас на ночлег. А паек я сейчас выпишу.

Переводчик достал из полевой сумки стопку бумаги, обмакнул ручку в чернильницу. В тишине послышался скрип пера. Неожиданно с улицы донесся отдаленный шум автомобильных моторов. Их рокот быстро нарастал, ширился. Переводчик поднялся из-за стола и подошел к окну как раз в тот момент, когда перед хатой, в которой размещалась комендатура, остановились три грузовика, переполненные немецкими солдатами. Из кабины передней машины проворно выбрался офицер и уверенной походкой зашагал в комендатуру.

Дубровский обратил внимание на дверцы автомобилей. На них были нарисованы собаки. На фуражках солдат красовались желтые головки подсолнухов.

— Хайль Гитлер! — воскликнул вошедший в комнату капитан, вскинув руку в фашистском приветствии.

И переводчик, и Дубровский ответили ему тем же. Только Виктор Пятеркин молча насупил брови, выжидательно оглядывая немецкого офицера.

— Кто комендант? — спросил тот, обращаясь ко всем сразу.

— Комендант ушел в город. Будет завтра. Сегодня его обязанности выполняю я, — ответил переводчик.

— Я командир отдельной роты автоматчиков. Имею приказ до особого распоряжения разместиться здесь. Прошу определить моих солдат на постой.

— Будет исполнено, господин капитан. Здесь как раз местный староста. Сейчас мы с ним устроим ваших солдат по хатам.

— Там лейтенант Штерн, мой заместитель. Он распорядится. Я пока буду здесь.

Староста и переводчик торопливо вышли из дома. В окно Дубровский увидел, как они подбежали к офицеру, выстроившему солдат перед комендатурой.

— Курите? — услышал Дубровский и, повернувшись к капитану, увидел протянутый ему портсигар с сигаретами.

— Благодарю!

Леонид не отказался от предложенной сигареты.

— Вы служите в этой комендатуре? — спросил капитан.

— Нет. Я переводчик Чернышковской комендатуры. Моя фамилия Дубровский. Был под Сталинградом и во время отступления...

— О! Вы были под Сталинградом?! — перебил его капитан. — Это действительно так страшно, как рассказывают?

— Что страшно? — переспросил Дубровский, делая вид, будто не понял, о чем идет речь.

— Ну, это русское наступление. Мне рассказывали, что там был сплошной ад.

— Да. Это было довольно неожиданно. Наша комендатура располагалась в ста километрах от Сталинграда. Но русские так стремительно ринулись на запад, что мы вынуждены были бросить все и уходить ночью. Мы не хотели оказаться в кольце.

— Но окружение — это еще не конец. Главное, не терять голову. Наша дивизия австрийских стрелков тоже попала в прошлом году в окружение под Великими Луками. Но наше командование успешно вывело войска из кольца. Русские ничего не могли предпринять. Правда, мы потеряли много солдат, но не потеряли боеспособность. А фельдмаршал Паулюс просто струсил. Это непостижимо. Иметь трехсоттысячную армию — и сдаться в плен! Такое не укладывается в моем сознании.

— Но ведь и Манштейн не сумел прорваться на помощь Паулюсу.

— Было уже поздно. У Манштейна не было достаточно сил. А Паулюс держал фронт на Волге. Как он мог допустить, чтобы русские прорвались к нему в тыл!

— На участках прорыва русских фронт держали итальянские дивизии.

— О! Эти макаронники никогда не умели воевать. Еще Наполеон говорил, чтобы разгромить Италию, достаточно десяти дивизий. А если иметь Италию своей союзницей, французам потребуется не менее тридцати дивизий, чтобы защищать ее.

— Да, Наполеон был велик, но и он совершил роковую ошибку.

— Господин Дубровский, Наполеон пошел на Россию во главе стотысячной армии. А у Паулюса было более трехсот тысяч. И не французов, а немцев. Немецкий солдат несравнимо выше французского. Со времен Наполеона французы отвыкли повиноваться. А немецкий солдат готов идти на любые жертвы ради фюрера и великой Германии.

— Я полностью с вами согласен. И тем печальнее положение фельдмаршала Паулюса, который не сумел правильно использовать немецких солдат на Волге. Я клянусь головой, что виною всему эти проклятые итальянцы.

— О, да-да! Я с вами согласен. Вы не только блестяще владеете немецким языком, но и мыслите как настоящий немец. Вы очень интересный собеседник. Я хотел бы подробнее поговорить с вами о том, что произошло под Сталинградом. Где вы остановились?

Дубровский неопределенно пожал плечами.

— Господин капитан, вы приехали как раз в тот момент, когда староста должен был определить меня на постой.

— О, это хорошо! Я позабочусь, чтобы нас поместили в одном доме. Мы проведем сегодня приятный вечер.

— Благодарю вас, господин капитан. Это большая честь для меня. Но со мною малыш, который, как песчинка в пустыне, затерялся в этой большой войне.

Дубровский рассказал капитану историю Пятеркина, объяснил, что за несколько дней совместных скитаний привязался к беспомощному мальчугану и не хотел бы с ним расставаться. Капитан внимательно слушал, участливо кивал головой.

— О! Я прекрасно вас понимаю, — сказал он. — Я сам отец двоих детей. Старшему сыну всего десять лет. Уже два года я не видел свою семью.

— А вы кадровый военный? — заинтересовался Дубровский.

— О, нет, нет. Если бы не эта война, никогда не надел бы мундир. Я доктор философии, преподавал в Венском университете. Представьте себе, в юности хотел стать врачом, но неожиданно для себя увлекся философией.

— Тогда мы почти коллеги, — улыбнулся Дубровский. — Я тоже мечтал стать врачом и даже поступил

в медицинский институт. Это было в Москве. Но вскоре я понял, что не приспособлен для такой деятельности. Да, да. На занятиях в анатомичке при виде крови у меня всякий раз кружилась голова. Пришлось перейти из медицинского института в институт иностранных языков, на немецкое отделение.

— Судя по вашему произношению, вас неплохо учили. Я бы даже сказал...

Капитан не успел закончить фразу. В комнату вошел переводчик и доложил о размещении солдат. Вскоре явился и староста. Выполняя пожелание капитана, он определил Дубровского на ночлег в ту же хату, где остановился капитан.

В доме сестер Самарских было три комнаты. Самую большую из них по приказу старосты отвели немецкому офицеру. А маленькую, в другой половине хаты, предоставили Дубровскому с мальчиком. Денщик капитана Дитриха — так звали немецкого офицера — принес на ужин несколько банок французских консервов, бутылку шнапса и курицу. Одна из хозяек готовила ужин, другая, постарше, проворно набивала соломой тюфяки для ночлега.

Дубровский вместе с Пятеркиным помогали ей застелить постели на полу небольшой каморки, когда в распахнувшуюся дверь вошла девочка лет десяти с большой подушкой в руках.

— Мама, ты эту просила принести?

— Эту, Любушка, эту. А другая нам с тобой на двоих осталась.

Девочка бросила подушку на тюфяк и, отойдя в сторону, неожиданно обратилась к Виктору:

— А твоя мама где?

— Сам не знаю. Ушли с батькой во время русского наступления.

— А ты разве не русский? — вмешалась в разговор хозяйка.

Виктор удивленно посмотрел на женщину.

— Русский я! — с гордостью ответил он.

— Почему же своих-то русскими называешь? Наши ведь это.

— Все так говорят, вот и я тоже, — смущенно оправдывался мальчик.

— Нет, не все. От немцев это пошло. А нам с тобой ни к чему...

— Правильно, хозяйюшка! — перебил ее Дубровский, оберегая мальчугана от дальнейших расспросов. — Я вот белорус, а все одно всегда говорю наши.

— Зачем же тогда ихнюю форму надели?

Дубровский усмехнулся. И вдруг спросил:

— А ваш муж какую одежду выбрал?

— Наш папа на войне. Он в Красной Армии с немцами дерется! — скороговоркой выпалила девочка.

— Люба! — воскликнула женщина, метнув на дочку недобрый взгляд.

— А вы не бойтесь. Вас как зовут-то?

— Евдокия Остаповна.

— Вот и прекрасно, Евдокия Остаповна. Спасибо вам за постель. От мужа-то давненько небось весточек не было?

— Последнее письмоцо за неделю до прихода немцев я получила от него. А теперь кто его знает, живой ли?

Глаза женщины повлажнели. Она все еще недоверчиво смотрела на Дубровского, но взгляд ее заметно потеплел.

— Надо ждать и надеяться, Евдокия Остаповна, — участливо проговорил Дубровский.

— Мертвым-то что, живым куда тяжелее. — Она подошла к дочке, с нежностью провела рукой по ее волосам и, легонько подтолкнув к двери, добавила: — Пойдем, Люба. Отдохнуть людям надо.

Но отдыхать не пришлось. Вскоре Дубровского позвали в большую комнату. Капитан Дитрих широким жестом пригласил его к столу.

— Поужинаем вместе, — предложил капитан, усаживаясь первым.

Отказываться было глупо, и Дубровский, поблагодарив за оказанную честь, присел рядом.

— За нашу победу! За великого фюрера! — высокомерно проговорил капитан, поднимая граненый стакан, наполовину наполненный мутноватой жидкостью.

Следуя его примеру, Дубровский тоже поднял стакан и добавил:

— За скорейшее окончание войны!

Виктор Пятеркин давно уже спал, разметавшись на жестком соломенном тюфяке, а словоохотливый капитан

продолжал еще мучить Дубровского нескончаемыми вопросами. Его интересовало буквально все: и положение гитлеровских войск перед наступлением русских, и какая бывает зима в этом степном районе, и настроение местных жителей. Он никак не мог понять психологии русских, которые, по его мнению, давно уже проиграли войну, но все еще продолжают сопротивляться с безумством обреченных.

— Сталинград будет отомщен. Вы не представляете, какой сокрушительный удар готовит наше командование. Этим летом война закончится полной победой немецкого оружия. Сейчас огромные массы войск снимаются с Западного фронта и перебрасываются на восток, в группу армий «Центр». Моя дивизия тоже следовала туда, но в последний момент нам изменили маршрут. И говорят, это вызвано тем, что в группе армий «Центр» уже негде размещать прибывающие части. Да-да! Не удивляйтесь. Русским готовится большой сюрприз. В фатерлянде, где пополнялась наша дивизия, я видел новейшие танки «тигр». Их броня непробиваема.

Дубровский поглядывал на опустевшую бутылку, которую капитан опорожнил почти один, и мучительно старался запомнить все важное, о чем болтал этот словоохотливый немец. Лишь далеко за полночь капитан утомился. Расставаясь с Дубровским, он пообещал ему выдать справку, по которой тот беспрепятственно сможет продолжать путь в Дебальцево.

Вернувшись в отведенную для него каморку, Дубровский, не раздеваясь, прилег рядом с Пятеркиным, но долго еще не мог уснуть, восстанавливая в памяти разговор с капитаном. Перед его мысленным взором проплывали железнодорожные эшелоны с пушками, минометами и солдатами в зеленых мундирах. По шоссе на дорогах катились колонны полосатых танков, облачившихся почему-то в тигровые шкуры.

Проснулся Дубровский, когда яркие лучи весеннего солнца заполнили всю комнату. Стараясь не потревожить Виктора, он тихо поднялся с пола и вышел из хаты. За калиткой оказалась Евдокия Остаповна. В руках она несла ведра, наполненные водой. Оказавшись в палисаднике, она поставила ведра на землю и, обернувшись, прикрыла скрипучую калитку. Через мгновение Дубровский был возле нее.

— С добрым утром, Евдокия Остаповна! Давайте я вам помогу. — Он с легкостью подхватил ведра и понес их к дому.

Уже в сенях Евдокия Остаповна сказала:

— Утро-то доброе, а чего так рано поднялись?

— Уходить собираемся, вот и встал пораньше.

— Пошто так торопитесь? Передохнули бы денек-другой.

— Нет, не с руки нам сейчас отдыхать. А вот если случай выпадет, заглянем к вам еще раз.

— Парнишку-то зря за собой таскаете. Намайлся он. Ему бы к дому пристать, пока война кругом. Хотите, у меня оставьте, перебьемся вместе. Правда, с хлебом не густо, но ничего, с голоду не помрем.

— Спасибо, Евдокия Остаповна! Большое спасибо за теплоту, за душевность вашу. Только не согласится Виктор. Я его сам уговаривал в одном селе у хороших людей остаться. Да какой там. Он и слушать меня не хотел. «Пока, — говорит, — батьку не отыщу, не успокоюсь».

— Ну, коли так, что с ним сделаешь. А за помощь и вам спасибо!

— Что вы, что вы! Я пока для вас ничего не сделал. Может, встретимся еще. Пойду будить Виктора. Заспался парень. В дорогу собираться пора.

— Погодите немного. Я сейчас картошку сварю. Поешьте, тогда и ступайте с богом.

— Хорошо! От картошки не откажусь. И у нас на завтрак кое-что найдется.

Дубровский разбудил Виктора и попросил его быстро одеться, а сам принялся убирать постель. Он аккуратно сложил простыню и, помня, что Евдокия Остаповна доставала ее из стоявшего у стены комода, выдвинул ящик. Но прежде чем положить простыню, он обратил внимание на краешек письма, торчавшего из-под небольшой стопки белья. Письмо было свернуто треугольником. Так, за неимением конвертов, отправляли письма наши воины. Дубровский вытащил письмо и, прочитав обратный адрес, понял, что оно от мужа Евдокии Остаповны. Решение пришло сразу. Он достал из кармана блокнот и, записав фамилию и номер полевой почты отправителя, засунул письмо обратно под белье.

«Вот и отблагодарю Евдокию Остаповну, — подумал он. — Если жив ее муж, отыщем и обязательно восточку

от него к ней доставим. Глядишь, и она поработает нам на пользу».

Получив от немецкого капитана обещанную справку, Дубровский заглянул в комендатуру деревни Малоивановка. Комендант-ефрейтор был уже там. Прослышав о покровительственном отношении немецкого офицера к переводчику Чернышковской комендатуры, он довольно приветливо встретил Дубровского и без особых напоминаний предложил Леониду пропуск для следования в Дебальцево.

Солнце изрядно начало припекать, когда Дубровский с Пятеркиным покинули Малоивановку и двинулись дальше в свой нелегкий, опасный путь. В голубом безоблачном небе слышался приглушенный рокот одиночного самолета. Запрокинув головы, путники разглядели белоснежный, пушистый след инверсии, на острие которого поблескивал маленький силуэт самолета. Разведчик летел на большой высоте и медленно удалялся на запад.

— Это наш на разведку отправился, — мечтательно проговорил Дубровский.

— А почему они по нему не стреляют? — спросил Пятеркин.

— Видно, войск здесь немного и зениток нет.

И, словно опровергая высказанные вслух мысли, откуда-то издалека докатился грохот артиллерийских залпов, и тотчас вокруг сверкавшего на солнце самолета повисли серые, дымные шапки зенитных разрывов. Надломился белый след инверсии, самолет резко изменил направление полета, пытаясь вырваться из окружения дымных шапок.

— Противозенитный маневр делает, — сказал Дубровский.

— Неужто собьют? — В голосе Пятеркина послышались взволнованные нотки.

— Запросто могут.

А самолет все летел и летел, меняя направление, пока не отстали от него развешанные в небе маленькие облачка зенитных разрывов. Вскоре он растаял в беспредельной небесной синеве. И лишь поредевший, расползающийся след инверсии, перечеркнувший небо с востока на запад, да шапки дымных разрывов напоминали о воздушной схватке, разыгравшейся над израненной, истерзанной степью...

И почему-то именно этот бой беззащитного воздушного разведчика, по которому с разных сторон били немецкие зенитки, вспоминался теперь Дубровскому, лежавшему на холодном цементе в промозглой камере. «Пусть бьют, пусть пытаются. У немцев нет улик против меня. Важно выдержаться, выстоять и вырваться».

Леонид вспомнил, как вместе с Пятеркиным добрались они до Горловки. Там обнаружили большое скопление немецких войск. Улицы и площади были переполнены автомашинами и бронетранспортерами. На станции с прибывающих эшелонов сгружали танки, артиллерийские установки, ящики с боеприпасами. В центре города, на территории церкви, громоздились пирамиды бочек с горючим. Возле полуразрушенного здания завода возвышались штабеля снарядов и мин.

Из разговоров с немецкими солдатами Дубровский узнал, что на этот участок фронта гитлеровцы перебросили новые соединения из Италии и Австрии. Солдаты высказывали предположение, что в скором времени начнется новое наступление германских войск в направлении излучины Дона.

Собрав ценные сведения о противнике в Горловке, Леонид и Пятеркин отправились в Макеевку. Здесь войск было еще больше. Почти в каждом доме размещались немецкие солдаты, во дворах и на улицах стояла боевая техника.

Поразыслив, Дубровский решил направить Пятеркина через фронт к Потапову, чтобы своевременно сообщить советскому командованию о крупном сосредоточении вражеских войск, а сам решил пойти в Сталино, надеясь пристроиться там в одной из немецких комендатур.

Из Макеевки на шоссе они вышли вместе. Отыскав в степи заброшенный стог прошлогодней соломы, забрались в него передохнуть. Здесь Дубровский написал на листочке бумаги подробный отчет о добытых сведениях и собственноручно зашил донесение за подкладку истрепанной куртки Виктора. Перед тем как отпустить от себя паренька, Дубровский договорился с ним, что через две недели Пятеркин вернется на территорию, занятую врагом, и придет в Малоивановку к сестрам Самарским. К тому времени Леонид намеревался сообщить Самарским о своем местонахождении или в крайнем случае сам встретить у них Виктора.

Вечером на развилке дорог они расстались. Долго еще стоял Дубровский возле обочины, вглядываясь в одинокую фигурку, уверенно вышагивавшую по грязной весенней дороге. За время совместных скитаний по вражескому тылу он полюбил этого шустрого вдумчивого паренька, который наравне со взрослыми мужественно переносил все тяготы и невзгоды войны, обрушившиеся на его еще не окрепшие плечи.

«Ничего, этот выдюжит, — думал Дубровский. — Только бы не подловили при переходе через линию фронта».

А через девять дней Дубровский уже сам стучался в окно дома сестер Самарских. Дверь открыла Евдокия Остаповна. Признав бывшего постояльца, онапустила его в дом.

— Одна я нынче, боязно открывать было, — призналась она.

— А сестра куда подевалась?

— В город, на базар, уехала. Продать кое-что надо.

Из дальнейших разговоров Дубровский узнал, что капитан Дитрих вместе со своими солдатами выехал из Малоивановки в неизвестном направлении. Да и комендант-ефрейтор тоже покинул эту деревню. Теперь новую комендатуру в Малоивановке возглавлял какой-то лейтенант.

Все это Евдокия Остаповна рассказала Дубровскому, пока тот, сняв сапог, разбинтовывал ногу. От изнурительной беспрестанной ходьбы у Леонида открылась рана. Последние два дня он заметно прихрамывал. Каждый шаг болью отдавался в раненой ноге. Весь бинт и портянка пропитались кровью. Евдокия Остаповна предложила согреть воды и промыть открывшуюся рану.

Неожиданно в дом вошла молодая миловидная женщина.

— Здравствуйте! — сказала она, неприветливо оглядывая Дубровского.

— Это моя соседка, — представила ее Евдокия Остаповна.

— Здравствуйте, здравствуйте, — ответил Дубровский.

— А вы кто же будете? — спросила незнакомка.

— Он у меня с капитаном немецким ночевал, — пояснила Самарская.

Незнакомка перекинулась с Евдокией Остаповной еще

несколькими, ничего не значащими фразами и убежала так же неожиданно, как и вошла.

— К лейтенанту в комендатуру поступила работать, вертхвостка, — осуждающе проговорила Самарская.

Вода в кастрюльке уже начала закипать, когда в дом с шумом ворвались немецкие солдаты во главе с лейтенантом. Вороненные стволы автоматов уставились на Дубровского.

— Ваши документы! — властно потребовал лейтенант.

— Я переводчик Чернышковской комендатуры, — ответил Леонид по-немецки, доставая из кармана удостоверение и справку, выданную капитаном.

— Это еще необходимо проверить, — сказал лейтенант, разглядывая помятое, замусоленное удостоверение. — А сейчас собирайтесь, вы арестованы.

Дубровский устало вздохнул.

— Я надеюсь, что недоразумение скоро выяснится. А пока я прошу разрешения перебинтовать ногу. Открылась старая рана. Вы солдат и хорошо понимаете, что это такое.

— Да-да. Можно. Только скорее, поторапливайтесь. У меня и без вас много дел.

Вскоре Дубровский очутился в душном погребе того самого дома под железной крышей, в котором раньше размещалась немецкая комендатура. За три дня, проведенных там, его несколько раз вызывали на допрос к лейтенанту, но он неизменно повторял, что является переводчиком Чернышковской комендатуры и разыскивает свою часть, от которой отстал во время отступления.

Так ничего и не добившись, лейтенант отправил его на автомашине в Алчевск. Здесь начальник СД майор Фельдгоф допрашивал арестованного.

— Признавайтесь, с каким заданием направили вас в расположение германских войск? — настойчиво требовал он.

— Я убедительно прошу господина майора запросить Чернышковскую комендатуру. Вам же легче узнать, где теперь моя часть.

— Не учите меня вести допрос. Может быть, Чернышковской комендатуры давно уже нет. Вероятнее всего, она разгромлена русскими. А станция Чир, где вы изволили служить переводчиком лагеря военнопленных, находится по ту сторону фронта.

— Но я же назвал вам фамилию коменданта, описал вам его внешность. Назвал других сотрудников Чернышковской комендатуры. Разве этого мало?

— Я не желаю тратить на вас так много времени. Если вы признаетесь, что являетесь русским агентом, и расскажете, кто и с какими целями направил вас в расположение германских войск, мы можем предложить вам работать у нас. Если вы по-прежнему станете отпираться, тогда я подпишу смертный приговор. Вас расстреляют сегодня же ночью.

— Господин майор, вот уже больше года я верой и правдой служил идеалам великой Германии, я помогал германскому командованию насаждать новый порядок на этой земле. И теперь вместо благодарности вы угрожаете мне расстрелом. Что ж, убивайте, расстреливайте своих верных слуг, только с кем вы тогда останетесь, с кем будете работать?

Лицо майора побагровело, выпученные глаза налились кровью.

— Молчать! — крикнул он во весь голос и, подскочив к Дубровскому, наотмашь ударил его кулаком по лицу.

Леонид устоял. Из рассеченной губы заструилась кровь.

Майор Фельдгоф позвал конвоиров, и те по его команде набросились на Дубровского. Они били его безжалостно, а когда он упал, топтали ногами. Уже в бессознательном состоянии его выволокли из кабинета начальника СД и бросили на цементный пол подвальной камеры.

Сознание возвращалось медленно. Поначалу Леониду казалось, что он еще маленький мальчик, мать склонилась над изголовьем его постели и ласково нежной рукой гладит по голове. На пылающий жаром лоб она положила холодное, влажное полотенце.

Наконец он явственно ощутил струйки воды, стекавшие по лицу от приложенного ко лбу полотенца, и открыл веки. Перед глазами возник незнакомый бородастый мужчина, склонившийся над его головой.

— Где я? — тихо проговорил Дубровский, сиюсья восстановит в памяти происходящее.

— Знамо дело где, в гестапо! — глухо ответил незнакомец, снимая с головы Леонида мокрую тряпку. — Отить как отделали человека, душегубы.

Теперь Леонид окончательно пришел в себя, вспомнил, что с ним произошло, и стал мучительно обдумывать положение, в котором оказался. Последний разговор с майором Фельдгофом не предвещал ничего хорошего. Леонид приготовился к самому худшему. Лишь сознание невыполненного долга не покидало его в эти минуты.

Так в томительном ожидании прошел почти весь день, потом ночь и еще один день. Кого-то уводили и вновь приводили обратно, кто-то громко стонал у стены. Около двух недель провел Дубровский в этой камере. А однажды, когда в единственном маленьком окошке, прилепившемся под самым потолком, уже начали сгущаться вечерние сумерки, за дверью послышался звон ключей, и в распахнувшемся проеме раздался окрик:

— Дубровский Леонид, выходи с вещами!

Пересиливая боль, Леонид поднялся на ослабевшие ноги. «Это конец. И никто из наших не узнает, как я погиб», — пронеслось в сознании. Он шагнул к двери и вышел из камеры.

По знакомой лестнице его повели наверх, заставили свернуть по коридору, еще один поворот — и он снова очутился перед кабинетом начальника СД города Алчевска. Один из конвоиров зашел первым и, выйдя через мгновение, незлобно подтолкнул Дубровского к двери.

Кроме майора Фельдгофа в кабинете находился высокий, худощавый немец в зеленом мундире. Леонид обратил внимание на его маленькое, почти детское лицо, на малиновый шрам, наискось перечеркнувший узкий лоб, на длинные волосатые руки. «Этот будет пытаться», — подумал Дубровский, оглядывая немца, стоявшего возле открытого окна.

— Господин Дубровский, — послышался мягкий, вкрадчивый голос начальника СД, и Леонид перевел взгляд на майора Фельдгофа, — я приношу самые искренние извинения за те неприятности, которые вынужден был доставить вам. Я действительно полагал, что имею дело с русским агентом. Так нас информировал комендант Малоивановки. А теперь я рад сообщить, что это была ошибка. Сегодня мы получили ответ на запрос. Из документов следует, что вы действительно были сотрудником Чернышковской комендатуры. Я еще раз приношу свои извинения.

Сердце гулко стучало в груди. Леониду казалось, вот-

вот оно вырвется наружу. Но ни один мускул не дрогнул на его лице. Он не позволил себе улыбнуться.

А майор Фельдгоф продолжал:

— Чернышковская комендатура в настоящее время передислоцирована на другой участок фронта. Вам нет надобности следовать туда. По согласованию с командованием вы поступаете в распоряжение тайной полевой полиции ГФП-721. Ее начальник — полицейский комиссар Майснер. А фельдполицайсекретарь Рунцхаймер, — майор кивнул на длинного немца, — руководит внешней командой в городе Кадзевка. У него вы и будете работать переводчиком. Я надеюсь, господин Дубровский, вы оправдаете наше доверие?

— Господин майор! Я рад, что ответ на ваш запрос пришел вовремя. Нет, смерть меня не пугала. Но согласитесь, как обидно получить пулю в затылок от рук тех, кому служишь. Я целиком поддерживаю идеи национал-социализма и готов умереть за идеалы великой Германии.

— О! Это похвально, господин Дубровский, — вступил в разговор фельдполицайсекретарь. — У вас будет возможность доказать на деле свое старание. Моя команда ведет беспощадную борьбу с партизанами, мы выявляем и уничтожаем евреев, коммунистов и их пособников. Работы много. Но об этом поговорим потом, когда я познакомлю вас с вашими обязанностями. А сейчас можете идти. Мой «мерседес» стоит у подъезда. Подождите меня там, я спущусь через несколько минут.

Леонид вопросительно посмотрел на майора Фельдгофа. Тот одобрительно кивнул и, окликнув конвойных, приказал им проводить Дубровского на улицу.

Только выйдя из дома, в котором размещалась СД, Леонид позволил себе улыбнуться. Да, он улыбался своим мыслям. Он теперь вплотную приблизился к цели.

Леонид подошел к серому, пятнистому от камуфляжа «мерседесу», за рулем которого восседал немецкий солдат. Запрокинув голову, оглядел безоблачное небо. В темно-фиолетовой сини кое-где появились звезды.

2

Капитан Потапов поднялся из-за стола. Довольно потирая руки, он прошелся по комнате. Только что из его

кабинета увели пленного немецкого фельдфебеля, захваченного в районе перехода Дубровским линии фронта. Перепуганный гитлеровец рассказал все, что знал о своей части. Несколько раз повторил: «Гитлер капут». По его словам, на этом участке немцы давно уже никого не задерживали. Таким образом, были все основания полагать, что Дубровский и Пятеркин благополучно пробрались на вражескую территорию. Оставалось запастись терпением и ждать.

Как было условлено, Пятеркин должен вернуться не позже чем через две недели. А прошло всего лишь четыре дня. Потапов глубоко вздохнул. Хотелось верить в благополучный исход задуманной операции. «Лейтенант Дубровский не новичок, — размышлял Потапов. — Несколько месяцев работал на той стороне, в немецкой комендатуре. А в феврале был переброшен за линию фронта, одиннадцать дней скитался по немецким тылам. Этот не должен растеряться. Да и мальчонка проверенный. Был связным на той стороне. Правда, с Дубровским пошел впервые».

Уже лежа в постели на жестком походном тюфяке, Потапов вспомнил, как в самый канун Нового года, при освобождении станции Чернышково частями третьей ударной армии, к нему привели высокого молодого человека. По обнаруженным у него документам значилось, что предьявитель сего Леонид Дубровский, белорус, является переводчиком Чернышковской комендатуры. Однако на допросе он заявил, что фамилия эта вымышленная и что на самом деле он московский комсомолец Лев Моисеевич Бреннер, лейтенант Советской Армии, попавший в окружение и плененный немцами.

Он правдиво и убедительно поведал свою историю и сообщил командованию интересные сведения о противнике. Ему поверили. А поверив, решили использовать в разведке. Поначалу его забросили в немецкий тыл в район станции Тацинская, откуда он вернулся с ценнейшими разведывательными данными. Тогда-то и возникла идея заслать его в какой-нибудь разведывательный орган фашистской армии с целью выявления вражеской агентуры.

С той памятной ночи, когда Леонид Дубровский и Виктор Пятеркин скрылись во мгле, подсвеченной артиллерийскими залпами, Потапов частенько думал о них, мысленно шагал вместе с ними по знакомым проселкам Лу-

ганской области. Порой ему казалось, что вот-вот откроется дверь и в кабинет войдет Виктор Пятеркин. Так было уже однажды, когда оставшаяся для подпольной работы в тылу врага школьная учительница Валентина Платонова Стеценко прислала через фронт своего ученика Виктора Пятеркина.

Виктор принес тогда советскому командованию подробное описание вражеских укреплений в районе Луганска, данные о расположении немецких войск, собранные подпольным обкомом партии.

Потому-то, когда встал вопрос о связном для Дубровского, выбор пал на Виктора Пятеркина. Капитан Потапов сам предложил его кандидатуру и теперь больше других тревожился за мальчугана.

...Прошло около двух недель, а от Дубровского все еще не было никаких известий. Наконец восемнадцатого апреля утром раздался телефонный звонок, и капитану Потапову сообщили, что бойцы одной из передовых частей подобрали на нейтральной полосе раненого мальчонку, который назвался Ивановым и просит доложить, что прибыл от Борисова.

— Ранение серьезное? — глухим озабоченным голосом спросил Потапов.

— Не знаю, — ответили в трубке. — Сейчас его повезли в медсанбат на перевязку, позвоните туда.

— К черту звонки! Я сам туда еду.

Через два часа он уже подъезжал к медсанбату. Главный врач успокоил капитана. Рана оказалась пустяковой. Не задев кости, пуля навывлет прошла через мягкие ткани выше колена.

Потапова провели в одну из хат, где размещались раненые. Виктор Пятеркин, осунувшийся и бледный, лежал на больничной койке возле окна. Приветливая улыбка скользнула по его лицу, когда он увидел капитана, глава радостно заблестели.

— Ну как самочувствие, разведчик? — спросил капитан, присаживаясь рядом на табурет. Он ласково погладил Виктора по голове.

— Ничего. Все в порядке, Владимир Иванович. Только на нейтральной задело. Я уже к нашим подполз, а немцы, гады, стрельбу открыли. Вот и царпнуло малость...

И по тону, и по тому, как небрежно сказал Пятеркин

о своей ране, Потапов понял, что это чужие слова, услышанные от взрослых.

— Ну а Леонид как? Когда ты от него ушел?

— Четыре дня назад. Возле Макеевки мы с ним расстались. Здесь у меня куртку отобрали, велите принести, там, в подкладке, для вас донесение зашито.

Медсестра, сопровождавшая капитана, побежала за курточкой.

— Так-то, Виктор. Молодец, что добрался. А теперь вылежать надо.

— Нельзя мне долго, Владимир Иванович. Через десять дней я в Малоивановке должен быть. Так мы с Борисовым договорились.

— Ну да, конечно, конечно. Только к этому времени ты вряд ли поправишься. Но не огорчайся, замену тебе найдем...

— Не-е, Владимир Иванович. Доктор сказал: «На молодых заживает быстро». Через несколько дней обещал отпустить.

— Вот, пожалуйста! — покрасневшая от волнения медсестра протянула Потапову потрепанную куртку мальчика.

Капитан бережно взял курточку и, ощупав ее, протянул Виктору:

— Где?

— Вот здесь распорите, — показал тот на левую полу, замызганную грязью.

Потапов достал из кармана перочинный нож, аккуратно разрезал нитки и извлек из-под подкладки листок бумаги.

— Тут все подробно написано, все как есть, — с гордостью проговорил мальчуган. — А на работу дядя Леня еще не устроился. Сказал, может, в Сталино поступит.

— Хорошо, хорошо! Поправляйся и отдыхай пока. Я распоряджусь, чтобы тебя в наш фронтowej санаторий перебросили. Я там рядом буду. Тогда и поговорим. Согласен?

— Ладно, чего уж там согласия спрашивать. Раз надо — пусть так и будет. Я санаториев не боюсь.

— А чего их бояться? — удивился Потапов, не предполагая, что мальчишка впервые услышал это слово.

Виктор промолчал, собираясь с мыслями, наморщил лоб.

— Что, больно? — встревожился капитан.

— Нет. Припекает маленько... — Помолчав немного, спросил: — А в санатории что со мной делать будут?

Потапов и медсестра рассмеялись.

— А ничего. Кормить-пить будут, кино показывать. Если потребуется, перевязку сделают. Это заведение для отдыха предназначено, — пояснил Потапов.

Виктор облегченно вздохнул. Чуть приметная улыбка скользнула по его лицу. Потапов встал с табуретки и по-мужски пожал ему руку.

— Спасибо тебе, товарищ Пятеркин. Командование приносит тебе свою благодарность, — сказал капитан официальным тоном и уже теплее добавил: — И все мы ждем твоего скорейшего выздоровления. Дел еще много. Землю нашу от немца надо освобождать. И командование рассчитывает на твою помощь.

— Я скоро, Владимир Иванович, я по-быстрому.

Глаза паренька заискрились задором. А капитан, будто вспомнив о чем-то, вновь присел возле кровати.

— Скажи-ка, Виктор, где ты с Леонидом договорился встретиться?

— Я в Малоивановку должен прийти...

— А там, в Малоивановке, у кого?

Мальчуган подробно рассказал Потапову все, что знал о сестрах Самарских. Нарисовал, где расположен их дом.

— Если Борисова там не будет, — заговорил он, — тогда эти тетки скажут, где он обосновался. Он им обязательно сообщит. У одной из них муж в нашей армии служит. Там, в записке, фамилия его и адрес. Борисов просил с ним связаться. Если жив, пусть письмо жене напишет. Я передам ей...

— Это сделаем. Обязательно сделаем. Поправляйся.

Потапов попрощался с Пятеркиным и вышел из комнаты.

3

Юркий «мерседес» мчался по большаку в сторону Кадиевки. Шофер с ефрейторскими нашивками то и дело выворачивал руль, лавируя между выбоинами, наполненными густой, мутноватой жижей. Весенний ливень пронесся над степью еще утром. К вечеру дорога успела про-

сохнуть. Лишь местами, в глубоких проемах между ухабами, еще сохранились лужи, и теперь золотистые блики луны причудливо играли на их поверхности.

Водители встречных грузовиков, завидев «мерседес», резко притормаживали, чтобы не обдать грязью легковой автомобиль, в котором — не дай бог! — могло находиться начальство. Но, поравнявшись с ним, они прибавляли газ и с ревом пронеслись мимо, оставляя в воздухе резкий запах перегара солярки.

Однако какой-то водитель не проявил достаточной осмотрительности и увеличил скорость грузовика в тот самый момент, когда от мчащегося навстречу «мерседеса» его отделяла большая лужа. В мгновение ока целый поток липкой грязи, вздыбившись из-под колес огромного грузовика, набросился на капот и стекла легкового автомобиля. За мутной пеленой скрылись и без того плохо различимые очертания дороги. Ефрейтор резко затормозил.

— Доннер-веттер! — зло вымолвил фельдполицайсекретарь Рунцхаймер, не проронивший за всю дорогу ни единого слова. Он развалился на заднем сиденье «мерседеса» и, казалось, дремал. Во всяком случае, так думал Дубровский, сидевший по указанию Рунцхаймера рядом с водителем. Но гневное «Доннер-веттер!» отбросило это предположение.

Дубровский обернулся и увидел небольшую лысину на затылке Рунцхаймера. Лица его не было видно. Согнувшись в три погибели, он поднимал что-то с пола. Только через мгновение Дубровский понял, в чем дело. От резкого торможения красивая, вздыбленная спереди фуражка Рунцхаймера не удержалась на голове и свалилась на пол. Подняв фуражку, фельдполицайсекретарь аккуратно стряхнул ее перчаткой и вновь водрузил на голову.

Водитель приоткрыл дверцу. На потолке кабины тускло засветилась лампочка. Теперь Дубровский разглядел побагровевшее от ярости лицо Рунцхаймера, на лбу которого еще явственнее обозначился рубец — след старой раны. Казалось, фельдполицайсекретарь вот-вот набросится на ефрейтора. Но тот уже успел выбраться из кабины и бойко протирал тряпкой ветровое стекло.

— Доннер-веттер! — несколько спокойнее повторил Рунцхаймер и неожиданно улыбнулся. — Если бы я сидел впереди, этого не произошло бы.

Рунцхаймер нехотя выбрался из автомобиля и предложил Дубровскому перейти на заднее сиденье.

Послышался скрежет стартера, мотор оглушительно взревел на больших оборотах, и «мерседес» плавно тронулся с места.

Дубровский торжествовал. Огромная радость переполнила его душу. Он откинулся на спинку сиденья, плотно прильнул к ней спиной. Саднили еще не зажившие рубцы — следы недавних побоев на допросах, — а он все сильнее прижимался к спинке. Стало еще больнее. Но эта боль отвлекала, нейтрализовала то возбуждение, которое он так старательно пытался сейчас скрыть. Он все больше убеждался, что немцы ему поверили. До самого последнего момента Дубровский думал, что извинения Фельдгофа, назначение переводчиком к Рунцхаймеру — все это очередная уловка гестаповцев, еще одна попытка проверить его.

Он выдержал нелегкое испытание, выпавшее на его долю, выдержал и, таким образом, получил возможность выполнить важное боевое задание, порученное ему командованием. Леонид на мгновение закрыл глаза. Перед мысленным взором поплыли лица родных и близких, добрый взгляд матери, белозубые улыбки младших братьев.

Леонид знал, что оба его брата стали танкистами и сражаются где-то на Центральном фронте. Но он никак не мог представить себе младших братьев в военной форме, в кабине боевого танка. Они для него по-прежнему были мальчишками, за которыми нужен был глаз да глаз, как часто говаривала мать. Вспомнив о братьях, Леонид невольно подумал и о Пятеркине.

— Господин Дубровский, — прервал его мысли голос Рунцхаймера, — вы русский, выросли в России и должны хорошо знать характер ваших людей. Объясните мне, почему русские, которые уже проиграли эту войну, все еще продолжают бессмысленное сопротивление? Неужели временная неудача германской армии на берегу Волги так вскружила им голову? Ведь это не есть победа русского оружия — это была победа русской зимы, которую плохо переносят наши солдаты. Так случилось под Москвой, так случилось под Сталинградом. Но, как известно, после зимы приходит лето. Это неотвратимо. Это так же неотвратимо, как и наше летнее наступление, после которого германская армия вновь будет у стен Москвы, а потом и на

Волге. Так зачем же напрасные жертвы, зачем бессмысленное сопротивление?

Рунцхаймер, полуобернувшись, смотрел на Дубровского.

Выждав некоторое время, Леонид ответил:

— Вы правы, господин фельдполицайсекретарь! Многие русские уже поняли это и охотно сдаются в плен. Правда, для некоторых это исключено. Они коммунисты. А вы расстреливаете коммунистов. Таким образом, единственное, что им остается, — это сопротивление. Но я не думаю, что оно будет долгим. Сталинград — предсмертная агония Красной Армии. К тому же нас подвели итальянцы. Если бы они не разбежались при первой же атаке советских танков, мы и теперь были бы на берегу Волги. Не так ли?

— О, да, возможно, вы правы. Но вы не совсем точно поняли мой вопрос. Меня интересует сопротивление русских не там, за линией фронта, а здесь, в тылу наших войск. Да, да. Именно здесь, где солдаты фюрера освободили людей от ярма большевизма, где германская армия устанавливает новый порядок.

— Но, господин фельдполицайсекретарь, германская армия устанавливает новый порядок не примером, не убеждением, а силой оружия. Как известно из физики, всякое действие встречает противодействие. С этим надо считаться.

— Благодарю за откровенность, господин Дубровский. Очевидно, вы занимались физикой?

— Нет, нет. Я не физик. Я лингвист. С детства любил немецкий язык, а в самый канун войны окончил институт иностранных языков. Собирался преподавать немецкий в средних школах.

— У нас работали по убеждению или подчинялись силе оружия?

— Ни то ни другое. Вы уже поблагодарили меня за откровенность, и это обязывает меня быть искренним. По национальности я белорус. Мой отец проповедовал государственную самостоятельность Белоруссии. Коммунисты расстреляли его как буржуазного националиста.

— И вам, его сыну, позволили окончить институт? — в голосе Рунцхаймера прозвучала ирония.

— Представьте себе, это так. Заканчивая среднюю школу, я и не помышлял о высшем образовании. Но в

это время Сталин бросил в народ крылатую фразу: «Сын ва отца не отвечает». И поверьте, это изменило мою судьбу. Меня приняли в институт.

— Значит, вы мстите коммунистам за своего отца?

— Да! Именно это я и хотел сказать.

Рунцхаймер ничего не ответил. Несколько минут они ехали молча, оглядывая вереницу грузовых автомобилей, двигающихся навстречу. Когда же последний грузовик скрылся позади «мерседеса», Рунцхаймер с интересом спросил:

— Сколько вам лет, господин Дубровский?

— Недавно исполнилось двадцать три. А вам, господин фельдполицайсекретарь, если это не секрет?

— Нет, для вас, господин Дубровский, это не секрет. Я старше вас всего на четыре года. И думаю, мы с вами сработаемся. У вас прекрасный немецкий, я бы даже сказал, с некоторым берлинским акцентом. Надеюсь, и русский у вас не хуже. Мне нужен такой человек. Вы будете моим личным переводчиком.

— Благодарю вас, господин фельдполицайсекретарь! Вы оказываете мне большую честь. Я постараюсь оправдать ваше доверие.

— Мое доверие? — Рунцхаймер многозначительно усмехнулся. — Время покажет, господин Дубровский. Вы еще не знакомы с моей собакой. Это умнейшее существо, незаслуженно лишенное дара речи. Его зовут Гарас. Он скалит зубы на каждого, кто подходит ко мне близко. А я не доверяю людям, на которых рычит мой пес. Я даже не удерживаю его, если он бросается на кого-нибудь. Просто он лучше меня чувствует, кто мой друг и кто враг.

— И он никогда не ошибался?

— К черту подробности! Я не вникаю в детали, когда Гарас расправляется с моими врагами.

Дубровский насторожился.

— А какой породы ваша собака?

— Обыкновенная немецкая овчарка. Но мой экземпляр невиданных размеров. Одним прыжком он сбивает с ног человека. Так было уже не раз. И если прикажу, может перегрызть горло.

Рунцхаймер сказал это совершенно спокойно, будто разговор шел о чем-то обычном. Правая рука Дубровского сжалась в кулак, он стиснул зубы и незаметно глубоко вздохнул. Хотелось вцепиться в эту тонкую, длин-

ную шею да так стиснуть пальцы, чтобы хрустнул кадык, чтобы вздулись вены. Но...

«Мерседес» заметно сбавил скорость, свернул с большака. Теперь по сторонам дороги угадывались небольшие домики, дощатые заборы, выхваченные из темноты тусклым светом притушенных фар.

— Это Кадиевка, — сказал, словно отрубил, Рунцхаймер. — Мы работаем здесь. И живем здесь. Но это недолго. Наведем порядок и вернемся в Сталино. Там основной штаб ГФП-721.

Водитель робко, вполголоса, спросил:

— Куда изволите, господин фельдполицайсекретарь?

— Домой! — И обращаясь к Дубровскому: — Вы будете жить в комнате одного из моих сотрудников.

— А он в отъезде?

— Нет, он здесь. Вы будете жить с ним в одной комнате. Он тоже русский. Сможете разговаривать на своем языке. Да! Чуть не забыл. Чтобы не было недоразумений. Без моего личного разрешения вы не смеее отлучаться из Кадиевки.

- Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь!

«Мерседес» круто свернул влево, медленно проехал через неглубокий кювет и остановился у ворот. Раздался резкий сигнал автомобиля. Ворота распахнулись. Машина въехала во двор и стала возле барака. Шофер проворно выскочил из машины и распахнул дверцу для Рунцхаймера.

— Мы приехали, господин Дубровский! Можете выходить! — бросил тот, выбираясь из автомобиля.

Леонид вышел, потянулся, разминая затекшее тело. Где-то рядом, за кустами палисадника, хлопнула дверь. И через мгновение перед Рунцхаймером появился унтер-офицер. Выбросив вперед руку в фашистском приветствии, он негромко крикнул:

— Хайль Гитлер!

Рунцхаймер небрежно ответил тем же. Выслушав короткий рапорт и кивнув на Дубровского, он громко проговорил:

— Знакомьтесь, Рудольф! Это новый переводчик. Вы коренной житель Берлина и должны по достоинству оценить его берлинское произношение.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! — Дежурный унтер-офицер шагнул к Дубровскому и, склонив

голову, протянул ему руку: — Рудольф Монцарт, следовательно ГФП-721!

— Дубровский, Леонид.

— Рудольф! Проводите господина Дубровского в комнату Потемкина и распорядитесь приготовить для него вторую кровать. Они будут жить вместе. Сообщите об этом Алексу.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь!

— Можете идти. Да! Побеспокойтесь, чтобы господин Дубровского накормили ужином. Приказ о зачислении на довольствие я подпишу завтра утром.

— Слушаюсь!

Рудольф жестом пригласил Дубровского следовать за ним.

Луна ярко высвечивала в зените. Звезды, будто начищенные, сверкали в ночном небе. Весенний, бархатный ветерок приятно охлаждал непокрытую голову и лицо. Леонид вдохнул полной грудью и тут же ощутил саднящую боль в спине. «Ничего, еще несколько дней — и рубцы затянутся». Он стиснул зубы так же крепко, как тогда, во время допроса у Фельдгофа, когда плетеный электрический провод со свистом впивался в его обнаженную спину.

— Пожалуйста! Вот сюда! — Пропуская Леонида вперед, Рудольф Монцарт приоткрыл дверь барака.

Дубровский шагнул через порог и окунулся в сплошную темень.

— Один момент! — услышал он позади голос унтера. Раздался резкий щелчок, и маленькое пламя бензиновой зажигалки тускло осветило квадратные сенцы.

Леонид обернулся, вопросительно посмотрел на Монцарта. В зеленых выпученных глазах унтера отражалось крохотное пламя зажигалки. Возле самого виска из-под фуражки свисала прядь белобрысых волос.

— Это здесь! — сказал тот, протягивая руку к двери, что была слева.

Дубровский хотел было постучать, но Монцарт бесцеремонно потянул за ручку. Дверь отворилась, и Леонид разглядел комнату с одним занавешенным окном, возле которого стоял письменный стол. У стола, поближе к зажженной керосиновой лампе, сидел молодой мужчина. Оторвавшись от развернутой газеты, он поднял голову и недобрым взглядом, исподлобья, окинул вошедших.

— Алекс, — обратился к нему Рудольф Монцарт, — это новый переводчик, господин Дубровский. По распоряжению шефа он будет жить здесь, вместе с вами.

Тот, кого называли Алексом, отложил в сторону немецкую газету, тяжело поднялся с табуретки, шагнул навстречу вошедшим. Был он невысок, худощав, за расстегнутым воротом рубашки, поверх которой висел на плечах зеленый потрепанный китель, проглядывалась волосатая грудь.

— Вместе так вместе. В тесноте — не в обиде. Вдвоем даже веселее будет, — глухо проговорил он на чистейшем русском и, словно спохватившись, добавил: — Александр Потемкин. Если угодно, просто Алекс. Им так сподручнее, — кивнул он на унтер-офицера, пожимая Дубровскому руку. — А вас как?

— Леонид!

Рудольф Монцарт не понимал русскую речь и пытался по тону разговора определить, какое впечатление произвел на Алекса его новый постоялец. Но когда Алекс предложил Дубровскому табурет, а сам присел на край корваты, немец успокоился и, видимо решив, что двое русских сами разберутся между собой, шагнул к выходу.

— Я скоро вернусь. Я проведу вас в казино, — сказал он Дубровскому с порога.

— Господин Монцарт, вы дежурный по команде, — вмешался Алекс. — Прикажите солдатам, чтобы принесли постельные принадлежности и кровать. Ее можно поставить вот здесь, — он показал на пустующую часть степы, расположенную против окна, — немного отодвинем шкаф — и кровать хорошо уместится.

Только теперь Дубровский обратил внимание на старый, обшарпанный шкаф, одиноко прижавшийся к широкой, почти пятиметровой стене. Кроме этого шкафа, табуретки, письменного стола и застеленной кровати, на которой сидел Алекс, в комнате ничего больше не было, хотя размеры ее позволяли разместить здесь еще много различной мебели. Эта пустота придавала помещению нежилой вид.

Когда за Рудольфом Монцартом плотно закрылась дверь, Дубровский спросил:

— Вы здесь живете недавно?

— В этом мире все относительно. Мне кажется, что прошла уже вечность с тех пор, как наша команда обос-

новалась в Кадиевке. А если быть точным, то еще и полтора месяцев нет...

Дубровский промолчал, обдумывая, с чего бы начать разговор.

Не снимая сапог, Александр Потемкин развалился на кровати и, упреждая вопрос, спросил:

— Из каких мест пожаловали?

— Сейчас из Алчевска... А вообще-то я белорус... Родился в Мозыре.

— В плен попали или сами пришли?

— Как вам сказать... Поначалу, конечно, в плену побывал. А потом понял идеи национал-социализма, решил честно служить новому порядку. А вы?

— Я-то? Я на курсах переводчиков был. Попал в окружение, потом в плен. А с голодухи... — Он умолк на мгновение и вдруг неожиданно спросил: — Голодать приходилось?

— И это было, — тихо, раздумчиво сказал Дубровский. Ему показалось, что Алекс осуждающе отнесся к его словам. «Быть может, это честный советский человек? Может, он случайно оказался на службе у немцев? Надо присмотреться к нему, прощупать поосновательнее. И тогда... Как было бы хорошо!.. «Один в поле не воин» — вспомнил он старую русскую поговорку. — Было бы прекрасно, ведь он же русский».

Маленькая надежда затеплилась в сознании.

— Не приспособлен я к скотской жизни, — перебил его мысли Потемкин. — Раскинул мозгами. И согласился служить у них. Даром, что ли, немецким владею?

— Теперь не сожалеете?

— А чего сожалеть? Ихняя верх взяла. А вы как считаете?

— Кто его знает, как дальше сложится. Поживем — увидим. Однако, потерявши голову, по волосам не плачут. Обратного пути у нас с вами нет.

— И то правда, — глухо отозвался Алекс.

— Скажите, а что представляет собой ваш шеф?

— Дылда? — многозначительно произнес Алекс. — Это, насколько я понял, отныне и ваш шеф.

— Да-да! Конечно. Только почему дылда?

— За длинный рост солдаты его так прозвали. Ну и к подчиненным это перекинулось. Между собой мы его тоже так зовем...

За окном слышался громкий незлобный лай.

— Вон с любимым псом развлекается. Засиделась собака, пока его не было. А другим не разрешает подходить к ней. Да и возьмется ли кто?! Она у него, словно бешеная, на людей кидается. Только его и слушает.

— Так что он за человек? — повторил свой вопрос Дубровский.

— Обыкновенный немец. До войны, говорят, был сотрудником криминальной полиции в Берлине. Член партии национал-социалистов. Никому, кроме фюрера и своей собаки, не доверяет. Любит он этого пса, а еще пуще — баб. В одной Кадиевке больше десятка девок перепортил.

— А с подчиненными как?

— Поживете, поработаете — сами увидите. Если старание проявите — приживетесь, а нет — в лагерь может отправить.

— Придется постараться.

— А здесь работа не деликатная — руки кровью мазать придется.

Дубровский насторожился.

— Что вы имеете в виду?

— Не прикидывайтесь. Не с девками же он с вашей помощью беседовать собирается. С ними он сам общий язык находит. В этом деле руки красноречивее слов бывают. А вот на допросах... Там не только языком, мускулами тоже работать надо, — многозначительно произнес Потемкин и после недолгой паузы добавил: — А люди кричат, да что там говорить, некоторые просто воют от боли.

— А если я откажусь?

— Попробуй откажись. Значит, кишка тонка. Такие Рунцхаймеру не нужны. Здесь таких не держат.

В сенях слышался топот, в дверь постучали.

Потемкин поднялся с кровати, крикнул, чтобы входили, и, подойдя к лампе, прибавил света. В дверях показался пожилой немецкий солдат. Переводя взгляд с Потемкина на Дубровского, он несколько замешкался, но потом решил и доложил Потемкину, что кровать и постель доставлены.

— Хорошо, побыстрее заносите в комнату! — распорядился тот. — Но сначала передвиньте этот шкаф.

Дубровский встал, шагнул к шкафу, намереваясь помочь, но Потемкин жестом остановил его:

— Нет-нет! Не надо. Сами справятся.

Солдат приоткрыл дверь, окликнул второго. Вдвоем они передвинули шкаф, внесли кровать и, поставив ее у стены, аккуратно застелили постель на соломенном тю-фяке.

— Спасибо! — поблагодарил их Дубровский.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — вразнобой ответили они, удаляясь из комнаты.

Когда их шаги окончательно стихли, Дубровский, как бы раздумывая вслух, негромко проговорил:

— Никогда не видел, чтобы немецкий солдат ухажи-вал за русским переводчиком.

— Привыкайте, господин Дубровский. В нашей коман-де свои порядки.

— Не понимаю! Разве немцы уже не господа?

— Эти двое на время выбыли из господского сословия. Они арестованы за какой-то воинский проступок и пред-станут перед судом. От нас зависит их дальнейшая судьба...

— Господин Алекс, не слишком ли много мы на себя берем?

— Нет, нет. Вы не совсем точно меня поняли. Их судьба зависит не от нас с вами, а от группы тайной полевой полиции, в которой мы с вами служим. От фельд-полицайсекретаря Рунцхаймера, от фельдфебеля-следо-вателя.

— Неужели у Рунцхаймера такие полномочия? Ведь по армейским понятиям он всего-навсего лейтенант.

— Этого лейтенанта побаиваются армейские генералы. Ему предоставлено право самолично выносить смертные приговоры. Конечно, к генералам и офицерам германской армии это не относится. Но проступки рядовых великой Германии Рунцхаймер разбирает сам и волен пресекать их по своему усмотрению, вплоть до расстрела. По делам же местного населения и говорить не приходится. Он и царь, он и бог. Хочет — казнит, хочет — милует.

— Да-а! Ничего не скажешь, права большие. А како-вы же обязанности?

Потемкин метнул недоверчивый взгляд на Дубров-ского, прищурился и, глубоко вдохнув, молвил:

— Подробности у Рунцхаймера. Он сам берет подпис-ку о неразглашении тайны, сам и посвящает в иезуиты святого ордена ГФП-721.

Дубровский помолчал, подошел к своей кровати и, присев на самый край, оглядел Потемкина. «Низкорослый, круглолицый человечек, с большим толстым носом и маленьким, обрубленным подбородком, — старался он мысленно запечатлеть портрет этого сотрудника тайной полевой полиции. — Так-так! Что же еще характерного? Большой лоб, темные волосы зачесаны назад и набок. А еще? Глубоко посаженные глаза. Верхняя губа шире обычного».

Потемкин убрал со стола газету, достал из шкафа почти новый немецкий френч и, насвистывая, стал одеваться.

«Хорошо бы узнать возраст и место рождения», — вспомнил Леонид назидания капитана Потапова и тут же спросил:

— А вы сами, Алекс, из каких краев будете?

— Я почти местный, — ответил тот, просовывая руку в рукав зеленого френча, на котором Дубровский разглядел солдатские погоны, — родился в станице Авдеевская, теперь она Авдеевка называется. Недалеко от Сталино.

— Там и немецким овладели?

— Нет! С образованием история длинная. Отец у меня на станции слесарничал. А в тридцатом году его раскулачили, выслали с Украины, хотя хозяйство наше всего двумя коровенками от других отличалось. Было мне в ту пору шестнадцать годков. Поехал и я на восток за счастьем. Поначалу на работу в Куйбышеве пристроился, а потом там же в институт педагогический поступил. Тяга у меня к учебе. В тридцать девятом году закончил институт, начал работать учителем немецкого языка в средней школе. Ровно двадцать пять лет мне тогда отгрохало. Жениться было собрался, да передумал. И к лучшему. Одному-то спокойнее.

За окном послышался отдаленный натужный гул пролетающих самолетов. Потемкин свернул трубочкой ладонь, приложил к уху.

— Наши пошли! Я их по звуку безошибочно узнаю, — похвастался он, обернувшись к Дубровскому.

— Наши-то наши. Это я сразу почувствовал, — отозвался тот. — А вот какого типа самолеты — можете определить? Я, например, точно знаю. Могу даже пари держать.

Дубровский намеренно соврал. По монотонному реву авиационных моторов он не только не умел опознавать

типы самолетов, но не научился определять даже их принадлежность. Он заведомо готов был проиграть пари, лишь бы выяснить, какие самолеты Потемкин назвал нашими. Расчет оказался точным. Потемкин вновь приложил к уху сложенную трубочкой ладонь, на лбу его обозначились складки. Через мгновение он торжествующе посмотрел на Дубровского и сказал:

— Это «юнкерсы»! Возможно, и «дорнье». Но ни в коем случае не «хейнкели».

— Да-да! Вы правы. Это «юнкерсы». Куда-то в сторону Сальска направились.

— Не знаю, куда они, а я пошел в казино ужинать, — сказал Потемкин, застегнув френч и надевая поверх него ремень с кобурой, из которой торчала рукоятка массивного пистолета. — Хотите, пойдем вместе.

— Нет-нет! Мне будет неловко перед Монцартом. Он же обещал зайти за мной. К тому же Рунцхаймер поручил ему обеспечить меня хлебом насущным, так что я подожду.

— Ладно, дело хозяйское. — Он шагнул к двери.

— Простите, Алекс, а как запереть дверь, если я пойду в казино?

— Запирать не надо. Часовой никого постороннего не пустит, — ответил тот, переступая порог.

Оставшись один, Дубровский задумался. Сомнений не было. Александр Потемкин — явный предатель Родины. Даже полицаи и старосты, с которыми приходилось встречаться, делили воюющие стороны на немцев и русских. И никто из них не называл немцев нашими. А этот? «Впрочем, этого и следовало ожидать. Ведь здесь не обычная воинская часть, это даже и не комендатура. Одно слово — гестапо. И если он пришелся ко двору, значит, прошел огонь и воду. Надо все время быть настороже, обдумывать каждое слово. Жить с ним в одной комнате будет довольно опасно. Видимо, Рунцхаймер неспроста определил меня сюда на постой. А меня они еще будут проверять, наверняка будут. И не раз. Но первую, самую страшную, проверку я выдержал. — Дубровский улыбнулся своим мыслям, вспомнив холодную камеру в Алчевске и перекошенное злобой лицо майора Фельдгофа. — Теперь мы повоюем. Немного приду в себя, заживет спина — и начну действовать. Но прежде надо сообщить о себе, установить связь с Виктором Пятеркиным. Нет, нет.

Виктора тянуть сюда еще рано. Поначалу необходимо подыскать ему в Кадиевке надежное пристанище. Незачем зря рисковать мальчонкой. Следует еще присмотреться, какую пользу можно извлечь из работы здесь».

В сенях кто-то уверенно ступил на деревянные половицы, и дверь распахнулась настежь.

— Господин Дубровский! Я готов сопровождать вас в казино! — отрывисто проговорил Рудольф Монцарт с порога.

— Благодарю вас! Вы так любезны! — Леонид поправил куртку под поясом и, притушив керосиновую лампу, последовал за немцем.

Весь небосклон был усеян звездами. Лишь в восточной части, у самого горизонта, светилось малиновое зарево. Оно то блекло, то разгоралось вновь с неимоверной силой, и тогда до слуха доносилась громовая поступь далекой артиллерийской канонады.

* * *

Ночью Леонид почти не сомкнул глаз. Ему казалось, что Алекс тоже не спит и наблюдает за каждым его движением. Лишь под самое утро легкая тревожная дремота окутала его, словно покрывало. Но и этот сон длился недолго. Напряженный слух уловил крики первых петухов, потом шаги часового за палисадником. Леонид поднялся с постели, начал делать зарядку. За окном расплескались яркие солнечные лучи, предвещая теплый, погожий день.

Около половины восьмого дежурный подал команду на построение. Ровно в семь тридцать против барака вытянулась небольшая шеренга сотрудников ГФП. Сам Рундхаймер произвел переключку и отпустил подчиненных на завтрак.

Ровно в восемь Дубровского вызвал фельдполицайсекретарь Рундхаймер. Рудольф Монцарт, сообщивший об этом, проводил Дубровского в другой конец барака и, остановившись возле плотно прикрытой двери, робко постучал. В ответ раздался собачий лай, послышался повелительный окрик Рундхаймера, после которого лай прекратился и наконец сам фельдполицайсекретарь, распахнул дверь, попросил Дубровского пройти в комнату.

Поборов мимолетный страх перед огромной собакой, Леонид уверенной походкой прошел за Рунцхаймером к письменному столу. Серый пес величиной с телят лежал у противоположной стены. Из его раскрытой пасти свисал длинный красновато-синий язык. Уши, словно вымуштрованные солдаты, вытянулись по стойке «смирно». Несмотря на внушительные размеры, Гарас не казался увальнем, в нем чувствовалась легкость. Не спуская глаз с Дубровского, он готов был в любой момент по малейшему жесту хозяина сорваться с места и ринуться на незнакомца.

Рунцхаймер обошел письменный стол, уселся на стул и в упор посмотрел на Дубровского.

— Как спали на новом месте?

— Благодарю вас! Я хорошо выспался.

— Тогда поговорим о делах, о вашей дальнейшей работе. Я хочу, чтобы вы твердо знали свои обязанности, наши задачи. Но прежде... Прежде вам надлежит написать биографию. Таков порядок. Мы хотим знать короткую историю вашей жизни. Потом вы дадите клятву. Это тоже должно быть написано вашей рукой.

— Какую клятву, господин фельдполицайсекретарь?

— Клятву на верность великой Германии. На верность нашему фюреру Адольфу Гитлеру. Все наши сотрудники обязаны принести эту клятву верности. Но это еще не все. Необходима расписка. Вы дадите гарантию, что будете молчать обо всем, что увидите и услышите во время службы в тайной полевой полиции. За разглашение тайны, за разговоры с посторонними о нашей деятельности мы жестоко караем. Прошу помнить об этом, господин Дубровский.

— Я оправдаю ваше доверие, господин фельдполицайсекретарь.

— Хорошо! А теперь вот вам бумага. — Рунцхаймер выдвинул ящик стола и, достав оттуда маленькую стопку чистых листов, положил их на стол. — Чернила и ручка тоже здесь. Садитесь на мой стул, пишите биографию, клятву, расписку. Я вернусь через два часа, надеюсь, у вас все будет готово. Да! И еще, прошу отвечать на звонки телефона. Я буду... — Он посмотрел на ручные часы. — Сейчас восемь двадцать пять... Я вернусь в одиннадцать ровно. Если позвонит полицайкомиссар Майснер из Сталино, представьтесь ему и доложите, что я выехал в

тюрьму и вернусь в полдень. Вам ясно, господин Дубровский?

— Да, господин фельдполицайсекретарь!

— Вот и прекрасно. Я люблю, когда меня понимают с первого слова. А русские непонятливы. Они...

Быстрые шаги в сенях и торопливый стук в дверь прервали Рунцхаймера. Гарас метнулся к двери, наполняя комнату безудержным лаем, но властный оклик хозяина вернул его на место. Рунцхаймер выждал, пока пес лег на подстилку, и только тогда разрешил войти.

В дверях показался Александр Потемкин. На руке у него висела плетка.

— Господин фельдполицайсекретарь, вы приказали...

— Да-да, Алек! Сейчас вы поедете со мной в тюрьму. Туда доставили одного бандита. Вы мне поможете допросить его.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Разрешите сообщить об этом фельдфебелю Квесту. К нему сейчас привели арестованного коммуниста, и фельдфебель Квест приказал, чтобы я переводил при его допросе.

— Да-да! Передайте Квесту, пусть возьмет переводчика в русской вспомогательной полиции. А вы поработаете сегодня со мной.

— Слушаюсь!

Потемкин скрылся за дверь.

Рунцхаймер поправил кобуру. Подойдя к собаке, бросил кусок сахара, который пес ловко поймал на лету и, повернувшись к Дубровскому, проговорил подчеркнуто вежливо:

— Надеюсь, общество моего Гараса доставит вам истинное удовольствие. Нет-нет! Не волнуйтесь. Гарас исключительно деликатен. Он постарается не замечать вашего присутствия. Садитесь и работайте спокойно. Гарас не сделает вам ничего плохого до тех пор, пока вы не попытаетесь выйти отсюда. До моего возвращения вам придется провести время в этом кабинете.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Я обещаю не покусать вашу собаку.

— О-о! Мне нравится ваш юмор, господин Дубровский. Я ценю веселых людей. Среди русских это такая редкость.

За окном послышался шум работающего мотора, шуршание шин по шлаковой дорожке.

— Это, кажется, мой «мерседес». Итак, желаю найти общий язык с Гарасом, господин Дубровский. Это пойдет вам только на пользу.

Через минуту хлопнула дверь автомобиля, мотор взревел на больших оборотах, и зашелестели шины. Вскоре лишь медленные шаги часового доносились со двора тайной полевой полиции.

Оторвав от окна взгляд, Леонид опустил на стул, посмотрел на собаку. Гарас неотрывно следил за каждым его движением. Склонив голову набок, полуоткрыв пасть, он изучающе поглядывал на него, будто ожидая дальнейших распоряжений.

Леонид придвинул поближе стопку бумаги, принялся писать автобиографию, припоминая на ходу придуманную версию о трагической гибели отца от руки чекистов, о безрадостной жизни в Советской России.

Закончена очередная фраза, поставлена точка. Леонид задумался. В памяти возник образ матери. В детстве она часто рассказывала ему об отце. С ее слов Леонид знал, что отец сражался на фронтах гражданской войны, был комиссаром и трагически погиб в борьбе с белополяками. Всю жизнь он гордился отцом, не раз клялся быть достойным его подвигов. И вот на тебе... Приходится изворачиваться, придумывать небылицы о жестокости большевиков, о расстрелянном отце, о жажде мести.

Леонид отложил в сторону ручку, оперся локтем о стол, обхватил голову руками. «Ничего, ничего, — успокаивал он себя. — Все это надо для пользы дела. Я обязан усыпить их бдительность. Обязан войти в доверие. Иначе грош цена всей моей деятельности».

Успокоившись, он заставил себя дописать автобиографию. Перечитал ее от начала до конца. Все выглядело довольно убедительно, и, главное, эта автобиография не отличалась от той, которую он писал уже однажды у немцев, работая переводчиком в Чернышковской комендатуре.

Обдумывая, с чего бы начать расписку о неразглашении тайны, Леонид обратил внимание на то, что один из ящичков письменного стола немножечко приоткрыт. Рука невольно потянулась туда, к металлической ручке, и Леонид выдвинул ящик наполовину. Довольно громкое, но незлобное рычание напомнило ему о собаке. Отдернув ручку, он посмотрел на Гараса. Тот продолжал лежать в

прежней позе, положив голову на вытянутые передние лапы, и пристально наблюдал за каждым его движением.

Леонид заглянул в ящик. Там, разложенные с немецкой аккуратностью, лежали стопка чистой бумаги, несколько остро отточенных карандашей, самопишущая ручка, коробка со скрепками, две небольшие обоймы с патронами и маленький пистолет вальтер.

«Забыл или доверяет? А может быть, оставил специально, чтобы проверить? — И Леонид вновь обратил внимание на то, как подчеркнуто аккуратно размещены все эти вещи в ящике стола. — Конечно же проверяет. И видимо, это только начало. Впереди еще много различных проверок. Надо ухо держать востро, тут недолго и оступиться. А расплата одна — жизнь, — вспомнил он слова капитана Потапова и подумал: — А как бы поступил капитан, если бы оказался сейчас на моем месте, за этим письменным столом?»

Леонид неторопливо протянул руку к другому ящику и, не спуская глаз с Гараса, попробовал потянуть за ручку. И второй ящик оказался незапертым. В нем, одна на другой, лежали папки с протоколами допросов. Леонид не стал брать их в руки. Он лишь приподнял верхнюю и, убедившись, что под ней точно такая же, плотно задвинул ящик.

Когда клятва на верность фюреру и великой Германии и расписка о неразглашении тайны были готовы, Леонид посмотрел на часы. До возвращения Рунцхаймера оставалось еще двадцать минут. Внимание его привлек настольный календарь. На листке значилось двадцать седьмое апреля.

«Ровно месяц прошел с того дня, когда мы с Пятеркиным перешли линию фронта, — вспомнил Леонид. — Ровно месяц. Где теперь Виктор? Если дошел до Потапова, то должен уже вернуться к сестрам Самарским в Малоивановку. А от них узнает, что я арестован и... с этим известием вернется к Потапову. Да, все это малоутешительно. Надо как-то известить Самарских, что я здесь, в Кадиевке. А как? Найти подходящего человека, чтобы отправить его в Малоивановку, не так-то просто. На это может уйти много времени. Пожалуй, и сейчас уже поздно. Пятеркин мог не дожидаться и вернуться к Потапову. Постой-ка, постой-ка... А что, если написать Самарским письмо и отправить его обычной почтой? Ведь никаких секретов пе-

редавать не надо. Напишу, что жив и здоров, работаю в Кадиевке, сообщу адрес. Простое, дружеское письмо к людям, с которыми познакомился во время своих скитаний. Даже немецкий цензор не заподозрит. Но зато для Пятеркина будет ясно, что я на свободе, работаю в Кадиевке. Ход верный. И не грозит никакими последствиями».

Леонид торопливо взял ручку и написал коротенькое письмо сестрам Самарским. Листок он сложил вчетверо, спрятал его в карман, рассчитывая отправить при первой же возможности. Стрелки часов показывали без десяти минут одиннадцать, когда Гарас вскочил со своей подстилки, подбежал к двери и уселся возле нее, поглядывая то на Леонида, то на закрытую дверь. Прошла минута-другая, а Гарас все продолжал терпеливо сидеть у двери, время от времени повиливая приветливо хвостом. Леонид машинально начал переворачивать назад листочки календаря. На одном из них он обратил внимание на лаконичную запись: «Сгорел маслозавод. На месте пожара обнаружен труп господина Меса. Голова пробита тупым предметом. Вероятно, диверсия».

Едва Леонид успел прочесть эту запись, как Гарас поднялся на задние лапы, уперся передними в дверь и, распахнув ее настежь, улегся возле порога. С улицы слышался рокот автомобильного мотора, и «мерседес» Рунцхаймера остановился против окна.

«Вероятно, диверсия, — повторил шепотом Леонид. — Быть может, здесь, в Кадиевке, действуют советские патриоты? — подумал он. — Надо попытаться установить с ними связь». Сердце учащенно забилося. Он водворил страницы календаря в прежнее положение и приготовился к встрече своего шефа.

4

Виктор Пятеркин пролежал в походном госпитале шесть дней. На молодом теле рана затягивалась быстро. Через четыре дня после ранения Виктор уже ходил, помогал сестрам ухаживать за ранеными, читал им из газет сводки Советского информбюро.

За это время капитан Потапов дважды приезжал в госпиталь и подолгу беседовал с Виктором, выясняя мель-

чайшие подробности его путешествия по вражеской территории, уточняя маршруты следования гитлеровских войск, места скопления танков и другой техники, о которых в короткой записке доносил Дубровский.

Вскоре капитан Потапов приехал вновь и увез Виктора в санаторий фронта, разместившийся в сорока километрах от Ворошиловграда.

— Вот здесь и поживешь дней двадцать, — сказал он, когда дежурная сестра проводила их в просторную, светлую комнату и показала Виктору его кровать, стоявшую возле самого окна.

— Почему так долго, Владимир Иванович? Меня ведь Борисов ждет. Я ему обещался через десять дней назад воротиться...

— Ничего, ничего. Он и двадцать подождет, раз так надо.

— Борисов-то подождет, да только война ждать не будет.

— Что? Что ты сказал?

— Говорю, война ждать не будет, — повторил Пятеркин. — Может, Борисов для вас какие-нибудь важные сведения подготовил. А вы меня тут двадцать дней держать собираетесь. Я же поправился. Еще дней пять — и могу идти. Ладно, Владимир Иванович?

И столько мольбы слышалось в голосе паренька, такая надежда сквозила во взгляде, что Потапов не мог ответить отказом.

Потапову не хотелось огорчать паренька, поэтому он умолчал о том, что уже подготовил другого разведчика, который в ближайшие дни отправится вместо Пятеркина за линию фронта, отыщет в Малоивановке сестер Самарских и через них установит связь с Леонидом Дубровским. По предложению Потапова этот разведчик еще вчера приехал во фронтальной санаторий. Он хотел ненароком познакомиться с Пятеркиным, чтобы выспросить у него, каким путем лучше добраться до Малоивановки, как выглядит дом сестер Самарских, узнать о поведении немцев за фронтальной полосой.

— Ну что ж, — сказал Потапов. — Скоро Первомайский праздник. Давай договоримся так. Первое мая отпразднуем здесь, а второго соберем тебя в путь, к Борисову. Хорошо?

— Ладно... Мне что? Я — как вы скажете...

— Вот и чудесно! А теперь пойдем. Проводишь меня до машины.

По широкой каменной лестнице они спустились со второго этажа, миновали вестибюль со старым, выщербленным паркетом и вышли на большую площадку с пустыми цветочными клумбами, отделявшую здание санатория от зеленеющего парка.

— Владимир Иванович! А раньше, до войны, что здесь было?

— И раньше был санаторий. Только не военный, а угольщиков. Шахтеры тут отдыхали. Во время оккупации немцы под госпиталь это здание приспособили. А мы снова санаторий открыли — для выздоравливающих воинов. Пусть набираются сил перед решительным наступлением.

— А когда оно будет, Владимир Иванович?

— Не знаю — когда, но знаю точно — будет. Хотя, как Дубровский пишет, немцы тоже к наступлению готовятся. Кстати, когда вы в Малоивановке ночевали, с каким он там капитаном разговаривал?

— Такой толстоватый. С небольшой лысиной. Фамилия — Дитрих. Это я точно запомнил. Дядя Ляня с ним полночи просидел. Немецкий шнапс они пили. Меня-то он спать отправил, а сам с ним все разговаривал. А утром... Я ж вам рассказывал! Утром дядя Ляня мне говорил, что немцы под Курск много войск гонят. Говорил, что танк у них новый появился. «Тигр» называется. И броня у него такая толстая, что даже пушка не пробивает. Это он все от капитана Дитриха слышал. Я ж все это уже рассказывал, Владимир Иванович!

— Верно, верно. Рассказывал. Просто я еще раз про это услышать хотел.

Они уже подошли к маленькому автомобилю «виллис», на котором приехали в санаторий. Шофер-солдат, поджидавший Потапова возле машины, уселся за руль.

— Ну, прощевай, Виктор. Мне пора. — Потапов протянул мальчугану руку. — А завтра утром встречай здесь эту машину. Я тебе сюрприз приготовил.

— Какой сюрприз, Владимир Иванович?

— По матери-то небось соскучился?

— Немножко соскучился, — стыдливо проговорил Виктор.

— Вот на этой машине завтра утром к тебе ее и привезут. Повидаешься. Я еще в госпиталь собирался ее до-

ставить, да побоялся. Не хотел ее зря волновать. А теперь ты герой. Если сам не скажешь, она и знать не будет, что тебя пуля задела.

— Спасибо, Владимир Иванович! Вы только ей не говорите, что я второго мая опять туда собираюсь.

— Ни в коем случае! Это, брат, наша тайна, — сказал Потапов без тени улыбки. Закинув ногу, он уселся в машину, помахал рукой. — Ну, отдыхай пока. Будет время, я еще к тебе загляну.

— До свидания, Владимир Иванович!

«Виллис» тронулся с места и покотился к покосившимся воротам. А Виктор еще долго стоял, провожая его взглядом, пока не осела пыль, поднятая скрывшимся за поворотом автомобилем.

До вечера Виктор Пятеркин перезнакомился со многими солдатами и офицерами, отдохавшими во фронтовом санатории. Поборов застенчивость, он даже сам заговорил с девочкой, которую звали Таней. Поначалу он стеснялся к ней подойти и всякий раз опускал глаза, когда она на него смотрела. Но его все больше и больше привлекала кобура, которую Таня носила на широком военном поясе. На вид Тане не больше пятнадцати-шестнадцати лет, на ней обыкновенное платье, и этот пистолет на широком поясе никак не вязался с ее сугубо гражданским видом.

От лейтенанта Пархоменко, забавного и веселого человека, Виктор узнал, что Таня партизанка, с простреленным легким была доставлена самолетом на Большую землю, а теперь окончательно поправилась и скоро вновь улетит к партизанам. Григорий — так звали лейтенанта Пархоменко — первым познакомился с Виктором. Был он невысок, широкоплеч, улыбка, казалось, никогда не сходила с его лица. Подойдя к Виктору, он молча показал ему пятак на своей заскорузлой ладони, потом положил пятак себе в рот, за щеку, а вытащил его из-за уха. И только после этого проговорил:

— Ловкость рук — и никакого мошенства!

Виктор недоверчиво посмотрел в его карие, с лукавиной, глаза, улыбнулся и спросил:

— А еще раз можете?

— Добре. Только сперва пятак отдай.

— Он же у вас в руке! — удивленно проговорил паренек.

— Где? — лейтенант разжал руку. На его шершавой

ладони ничего не было. — Ты, хлопец, на меня не кивай. Пятачок у тебя в кармане лежит. — С этими словами он полез к Виктору в карман куртки и вытащил все тот же пятак.

— А как это? — только и сумел от удивления проговорить Виктор.

— Очень просто. Будешь со мной дружить, я тебя еще и не таким фокусам научу.

Виктор последовал за лейтенантом Пархоменко в парк. Назвавшись разведчиком, лейтенант рассказал Виктору, как не раз брал в плен «языка». Причем все немцы, которых приходилось ему доставлять в свой штаб из-за линии фронта, были почему-то тяжелыми и толстыми, и у каждого почему-то подкашивались ноги от страха. По словам лейтенанта Пархоменко, выходило, что взять «языка» — дело плевое, а вот дотащить его на себе до расположения наших войск — самая трудная задача.

Рисуя мельчайшие детали своих походов за «языком», лейтенант Пархоменко красочно жестикулировал, на лице его появлялась гримаса страха, закатывались глаза, когда он копировал захваченных им немцев. Причем раньше чем начать какую-нибудь новую историю, лейтенант Пархоменко расспрашивал Виктора о его боевых делах. Поначалу паренек отмалчивался. Но однажды лейтенант сказал:

— Ты небось и немца-то живого не видел.

Виктор насунился и проговорил:

— Видел. И не одного.

— Небось пленных?

— И вовсе не пленных.

— Где ж ты их видел?

— На той стороне.

— Ишь ты! Партизанил, что ли?

— И вовсе не партизанил, а был связным у секретаря подпольного обкома.

— Вона куда махнул. Кто же тебе такое дело доверил?

— Моя школьная учительница. Она его задания выполняла. А я эти задания ей передавал и опять же ему докладывал.

— Молодец, и на том спасибо. Только я думал, раз тут находишься, значит, в бою побывал.

Виктору очень хотелось рассказать лейтенанту, как он

ходил с Дубровским за линию фронта, как выполнял ответственное задание командования, как, наконец, доставил сведения о противнике. Но, помня, что никому не имеет права говорить об этом, он сдержался и робко ответил:

— Не. Я в бою не был. А сюда меня отдохнуть привезли на несколько дней.

Чувствуя, что пареня не так легко вызвать на откровенность, лейтенант Пархоменко решил схитрить.

— А я прошлой осенью в такой переплет попал, что еле ноги унес. Немцы нас в селе Малоивановка окружили...

— Где, где? — перебил Виктор.

— В Малоивановке. Это неподалеку от Алчевска, раньше он Ворошиловском назывался.

Виктор насторожился.

— Так вот, — продолжал Пархоменко, — окружили нас немцы в этом селе. Жаркий бой разгорелся. Нас всего рота, а их не меньше двух батальонов. И решили мы биться до последнего, в плен не сдаваться. А у них минометы, садят по селу из всех калибров. Половина хат горит, а мы все отстреливаемся, немцев не подпускаем.

— Неправда это, — спокойно проговорил Виктор.

— Почему неправда? Думаешь, я вру?

Впервые за весь разговор лейтенант Пархоменко перестал улыбаться.

— Может, и не врете, а неправда это.

— Ну, почему же ты мне ~~не~~ веришь?

— А потому, что я был в Малоивановке. Там ни одной хаты погоревшей нет.

— Так, может, ты до войны там был?

— Нет. Недавно. Еще и месяца не прошло.

— Интересно, что же ты там делал, в Малоивановке?

— Так, по делам заходил.

— Ну, расскажи, расскажи, как она выглядит, твоя Малоивановка? Может, это совсем и не то село. Где там почевал?

— Я не останавливался, я мимо проходил. Там все хаты целы, будто и войны не было.

Лейтенант Пархоменко больше ни слова не мог вытянуть у Виктора.

Уже несколько минут они сидели молча на скамейке парка, когда неподалеку от них прошла Таня с пожилой женщиной в форме военного врача. Вот тут-то, чтобы

вновь завязать разговор, лейтенант Пархоменко и рассказал Виктору о Тане. Но разговора не получилось. Молча выслушав Танину историю, Виктор поднялся со скамейки и пошел к зданию санатория.

— Постой! Через двадцать минут обед! Пойдем вместе в столовую! — крикнул ему вдогонку лейтенант Пархоменко.

Виктор остановился, подождал, пока лейтенант подошел к нему, и в упор спросил:

— Дядя Григорий! А зачем вы мне про Малоивановку вразили?

— Вот чудак! Да разве их мало, Малоивановок? Ты в одной, видно, был, а я про другую рассказывал, — без тени смущения проговорил Пархоменко. — Я было хотел тебе показать, как фокус делается, а ты вдруг ни с того ни с сего обиделся.

— Да нет, я не обиделся. Просто сидеть надоело, — отговорился Виктор.

До самого вечера лейтенанту Пархоменко так и не удалось вызвать парнишку на откровенный разговор. Всякий раз, когда лейтенант подходил к Виктору и заговаривал с ним, тот односложно отвечал на вопросы и под различными предлогами уходил к другим отдыхающим.

Теперь все внимание паренька было уделено Тане. Нет, он еще не познакомился с ней, но, куда бы она ни шла, он неотступно следил за ней взглядом, старался держаться поближе. Ему нравилась ее походка, прямые, зачесанные назад волосы цвета соломы, большие голубые глаза, смуглое обветренное лицо с маленькой родинкой на левой щеке и даже облупившийся нос, придававший ей вид озорного мальчишки.

Виктор не мог понять, почему его словно магнитом тянет к этой девчонке. Ему казалось, что она хвастается своим пистолетом. И в глубине души он проклинал ее за это. «Подумаешь, фасонит!» — думал он. И тем не менее Таня овладела его мыслями. Он начал фантазировать, как было бы славно, если бы они вместе оказались в тылу врага. Они могли бы выслеживать и убивать фашистов, нарушать связь, добывать ценные сведения о противнике. Но каждый раз, когда Таня посматривала на него, Виктор, будто провинившийся, опускал глаза.

Наконец вечером, перед началом кинофильма, он решил и подошел к девочке.

— Ты чего с пистолетом ходишь, иль боишься кого? — сурово спросил он.

— Кого мне бояться? Просто деть некуда, вот и ношу.

— А почему не сдала? У меня-то еще в госпитале отобрали.

— А у партизан не отбирают, потому как получать потом не у кого. Этот я сама добыла. Трофейный. Вальтер, немецкий.

— Я и сам вижу, что вальтер. У меня точно такой был. Только я его не в кобуре носил, а в кармане.

— Прятал, что ли?

— Ага.

— От кого?

— От немцев.

Девочка рассмеялась.

— Ты чего? — обиженно спросил Виктор.

— Так просто. Забавно у тебя получилось. От немцев спрятал, а свои отобрали.

Закипавшая было злость неожиданно улетучилась, и Виктор от души засмеялся.

— На войне всякое случается, — повторил он слышанную от кого-то фразу. И тут же спросил: — А ты из него хоть стреляла?

— Нет. Не прищлось.

— Давай постреляем.

— А где?

— Там, в парке, пруд есть. Лягушек полно. Айда туда, пока не стемнело.

— А кино?

— Хорошо! Сегодня фильм посмотрим, а завтра утром постреляем лягушек.

— Ладно! — кивнула Таня. — А тебя как зовут?

— Меня? Виктор!

— А меня — Таня!

— Это я уже знаю.

— Откуда?

— Так, один человек сказал.

Словно из-под земли перед ними вырос лейтенант Пархоменко.

— Отчего молодежь носы повесила? — улыбочиво спросил он. — Пойдемте, я вам необыкновенный фокус покажу.

— Не, мы в кино собрались, — ответил и за себя, и за Таню Виктор.

— И в кино успеете, и фокус посмотрите, — настаивал Пархоменко. Там, в столовой, еще только экран развешивают.

— А почему ты не хочешь? Пойдем, — предложила Таня.

— Не, я тут побуду. Уже посмотрелся этих фокусов. Девочка стояла в нерешительности.

— Раз Виктор Пятеркин сказал, значит, так и будет. У него слово твердое, — спрятав улыбку, проговорил лейтенант Пархоменко.

— Откуда вы мою фамилию знаете? — насупившись, спросил Виктор.

— Вот чудак, — опять улыбнулся Пархоменко. — Ты что же, инкогнито здесь живешь? Спросил дежурную сестру — она и сказала.

Виктор не знал, что такое «инкогнито», но спрашивать у лейтенанта не стал. Его настораживала та навязчивость, с которой лейтенант Пархоменко пытался завоевать его расположение.

А тот продолжал:

— Ты, хлопчик, не дуйся. Мы еще с тобой в Малоивановке встретимся.

«Опять с этой Малоивановкой пристаает», — подумал Виктор и, чтобы отделаться от лейтенанта, обратился к своей собеседнице:

— Пойдем, Таня, в зал, место займем.

— Пойдем, — согласилась девочка.

— А меня с собой не хотите брать! — крикнул им вдогонку Пархоменко.

Но ни Виктор, ни Таня даже не обернулись.

На другой день лейтенант Пархоменко исчез из санатория. Виктор не видел его за завтраком, не встретил в парке, где, дождавшись мать, долго гулял с ней по причудливым аллеям. В голубом бездонном небе не было ни единого облачка, весеннее солнце нещадно палило землю, и все обитатели санатория заполнили небольшой парк.

Успокоившись после первых минут радостной встречи с сыном, Мария Викторовна без умолку рассказывала ему о последних письмах отца, о знакомых сверстниках Виктора. Поглядывая на сына, она сокрушенно вздыхала:

— Ох! Скорей бы уж все это кончилось! Отец на фронте, так ему ж нельзя иначе — военнообязанный он. А ты-то чего? Малой еще. Неужто без тебя не побьют германца?

Виктор не знал, как утешить мать, и отмалчивался. Ему хотелось побыстрее распрощаться с ней и отправить обратно в город. К тому же из-за ложного стыда он боялся встретиться лейтенанта Пархоменко (вдруг тот потом будет называть его маменьким сынком). Именно поэтому Виктор внимательно всматривался в каждого встречного, пытаясь заранее разглядеть лейтенанта, чтобы вовремя свернуть с матерью на другую аллею. Но... лейтенанта Пархоменко нигде не было видно.

Когда же на одной из аллей показалась Таня, Виктор кивнул на нее и сказал матери:

— Видишь, девчонка, не больше меня, а в партизанах воюет.

Мария Викторовна глубоко вздохнула и ничего не ответила.

Не более двух часов провел Виктор с матерью, а когда она уехала, побежал разыскивать Таню. Нашел он ее в парке. Девочка одна сидела на скамейке и читала книгу. Виктор подсел к ней и спросил:

— Чего читаешь?

— «Войну и мир», — не отрываясь от книги, ответила Таня.

— Интересно?

— Ага...

— Ты кем хочешь быть, когда вырастешь? — неожиданно спросил Виктор.

Таня подняла свои голубые глаза и пристально посмотрела на Виктора.

— Я — врачом. Людей лечить буду. А ты?

Виктор не ожидал встречного вопроса и несколько замешкался.

— Ну, кем же ты будешь? — настойчиво повторила Таня.

— Хочу в летчики, — неуверенно сказал он.

— Наверно, вчера, после кинофильма, решил?

— Не, я этот фильм до войны видел. Еще в школе с ребятами пели про любимый город.

— А какой твой любимый город?

— Ворошиловград и... Москва. После войны обязательно поеду в Москву, посмотреть хочется...

— Я Харьков люблю. Перед войной один раз там с отцом была, на всю жизнь запомнила.

— А живете где?

— Село Валки. То между Харьковом и Полтавой.

Таня замолчала, видимо вспомнив родные места. При- тих и Виктор. Некоторое время ребята сидели молча.

— Айда на пруд лягушек стрелять! — предложил вдруг Виктор.

— У меня патронов мало.

— Сколько?

— Две обоймы, по семь штук.

— Подумаешь, одну расстрелять можно.

— А как семь на двоих поделим?

— Твой пистолет, значит, четыре — тебе, а мне — три. — Видя, что Таня колеблется, Виктор проговорил: — Ну не жадничай... Пойдем... Я загадал...

— Что загадал?

— Если хоть в одну лягушку попаду, буду летчиком, а если нет, значит, не судьба.

— Эх ты, а еще в летчики захотел... У летчиков знаешь какой характер? Им все нипочем. Летчик решит что-нибудь — обязательно своего добьется.

— Откуда ты знаешь?

— А вот знаю. У нас в отряде был один летчик. Сбили его под Киевом. Я его дядей Васей звала. Так он что скажет — обязательно сделает. Задумал раз мину смастерить — и смастерил. Потом этой миной немецкий эшелон под откос пустил.

— А что? Я просто так загадал, — оправдываясь, перебил ее Виктор. — Могут и по здоровью не взять. Айда, пойдем постреляем.

— Ладно, уж, уговорил! — рассмеялась Таня.

Она сорвала с ветки зеленеющий молодой листочек и, заложив им страницу, захлопнула книжку.

— Только, чур, я первая буду стрелять, — тихо сказала она, поднимаясь со скамейки.

— Ладно! — согласился Виктор. — Твой пистолет — тебе начинать.

Вскоре со стороны пруда послышались редкие одиночные выстрелы.

Капитан Потапов приехал в санаторий во время завтрака. До Первого мая оставалось еще два дня, и появление Потапова в столовой было для Виктора Пятеркина полнейшей неожиданностью. Завидев его еще в дверях, Виктор выбежал из-за стола.

— Здравствуйте, Владимир Иванович! Вы кого ищете?

— Никого не ищу. К тебе в гости пожаловал, — сказал Потапов, не выпуская руку паренька из своей огромной ладони.

— Пойдемте завтракать.

— А у тебя что, лишняя порция есть?

— Не-е, здесь официантки хорошие. Мне всегда добавку дают, когда попрошу. Чего-нибудь и для вас найдут.

— Нет, Виктор, спасибо. Я уже завтракал. А ты иди доедай. Я тебя в садике подожду. Разговор у нас будет с тобой серьезный.

Виктор опустил глаза.

— Небось из-за лягушек, — пробурчал он виновато.

— Какие лягушки? — не понял Потапов. — Иди, иди. Ешь. Поговорим после завтрака.

Он подтолкнул Виктора к столу, а сам повернулся и направился к выходу.

«Уже нажаловался», — подумал Виктор, вспомнив скандал, который учинил начальник санатория ему и Тане за стрельбу по лягушкам. Тогда Виктор был счастлив, что убил не одну, а целых две лягушки. Но радость эта была омрачена появлением возле пруда какого-то майора, оказавшегося начальником санатория. Тот накричал и на Виктора, и на Таню, грозил выгнать обоих из «лечебного учреждения». Эти слова особенно запомнились Виктору. А потом, пригласив их к себе в кабинет, записал, из каких частей они сюда прибыли, обещал сообщить командованию о их поведении, а под конец забрал у Тани пистолет и спрятал его в свой сейф.

Больше всего Виктор переживал за Таню. Он чувствовал себя виновником всех ее неприятностей. И не знал, как искупить перед ней вину. К счастью, на другой день Таня уже забыла о происшедшем и сама позвала Виктора прогуляться до пруда, а вскоре история со стрельбой по лягушкам и у Виктора вылетела из головы.

Теперь же неожиданное появление капитана Потапова заставило его вновь вспомнить об этом. Доедая котлету с макаронами, Виктор думал о том, что скажет капитан Потапов. «Небось будет стыдить. А может, и не пустит больше к Дубровскому». Обжигаясь горячим чаем, Виктор выпил всего полстакана и выбежал из столовой.

Капитан Потапов прогуливался неподалеку.

— Ага, уже подкрепился? — спросил он, завидев паренька.

Виктор молча кивнул.

— Ну, тогда пройдемся по парку. — Потапов положил руку Виктору на плечо. И этот жест, и ласковый голос капитана, казалось бы, не предвещали ничего плохого. — Ты лейтенанта Пархоменко помнишь?

Виктор был готов к любому вопросу, но этот оказался для него столь неожиданным, что, прежде чем ответить, он удивленно посмотрел на Потапова.

— Ты молодец, — сказал тот. — Язык за зубами держать умеешь. Это похвально. Лейтенант Пархоменко на ту сторону собирался, поэтому и спрашивал у тебя про Малоивановку. Ну да ладно, другой человек нашелся, рассказал ему все, что нужно. Только теперь ему это уже ни к чему. — Потапов глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжил: — Война, брат, ничего не поделаешь. Нет больше лейтенанта Пархоменко. Погиб при переходе линии фронта.

Виктор ничего не ответил. Комок подкатил к горлу, на глаза навернулись слезы.

— Он о тебе хорошо говорил. Сказал: «Этот хлопчик мне по душе. Я бы с ним в любую разведку пошел». А сам не дошел... — Потапов молча подвел Виктора к первой попавшейся скамейке и предложил: — Присядем, сынок.

Он впервые так назвал Виктора, и тот понял, что никакого разноса за лягушек не будет. Они сели рядом. В парке было тихо. Где-то в листве весело щебетали птицы.

— Ну, рассказывай, как себя чувствуешь? Как нога? — спросил Потапов, пытаясь заглянуть в глаза паренька.

— Хорошо, Владимир Иванович! Я давно выздоровел. Даже бегать могу.

Боясь, что капитан может усомниться в его словах,

Виктор попытался было встать, чтобы показать, как он бегает, но Потапов удержал его за рукав:

— Ладно, ладно. Я тебе и так доверяю.

— Значит, после праздника пустите меня к дяде Лене?

— После праздника, говоришь? А тебе хочется здесь первомайский праздник отпраздновать?

— Ага. У нас концерт будет. Московские артисты должны приехать. Интересно.

Потапов глубоко вздохнул, задумался на мгновение, потом спросил:

— А если без концерта останешься, обидно будет?

— Как так? — удивился Виктор.

— Понимаешь, сынок, — Потапов опять положил руку Виктору на плечо, — лейтенант Пархоменко к Дубровскому шел. А дело-то, видишь, как обернулось. Теперь на тебя надежда. И откладывать никак нельзя. Командованию нужны точные сведения о противнике. Возможно, у Дубровского кое-что уже есть. А без связного как он их нам передаст? Подумали мы и решили, если ты чувствуешь себя хорошо, надо еще до праздника отправляться тебе к Леопиду.

— Я согласный, — торопливо проговорил Виктор. — Война ведь теперь, Владимир Иванович. Думаете, я концертов не видел? Насмотрюсь еще, когда немца прогоним...

— Ишь какой шустрый! — рассмеялся Потапов. — Ты с ответом не спеши. Поначалу скажи мне честно, нога не болит?

— Не... Вот смотрите...

Виктор вскочил со скамьи, запрыгал на одной ноге.

— Это у тебя здорово получается. А боль-то чувствуешь?

— Не... Даже ни капельки не больно.

— Ну тогда садись. Продолжим наш разговор.

Потапов дождался, пока Виктор сел рядом с ним.

— Сегодня останешься еще здесь. Я должен договориться о месте перехода через линию фронта. Обеспечим тебе хорошее огневое прикрытие. Вероятнее всего, будешь переходить там же, где вы с Дубровским шли. Там тебе дорога до Малоивановки хорошо известна.

— Ага, я там все помню.

— Вот и прекрасно. В Малоивановке остановишься у сестер Самарских. Если у них от Дубровского есть весточка, будешь действовать, как он просит. Если нет — пождешь. Но не больше десяти дней. За это время приглядывайся, какие части проходят, куда направляются. Следи за опознавательными знаками на машинах. Тогда с головой собаки у вас с Дубровским хорошо получилось. Эту собачью голову австрийские части на своих машинах рисуют. Для немцев легенда у тебя останется прежняя. Искал, мол, родителей. Не нашел и вернулся в Малоивановку. Здесь тети хорошие. Приглашали пожить у них, покуда отец с матерью не отыщутся. Понял? Кстати, Евдокии Остаповне письмо от мужа передашь. Отыскал я его.

— Ага, понял. А когда идти надо?

— Завтра утром пришло за тобой машину. Приедешь к нам в штаб, там и решим. Вероятнее всего, послезавтра тебя проводим...

— Тридцатого, значит, — быстро сосчитал Виктор.

— Если сегодня двадцать восьмое, значит, тридцатого, — улыбнулся Потапов. — Уже месяц прошел с тех пор, как вы с Леонидом Дубровским первый раз уходили. Где он теперь, жив ли?

— Конечно живой! У него немцы при мне несколько раз документы проверяли. Все было в порядке. А у них документ на главном месте.

— Это верно. Ну, а наши с тобой пароли остаются прежними. Ты их не забыл?

— Не-е!

— Тогда повтори.

— Когда вернусь к своим, скажу, что я Иванов. Прошу доставить меня в штаб части. А там попрошу связаться с Соколом и доложить, что пришел связной от Борисова.

— Все правильно! Молодец, Виктор! Ну, пойдем, проводишь меня.

Они поднялись со скамьи и не торопясь зашагали по аллее парка. По военной выправке капитана Потапова, по мальчишеской походке Виктора Пятеркина со стороны могло показаться, что прибывший с фронта отец прогуливается с сыном. И вряд ли кто мог подумать, что идут два серьезных, деловых человека, связанных военной тайной.

Фельдполицайсекретарь Рунцхаймер вернулся в плохом настроении. Переступив порог своего кабинета, он лишь слегка потрепал по холке любимого пса. Отстранив его, Рунцхаймер подошел к столу, спросил отрывисто:

— Надеюсь, у вас все готово, господин Дубровский?

Еще при появлении Рунцхаймера Леонид вскочил со стула, вытянулся по стойке «смирно». Теперь же, не меняя позы, он взял со стола исписанные листочки бумаги, подал их шефу.

— На это не потребовалось много времени, господин фельдполицайсекретарь, — сказал он спокойно. — Моя биография только начинается. Она уместилась всего на одной странице. Не знаю, правильно ли я написал обязательство о неразглашении тайны? Если что-нибудь не так, я готов переписать заново.

Нервно перебирая листки бумаги, Рунцхаймер бегло просмотрел их и бросил на стол.

— Здесь, кажется, все правильно.

Эти слова он произнес уже мягче, но по тому, как шагнул к стулу, как резко на него опустился, чувствовалось, что в нем все еще кипит ярость.

— Господин фельдполицайсекретарь, вы чем-то взволнованы?

— Да! — Рунцхаймер пристально посмотрел на Дубровского. Его глаза метали молнии, ноздри и без того широкого носа вздулись, на лбу побагровел рубец. — Да! Да! Да! Но я не взволнован! Я взбешен! Я не понимаю этого русского упрямства, этой глупости. Один готов проглотить язык, готов умереть, чтобы не раскрыть рта. Другой готов забить его до смерти, чтобы выслужиться, чтобы показать свою преданность...

Рунцхаймер бросил взгляд на Гараса и жестом разрешил ему подойти. Пес незамедлительно вскочил с подстилки, подбежал к хозяину, положил голову на его колени.

— Извините, господин фельдполицайсекретарь, я не совсем понял. Что случилось?

— Этот бандит, видимо, много знал. В его доме нашли оружие, радиоприемник. Я был уверен, что на допросе заставлю его заговорить. А этот болван Алекс... Он так бил его резиновой палкой, что бандит умер... Я был

поражен. Обычно Алекс всегда выколачивал ценные... — Рунцхаймер осекся на полуслове, продолжил: — Может быть, Алекс забил бандита до смерти, чтобы тот не успел ничего сказать? Я помню, бандит что-то бормотал перед тем, как потерял сознание. Возможно, Алекс работает против нас?

Ожидая ответа, Рунцхаймер вновь уставился на Дубровского. Леонид молча пожал плечами. Он не мог понять, куда клонит этот долговязый немец, продолжавший гладить собаку своей длинной волосатой рукой. «Если он сомневается в преданности Потемкина, то почему говорит об этом мне, новому сотруднику, которого только вчера взял к себе на работу?»

Дубровский не знал, что Рунцхаймер приказал Потемкину присматривать за ним, для чего специально подселил его к Алексу.

Рунцхаймер, думая об Алексе, заговорил вновь:

— Да-да! Это не исключено. За ним следует понаблюдать. Я давно замечал, что Алекс излишне усердствует на допросах. Вероятно, он пытается доказать приверженность новому порядку. Тут, видимо, есть над чем поразмышлять...

Рунцхаймер умолк, жестом отправил Гараса на место и вновь стал внимательно перечитывать биографию Дубровского. Леонид по-прежнему стоял навзятяжку. Неожиданно тишину прорезал приглушенный расстоянием душевраздирающий крик женщины. Рунцхаймер лишь на мгновение оторвал взгляд от листа бумаги, посмотрел в полуоткрытое окно и снова углубился в чтение. Прошло несколько томительных минут. Наконец он отложил биографию в сторону.

— Я доверяю вам, господин Дубровский. Доверяю настолько, что прошу понаблюдать за этим Алексом. Постарайтесь выяснить: о чем он думает? какие у него мысли? с кем он встречается после работы? О всех его высказываниях будете докладывать мне. С этого дня вы становитесь моим личным переводчиком. А Потемкин пусть помогает фельдфебелю Квесту.

Дубровский представил себе, как по приказу Рунцхаймера должен будет избивать на допросах советских людей.

— Но, господин фельдполицайсекретарь!.. — начал было он и умолк.

— Я вас слушаю! — Рунцхаймер выжидательно вытянул шею.

— Мне хотелось бы поставить вас в известность. Я не переношу вида крови. В свое время я мечтал стать врачом и даже поступил в медицинский институт. Но в анатомичке мне сделалось плохо. Я потерял сознание. Только поэтому я бросил медицину и перешел в институт иностранных языков.

— Ничего. Меня это не смущает. Я попробую сделать из вас мужчину. Распоряжение о вашем назначении я уже подписал. Можете получить паек, форму тайной полевой полиции и оружие. Паек — на кухне. Пистолет — у фельдфебеля Монцарта. Вы с ним уже вчера познакомились. Кстати, он по достоинству оценил ваше берлинское произношение. Фельдфебель Монцарт покажет вам также, где можно получить обмундирование. Но имейте в виду, наша часть на особом положении. Поэтому большинство моих сотрудников носит цивильную одежду. Вам тоже предоставлено право выбирать одежду по своему вкусу. Но по праздникам и на построениях — только военную форму. Вы поняли?

— Да, господин фельдполицайсекретарь, я все понял!

— Теперь несколько слов о вашей работе. Как мой личный переводчик, вы будете выполнять только мои поручения. Но в мое отсутствие вам могут поручить другую работу. Каждый унтер-офицер нашей внешней команды является для вас начальником. С моего разрешения следователи могут предложить вам помочь им в качестве переводчика при допросах заключенных. Кроме того, вы должны поддерживать связь с русской вспомогательной полицией, которая находится в непосредственном моем подчинении. Вы обязаны знать о всех, кого они задерживают. И докладывать мне, если среди задержанных в полиции окажутся коммунисты, бывшие советские руководящие работники, евреи и дезертиры германской армии. Да-да! К сожалению, у нас появились и такие. Далее, я поручу вам контроль за работой биржи труда. Там необходимо усилить вербовку молодых людей для отправки в Германию. Как видите, свободного времени у вас почти не остается. Вы поняли?

— Да, господин фельдполицайсекретарь!

— Тогда ступайте! Можете ознакомиться с нашим размещением. Когда вы мне понадобится, я вас позову.

Дубровский щелкнул каблуками и, даже не глянув на приподнявшегося Гараса, вышел из кабинета Рунцхаймера. В сенях он лицом к лицу столкнулся с молодой невысокой женщиной, шагнувшей ему навстречу из противоположной комнаты.

— Что вы здесь делаете? — спросил он удивленно.

— Я тут живу. Уборщица я ихняя, — робко ответила та, кивая на дверь, которую только что прикрыл Дубровский.

В это время дверь ее комнаты медленно, со скрипом приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась белокурая головка маленькой девочки. На вид ей было не более двух-трех лет.

— Доченька моя, Ольга.

— Разрешите зайти посмотреть, как вы устроились?

— Заходите. Пожалуйста.

Женщина осторожно отстранила девочку и распахнула дверь перед Леонидом. Дубровский переступил порог комнаты, огляделся. Несмотря на деревянный пол из выщербленных досок, жилье это имело довольно обжитой вид. Квадратный стол, возвышающийся посередине, был покрыт чистой скатертью. На небольшом комодике стояло несколько вазочек из цветного стекла. На окне висели кружевные занавески. На пухло застеленной деревянной кровати высилась целая пирамида подушек. За ситцевой портьерой угадывалась вторая комната поменьше.

— Вы здесь живете? — спросил Дубровский, вглядываясь в миловидное лицо женщины.

— Я здесь и раньше с мужем жила.

— А где теперь ваш муж?

Она понуро опустила голову. Девочка обхватила руками ногу матери, прильнула щекой к ее колену.

— Не знаю. Как забрали его в сорок первом, так ни одной весточки не получила. Может, жив, а может... — последние слова она проглотила вместе со слезой.

— Ну, не надо, не надо так. Успокойтесь. Может, еще объявится. Сейчас ведь все перепуталось, — участливо проговорил Дубровский, и столько теплоты было в его голосе, такое неподдельное сострадание, что женщина, смахнув рукой выступившие на глазах слезы, доверчиво глянула на своего собеседника.

— А вы здесь работаете или зашли за чем-либо? —

спросила она в свою очередь. — Раньше-то я вас не примечала.

— Я недавно приехал. Новый переводчик фельдполицайсекретаря Рунцхаймера. Леонид Дубровский. А вас как зовут?

— Марфа Терехина.

— А по отчеству?

— Марфа Ивановна.

— Вот и прекрасно, Марфа Ивановна. Будем жить по соседству.

— Чего же вы стоите, присаживайтесь! — засуетилась она и, взяв дочку на руки, опустилась на стул.

Дубровский погладил девочку по головке и, обойдя стол, сел напротив Марфы Ивановны.

— А вы в Кадиевке одни или еще родственники есть? — спросил он.

— Сестра напротив живет. В большом доме...

— Ну, вдвоем-то вам веселее.

— Какое уж тут веселье. У той тоже малый ребенок на руках остался. Кормить надо. А чем? На базаре се-ледка паршивая и та десять рублей за штучку. Хорошо еще, на рубли продавать начали, а зимой только на мар-ки торговали.

— Что же, выходит, с рублями вам легче жить, чем с марками?

— А то как же! Что с себя продашь — на то и живешь. К примеру, я все мужнины вещи на базар сносила, да и своих уже почти не осталось. А покупает кто? Опять же наши, русские. Немцы этого барахла задарма насобирать могут. А у наших откуда марки? Все марки у пемцев, да еще у тех, кто у них работает. Вот и получалось, что на рубли торговля бойчее шла. А когда марки одни в ходу были, наголодались мы с доченькой вдоволь. Хорошо, хоть команда ихняя здесь поселилась. — Марфа Ивановна кивнула на дверь, за которой располагался кабинет Рунцхаймера, — наняли меня к себе уборщицей. Стала я и марками располагать.

— И много вам платят?

— Ой, не смешите меня. — Она отмахнулась свободной рукой. — Еле-еле на один хлеб хватает. Правда, с кухни еще кое-что перепадает, когда там у них остается. Так и перебиваемся.

— Ясно, Марфа Ивановна. Я здесь работаю. Появится возможность, буду помогать, чем сумею.

— И на том спасибо. А живете-то где?

— Здесь же. В том конце барака.

— В третьей или четвертой квартире?

— Номера не знаю. Вместе с Потемкиным.

— С Алексом, это в четвертой. Я там тоже прибираю. — Марфа Ивановна поставила дочку на пол. — Заходите, ежели что. Может, вам постирать потребуется, это я быстро сумею — и выстираю, и выглажу.

— Спасибо. Буду иметь в виду.

Дубровский еще раз погладил белокурую головку девочки и, поклонившись, вышел из комнаты.

Во дворе, возле массивных дверей гаража, прохаживался часовой. Леонид обратил внимание на огромный замок, висевший на длинных широких петлях. Проходя вдоль барака, он заглянул в распахнутое окно кабинета Рунцхаймера и встретился взглядом со своим шефом. Тот восседал за письменным столом перед грудой бумаг, на которые он, как казалось, не обращал никакого внимания. Чувствуя неловкость, Леонид отвернулся, прошел мимо. Какое-то мгновение ему казалось, что Рунцхаймер вот-вот окликнет его. Но вокруг было тихо, только шаги часового доносились до его слуха.

— А-а! Вот и мой новый товарищ пожаловал, — сказал Потемкин, увидев Дубровского в дверях. — А мы со встречи решили пропустить по одной. Проходи, присаживайся, знакомься, — кивнул он на незнакомца. — Это Конарев. Мы с ним вместе не раз бедовали, душевный человек. А это наш новый сотрудник Леонид Дубровский, — продолжил он, обращаясь уже к Конареву.

— Очень приятно. Будем знакомы, — сказал Дубровский, пожимая Конареву руку и поглядывая на бутылку с мутноватой жидкостью. — Самогон?

— А откуда же ее сейчас взять, водку-то? — усмехнулся Потемкин. — Хорошо, хоть самогон достается, и то благо большое.

— Почему же самогон в этих краях? — спросил он.

Потемкин усмехнулся:

— У Дмитрия Конарева спроси. Он всегда дешевле других достает.

Дубровский перевел вопросительный взгляд на Конарева.

— Этот, к примеру, задарма мне достался, — кивнул тот на бутылку, — да еще и сала к нему в придачу поднесли. Служба у нас такая. Чего хошь задарма принесут и еще спасибочки скажут.

Потемкин перестал улыбаться, весь как-то напрягся, отчего на его лбу вздулась вена. Пытаясь остановить Ко-нарёва, он подавал ему какие-то таинственные знаки. Но того, видимо, обуяло красноречие, и он продолжал:

— Вчерась, к примеру, пришла одна баба за мужа просить. Я ей впрямую говорю: неси самогон и еще сало на закуску, тогда, может, и помогу твоему горю...

— Какое же у нее горе? — спросил Дубровский, при-саживаясь к столу.

— Обыкновенное... Мужика взяли... Револьвер у него обнаружили и радиоприемник. Мужику-то теперь капут, а баба на воле за него хлопочет.

— Значит, вы взялись помочь этому человеку? — спросил Дубровский.

— Нет. Зачем помогать? Ему теперь бог на том свете поможет.

— Не понимаю, почему же вы тогда не отказались от самогона и сала?

— Зачем же от добра отказываться? — удивился Ко-нарёв.

— Брось болтать, — вмешался в разговор Потемкин. — Мужик-то еще живой. Может, при случае ты ему помо-жешь. — И, уже обращаясь к Дубровскому, добавил: — Денег мы не берем, потому что не продажные мы, а са-могон — это дело другое, так сказать, угощение... И ты на нас не сердчай, выпей-ка вот лучше, сразу на душе полегчает.

Он наполнил свой стакан самогоном и протянул его Дубровскому.

— Нет, нет. Мне сейчас не ко времени. Я должен пойти к фельдфебелю Монцарту и получить у него ору-жие.

— Эка спешка. Ты что, в бой собрался? Посиди, вы-пей, потом сходишь.

— А Рунцхаймер позволяет пить во время работы?

— У нас день ненормированный. Иногда и ночами работаем. А теперь нет работы, значит, и выпить невоз-браняется.

— А если он сейчас вызовет?

— Вызовет так вызовет. Если унюхает, поморщится. Ну, в крайнем случае, скажет: русски свиня. Так что пей. Нам ведь теперь вместе время коротать придется.

«Пожалуй, не следует отказываться. Надо же устанавливать контакт с новыми сослуживцами», — подумал Дубровский и взял стакан.

— За наше знакомство! — сказал он, чокаясь с Конаревым.

— И за дружбу! — добавил тот. — Мы вот с Алексом накрепко повязаны. Друг за друга стоим, друг другу помогаем...

Это высказывание Конарева пришлось Потемкину по душе. Он поддакнул и сказал в свою очередь:

— Время такое. Одному оставаться никак нельзя. А когда рядом опора есть, когда друзья рядом, и дышать легче.

— Во, во, — поддержал его Конарев. — Когда мы с Алексом в Красном Сулине большевиков и чекистов брали и евреев там всяких вылавливали...

— Чего ты мелешь? — взревел на него Потемкин.

Конарев оторопело вытаращил белесые бесцветные глаза.

— А чего? Говорю, что друг другу мы тогда помогали. И теперь тоже заодно работаем.

— Говори, да не заговаривайся. Ишь как с одного стакана тебя развезло! — Потемкин протянул руку, забрал у Конарева уже наполненный стакан самогона и, обращаясь к Дубровскому, предложил: — Давай, Леонид, выпьем с тобой, стаканов-то всего два, а Конарев потом нас догонит. А то как-то неловко. Мы уже тяпнули, а ты еще трезвый.

— Ну что ж. Пить так пить. И за знакомство, и за дружбу, и за здоровье.

Крепкая вонючая жидкость обожгла горло, но Леонид, не останавливаясь, выпил до дна.

— На-на вот, сальцем закуси. Свежее, — сказал Потемкин. Он проколол острием ножа розовый кусочек сала, протянул его Дубровскому.

— Спасибо.

Леонид одной рукой взял сало, другой приподнял бутылку, налил самогона в свой стакан и протянул его Конареву.

— Теперь догоняйте.

Тот молча кивнул, искоса посмотрел на Потемкина, залпом осушил стакан.

— Ничего, пьет и не поморщится, — проговорил Потемкин примирительно. — И парень хороший, только хвастаться любит.

Слово «парень» удивило Дубровского. На вид Конареву было лет сорок, он выглядел старше Потемкина по меньшей мере на десять лет. Поэтому он спросил, обращаясь к Конареву:

— А какого вы года?

— Девятьсот пятого.

— Ого! Уже тридцать восемь.

— А вам?

— Мне двадцать два, — ответил Дубровский.

— Молод еще. Держись за нас крепко, с нами не пропадешь, — посоветовал Потемкин.

— Правильно Алекс говорит. За нами — как за горами, — поддержал его Конарев.

— А как это понимать — «держись за нас»?

— Очень просто. Ежели что — спроси, посоветуйся. И главное, немцам ни слова про наши разговоры, про наши дела.

Дубровский понял, что Потемкин намекает на самогон и сало, которые Конарев раздобыл у женщины, пообещав помочь ее мужу. И вместе с тем он уловил чуть заметную ироническую нотку, прозвучавшую в намеке на доверительные беседы, о которых не следовало бы знать немцам.

— Хорошо! Так я и буду поступать, — пообещал он. — Одному всегда плохо на белом свете, а в это тревожное время тем более... А теперь расскажите мне, где найти фельдфебеля Монцарта, пойду к нему за пистолетом.

— Опять заладил одно и то же. Подождет тебя твой пистолет, никуда не денется. Давай еще выпьем — и пойдешь, — настоятельно потребовал Потемкин.

Но выпить больше не удалось. В комнату забежал солдат и передал, что Дубровского требует к себе Рунцхаймер.

— Ну, раз Дылда зовет — беги. Он ждать не любит, — посоветовал Алекс. — А мы с Конаревым без тебя се прикончим.

— Кого — «ее»? — не понял Дубровский. Он вспом-

пил забытого насмерть человека, о котором говорил Рунцхаймер.

— Самогонку прикончим! — рассмеялся Потемкин.

Дубровский махнул рукой и вышел из комнаты. Рунцхаймер уже поджидал его на улице.

— Вы звали меня, господин фельдполицайсекретарь! — вытянулся перед ним Дубровский.

— Да! Вы нужны мне. Пойдете со мной в русскую вспомогательную полицию. Будете переводить мой разговор с начальником полиции. И кстати, познакомитесь с ним. Впредь вам придется там бывать по моим поручениям. Следуйте за мной.

Рунцхаймер повернулся спиной к Дубровскому и зашагал крупным, размеренным шагом. В двух шагах позади него следовал Леонид Дубровский.

Они миновали узкий проулок, пересекли магистральную улицу, по которой то и дело с ревом пронеслись огромные грузовики, спустились в направлении центральной площади и остановились около желтого двухэтажного дома.

— Это здесь! — отрывисто проговорил Рунцхаймер.

Дубровский еще издали заметил маячившего возле подъезда полицейского и догадался, что в этом здании располагается русская вспомогательная полиция.

Полицейский с белой повязкой на рукаве замер в недвижимой позе, пропуская мимо себя начальство.

По деревянной скрипучей лестнице Рунцхаймер поднялся на второй этаж, громыхая коваными сапогами, прошел по коридору и, не останавливаясь, толкнул ребром ладони дверь в кабинет начальника полиции. Леонид Дубровский не отставал от него ни на шаг.

Навстречу из-за письменного стола поднялся пожилой лысеющий мужчина. Рунцхаймер небрежно приподнял руку, пробурчал вполголоса: «Хайль!» — и подошел вплотную к начальнику полиции. Тот неуклюже попятился в сторону, уступая кресло своему шефу.

Рунцхаймер молча опустился в кресло, снял и положил на стол фуражку и, только бросив в нее кожаные перчатки, проговорил, кивая на Дубровского:

— Это есть мой новый переводчик... господин Дубровский. А это есть господин Козлов. — Он сделал жест в сторону начальника полиции.

Оба вежливо поклонились друг другу. Дубровский не

решился первым подойти и протянуть руку начальнику полиции. А тот, зная заносчивость своих новых хозяев и полагая, что переводчик может быть и немцем, тоже не захотел подавать руку первым.

Рунцхаймер, переходя на немецкий язык, так как запас его русских слов почти иссяк, продолжал:

— Господин Дубровский, спросите у господина Козлова, обнаружил ли он людей, которые подожгли маслозавод?

Леонид перевел Козлову вопрос Рунцхаймера.

Маленькие глазки начальника полиции забегали по сторонам. Склонившись в услужливой позе, он смотрел то на Рунцхаймера, то на Дубровского.

— Извольте заметить, что по этому делу мы уже арестовали одиннадцать человек, но пока никаких результатов. Все задержанные действительно не имеют никакого отношения к пожару на маслозаводе...

— А если не имеют отношения, тогда какого черта вы их арестовали! — взревел Рунцхаймер, как только услышал перевод.

Дубровский перевел.

— Мы полагали... Мы думали, что они знают, кто это сделал. Эти люди живут неподалеку от маслозавода. Некоторые из них работали там.

Теперь Дубровский перевел Рунцхаймеру.

— Что же вы намерены делать дальше, господин Козлов?

— Мои агенты ведут большую работу среди населения. У них есть доверенные люди. Я думаю, за несколько дней мы выясним кое-какие обстоятельства. Очень жаль, что сам господин Месс погиб во время пожара. Он мог бы помочь нам напасть на след преступников, если это было заранее продуманная диверсия.

На этом Рунцхаймер перебил Дубровского:

— Спросите у него, неужели он полагает, что это было всего лишь халатное обращение с огнем? Или, может быть, господин Месс собственноручно пробил себе голову тупым предметом?

Козлов ответил:

— Я лично выезжал на место пожара. Господин Месс лежал неподалеку от обрушившейся балки. Возможно, после того как балка упала на его голову, он еще по инерции сделал несколько шагов.

— Возможно, возможно, — раздумчиво проговорил Рунцхаймер. — Но я много лет прослужил в криминальной полиции и не привык делать выводы, основанные на догадках и предположениях. Мне нужны факты, нужны неопровержимые доказательства и улики. Конечно, самое легкое, свалить все на несчастный случай и прикрыть это дело. Но тем самым господин Козлов расписывается в собственной беспомощности. Мне такой начальник вспомогательной полиции не нужен. Если господин Козлов не найдет в течение нескольких дней виновников этого пожара на маслозаводе, мне придется подыскивать другого начальника русской вспомогательной полиции. Переведите ему это поточнее.

Рунцхаймер умолк, а Дубровский принялся втолковывать Козлову, чего от него ждет фельдполицайсекретарь Рунцхаймер. Бледное лицо начальника полиции покрывлось испариной. Он переминался с ноги на ногу и по минутно кивал головой.

Рунцхаймер заговорил снова. Дубровский еле поспевал за ним. А тот, все более распаяясь, встал, вытянулся во весь свой почти двухметровый рост и стал размахивать длинными волосатыми руками.

— За каждого погибшего в городе немца я буду расстреливать десять заложников. Те одиннадцать, которых вы арестовали по этому делу, должны быть расстреляны, если они не скажут, кто поджег маслозавод, кто убил доктора Месса. Да-да! Это доктору Мессу мы обязаны быстрым восстановлением завода, это он наладил снабжение маслом нашего армейского корпуса. Его смерть не останется безнаказанной. Я даю вам еще два дня. И берегитесь, господин Козлов, если мой, а не ваши люди найдут партизан, спаливших маслозавод! — Едва Дубровский закончил переводить, Рунцхаймер взял перчатки, надел фуражку и, не прощаясь, направился к двери. Распахнув ее, он обернулся, небрежно бросил с порога: — Теперь господин Дубровский будет приходить к вам за арестованными. Порядок тот же. Берете расписку — выдаете арестованного. Ясно?

Когда Дубровский перевел, начальник полиции покорно кивнул:

— Будет исполнено, господин фельдполицайсекретарь.

Рунцхаймер показал свою спину и широким, размашистым шагом двинулся по коридору. Леонид Дубровский поспешил за ним.

Они молча спустились по лестнице, вышли на улицу, залитую весенним солнцем, и только здесь Рунцхаймер замедлил шаг и, обернувшись к Дубровскому, проговорил:

— Пройдемте на биржу труда. Это рядом. Всего три квартала. Вам туда придется ходить с моими поручениями.

6

Леонид Дубровский проснулся от какого-то неосознанного чувства тревоги. Будто огромный невидимый камень навалился на грудь, сдавил сердце и легкие, мешает вздохнуть. Приоткрыв глаза, Леонид приподнялся на локте. Несмотря на ранний час, в комнате было светло. В окно заглянули первые лучи восходящего солнца. И хотя этот яркий, солнечный свет не предвещал ничего плохого, на душе было тяжело. Прорезав тишину, до слуха донесся отдаленный гул артиллерийских залпов.

«Неужели наши пошли в наступление?» — обрадовался Дубровский, окидывая взглядом комнату.

На соседней кровати, под одеялом, бугрилась фигура Потемкина. По тому, как равномерно приподнималось и опускалось одеяло, Дубровский понял, что Потемкин спит. «Надо бы и мне хоть немного вздремнуть». Леонид опустил голову на подушку и тут же вспомнил про свой вещевой мешок. Сонливость будто сдуло ветром. Мысли смеялись одна другую. «Меня проверяют. Проверяют на каждом шагу. Иначе кто посмел бы рыться в моем вещевом мешке? Несомненно, это сделал Потемкин. Но сам бы он никогда не решился. Видимо, ему поручил Рунцхаймер. Пусть! Быть может, это и к лучшему. Ведь в моих вещах нет ничего подозрительного. Только самое необходимое. Что же я так волнуюсь? Просто нервы пошаливают. Все идет как нельзя лучше. Ведь я заранее предвидел, что Рунцхаймер будет меня проверять. Иначе и быть не может».

Леонид перевернулся на другой бок, уперся взглядом в порыжевшие обои на стенке. «Надо продумывать каждый шаг, взвешивать до мельчайших подробностей каж-

дый поступок. Только так можно сохранить свою жизнь и выполнить задание. А что я успел сделать? Конкретного пока ничего. Но я здесь, в гестапо, и это уже немало. Важно удержаться, обрести хорошую репутацию. Ведь даже на допросах можно много выяснить. Вот, например, вчера полицейский Дронов из хутора Белянский предал людей, которые расклеивали воззвания. Или вот Алферов, рябой, сорока лет, из станицы Николаевской, — агент ГФП-721 — предал женщину, слушавшую радиопередачи из Москвы. Это все надо записывать, чтобы не забыть. Когда наши вернутся, эти люди должны понести заслуженную кару. Ведь на руках этого Дронова кровь военнопленных, которых Рунцхаймер приказал расстрелять по его доносу. Записывать? А где прятать записи? Попадись они Рунцхаймеру... — Дубровский невольно съезжился под одеялом. — Надо сделать так, чтобы не попались. Надо найти человека, у которого можно хранить записи. А с кем отправлять их через линию фронта? Пятеркин. А где он? Письмо Самарским послано двадцать седьмого, а сегодня... Пстой-ка, сегодня же Первое мая. Ура! Первомайский праздник! Это шестой день моего пребывания в ГФП. Со дня на день должен прийти ответ от Самарских. Если Пятеркин там, непременно найду человека, чтобы связаться с ним. А пока... Пока не давать ни малейшего повода для подозрений. Рунцхаймер внешне оказывает мне доверие. Внешне. А что он думает обо мне? На первом допросе с провокатором я вел себя правильно».

Дубровский вспомнил этот первый допрос, на котором в качестве переводчика его использовал Рунцхаймер. Поначалу Рунцхаймер выделил ему одного солдата и приказал отправиться в тюрьму за арестованным коммунистом, у которого обнаружили радиоприемник. Принимая арестованного от Копарева, Дубровский заметил, что Виталий Шевцов — так звали арестованного — довольно дружелюбно переглянулся с Копаревым. А тот нарочито злобно толкнул его в спину. Кроме того, на улице, по дороге в ГФП, Шевцов обратился к Дубровскому с проклятиями в адрес немцев. Это насторожило Леонида. Когда же Шевцов стал проклинать и Дубровского за то, что тот продался немцам, Леонид каким-то внутренним чутьем уловил, что перед ним провокатор.

Во время допроса Рунцхаймер требовал от Шевцова

сказать, откуда у него радиоприемник. Шевцов наотрез отказался отвечать на этот вопрос и без стеснения стал ругать немцев и «новый порядок». Дубровский все дословно перевел Рунцхаймеру. Казалось, тот расвирепел не на шутку. Он выбежал из-за стола и, подскочив к Шевцову, стукнул его плеткой по голове. Но удар был слабым. Дубровский почувствовал, как в самый последний момент Рунцхаймер придержал свою руку. Теперь сомнений не было. На табуретке сидел провокатор, и весь этот спектакль понадобился Рунцхаймеру, чтобы еще раз проверить своего переводчика.

Когда же на вопрос Рунцхаймера, что он слушал через свой радиоприемник, Шевцов со злорадством ответил, что слушал сводки Советского информбюро, в которых говорилось о разгроме армии Паулюса под Сталинградом, Дубровский сам подошел к Шевцову и со всего размаху двинул его кулаком по лицу. Шевцов свалился с табуретки, из его рассеченной губы заструилась кровь.

— О! Я же говорил вам, что сделаю из вас мужчиной! — воскликнул Рунцхаймер. — Только зачем так сильно? У вас тяжелый кулак. После такого нокаута не так просто встать на ноги.

— Прошу извинить меня, господин фельдполицайсекретарь. Всякий раз, когда я слышу о Сталинграде, у меня сжимаются кулаки. А этот негодяй решил поиздеваться над нами. Он сказал, что слушал московские передачи о разгроме армии фельдмаршала Паулюса. Это же наша шестая армия! И я не сдержался. Еще раз прошу извинения, господин фельдполицайсекретарь.

— Ничего, ничего. Ему это пойдет на пользу.

Поглядывая то на Рунцхаймера, то на Дубровского, Шевцов медленно поднялся с пола, тяжело опустился на табуретку.

— Ну, теперь ты скажешь, откуда у тебя радиоприемник? — спросил Дубровский.

Шевцов испуганно посмотрел на Рунцхаймера.

— Хорошо! Пусть подумает. Отведите его обратно в тюрьму. Если он и завтра будет молчать, мы его расстреляем.

По дороге в тюрьму Шевцов не проронил ни слова. А вечером...

Вечером в комнату, где жил Дубровский, заглянул Конарев. Потемкин еще не вернулся, и Конарев решил

его подождать. Он медленно присел к столу, вытащил из внутреннего кармана куртки бутылку самогону, спросил:

— Без Алекса начнем или повременим чуток? — Дубровский промолчал. И видимо, чтобы завязать разговор, Копарев неожиданно рассмеялся: — Шевцов на тебя жалуется. Скулу ты ему чуть не свернул. А зря. Он парень хороший. Камерным агентом у нас работает...

Сейчас, лежа в постели, Леонид улыбнулся, вспоминая, как выручила его тогда интуиция.

Он был уверен, что это не последняя проверка. Но не предполагал, что Рунцхаймер заставит кого-то рыться в его вещах. «А может, и не поручал рыться? Может, просто распорядился наблюдать за мной? А Потемкин понял это по-своему и переусердствовал. Ведь не дурак Рунцхаймер, не мог же он подумать, что я не замечу беспорядка в своем вещевом мешке. Конечно же это самодеятельность Потемкина. Что ж, этот гад показал себя. Немцы ему доверяют. Поэтому и спит спокойно».

А Потемкин не спал. Он проснулся от какого-то взрыва. Лежал и вслушивался в тишину. До его слуха докатился отдаленный гул артиллерийских залпов, но это было не то. Разбудивший его взрыв был значительно сильнее и раздался где-то совсем близко. С минуты на минуту Потемкин ожидал сигнала тревоги. Но вокруг по-прежнему была тишина, в которой то зарождался, то угасал далекий артиллерийский гул.

И как ни странно, этот гул, приглушенный расстоянием, успокаивал. За ним угадывалось множество километров, отделявших Потемкина от рвущихся снарядов, от запаха гари и пороха, от вздыбленной земли. Побывав под артиллерийским обстрелом всего один раз, Потемкин запомнил эту картину на всю жизнь. Он пытался тогда вжаться в упругую землю как можно глубже. Над ним с воем и визгом проносились осколки, в нос и горло лез дурманящий запах пороха, комья глины обрушивались на спину. Казалось, весь земной шар содрогался в страшном ознобе. Он был подавлен и ошеломлен настолько, что уже не смог подняться, когда прекратился артиллерийский огонь. Несколько блаженных минут он пролежал недвижно на притихшей сырой земле, пока до слуха не донеслась немецкая речь. Тогда он поднялся, нет, не встал, а сел, обреченно поглядывая на приближавшихся солдат в чу-

жих зеленых мундирах. С неосознанным облегчением Потемкин поднял вверх руки.

После этого любые тяготы плена, невзгоды и упреки казались ему ничего не значащими по сравнению с тем, что он пережил под артиллерийским огнем. С тех пор прошло уже больше года. Потемкин был счастлив, что имеет возможность слышать артиллерийскую канонаду только на расстоянии. И сейчас, лежа в своей постели, он благодарил судьбу за то, что далек от грязных, вонючих окопов, от повиса в воздухе пули, от рвущихся мин и снарядов. Им уже вновь овладела дремота, когда за окном послышался топот ног и громкий, взволнованный крик, извещавший о тревоге. Потемкин мигом стряхнул с себя одеяло, вскочил с кровати, босиком подбежал к окну.

— Что случилось? — крикнул он пробегающему мимо фельдфебелю Вальтеру Митке, который дежурил по ГФП в эту ночь.

— Партизаны взорвали водокачку в городе! Срочно выезжаем на место происшествия!

Потемкин метнулся было будить Дубровского, но Леонид уже натягивал брюки.

Через несколько минут следователи и переводчики ГФП уже сидели в кузове крытого брезентом грузовика. Окликнув каждого, убедившись, что все на месте, Рунцхаймер забрался в кабину водителя. Взревел мотор, и грузовик выехал за ворота.

До водокачки было не более двух километров. Когда Леонид Дубровский вместе с остальными сотрудниками команды Рунцхаймера выбрался из машины, возле полуразрушенной водокачки бегали полицейские с белыми повязками на рукавах. Среди них Дубровский заметил начальника вспомогательной полиции. Тот стоял около груды битого кирпича и отдавал какие-то распоряжения своим подчиненным.

— Господин Дубровский, — раздался властный голос Рунцхаймера, — следуйте за мной!

Не оглядываясь, не проверяя, услышал ли переводчик его команду, Рунцхаймер зашагал к водокачке, туда, где стоял Козлов. Он шел быстро, размашисто переставляя длинные ноги, сцепив за спиной худые, костлявые руки с тонкими волосатыми пальцами. Его узкие, сутуловатые плечи заметно раскачивались из стороны в сторону.

«Настоящий дылда», — подумал Дубровский, еле поспевая за шефом. Он шел вслед за ним, всего в двух шагах, поэтому чуть не натолкнулся на Рунцхаймера, когда тот неожиданно резко остановился, нагнулся, поднимая с земли какой-то предмет. Выпрямившись, Рунцхаймер обернулся к Дубровскому:

— Как по-вашему, что это может быть?

Леонид оглядел протянутую к нему руку. На ладони Рунцхаймера лежал небольшой кусок покореженного металла.

Дубровский молча пожал плечами.

— А я вам скажу. Это осколок мины. Судя по размерам, противотанковой мины. Быть может, именно этой миной взорвана водокачка. Да, да. Это свежий осколок. Посмотрите, никаких следов ржавчины. Сохраните его.

Передав осколок Дубровскому, Рунцхаймер повернулся к нему спиной и зашагал дальше. Навстречу бежал начальник русской вспомогательной полиции. Остановившись в нескольких шагах от него, Рунцхаймер подождал, пока тот приблизится, и, не подавая ему руки, все так же сцепив их за спиной, спросил:

— Господин Козлов и сейчас будет утверждать, что в Кадиевке нет партизан?

Не понимая вопроса, начальник полиции, словно провинившийся мальчишка, смущенно молчал. Он вопрошающе поглядывал на Дубровского.

— Переводите же, чего вы ждете? — повышая голос, проговорил Рунцхаймер.

— Господин фельдполицайсекретарь спрашивает: вы и теперь будете утверждать, что в городе нет партизан?

— Я никогда не утверждал этого. Возможно, они живут среди нас, но мы до сих пор не можем напасть на их след. По приказу господина Рунцхаймера мы вчера вечером расстреляли одиннадцать заложников за пожар на маслозаводе. Но ни один из расстрелянных даже перед смертью никого не назвал, хотя я обещал сохранить им жизнь, если они скажут, чьих рук это дело.

Дубровский перевел Рунцхаймеру слова начальника полиции.

— А что он скажет по поводу взрыва водокачки?

— Мои люди обследуют место взрыва. Водокачку охранял полицейский Степчук, которого мы пока не можем

найти. Ясно лишь одно: под стену была заложена взрывчатка, — ответил Козлов.

— Не взрывчатка, а мина, — поправил Рунцхаймер. — Дайте-ка ему этот осколок.

Дубровский перевел, подал Козлову находку Рунцхаймера. Тот долго вертел осколок в руках, покачал головой и, возвращая осколок, сказал:

— Вы правы, господин фельдполицайсекретарь. Это была мина, и, может быть, не одна. Я думаю...

Его перебил подбежавший следователь Макс Борог.

— Господин фельдполицайсекретарь, мы ждем ваших распоряжений! Разрешите осмотреть водокачку?

— Да, да, да! Я думаю, вы и без меня могли бы принять такое решение. Не для прогулки же я вас сюда привез. Ступайте!

— Слушаюсь!

— Да! Фельдфебель Борог, дело с этой водокачкой я поручаю вам.

— Слушаюсь! Будет исполнено!

— Так что вы думаете? — спросил Козлова Дубровский, прежде чем перевести Рунцхаймеру последнее высказывание начальника полиции.

— Я думаю, что такую мину или несколько мин могли положить и вражеские лазутчики. Парашютистка, которую мы поймали два дня назад, не могла быть одна. Обнаруженный у нее радиопередатчик не имеет питания. Значит, батареи сброшены с кем-то другим. Кроме того, с радистами могли быть брошены и диверсанты. Эту девочку надо хорошо допросить. Но без вашего разрешения полиция не имеет на это права. Парашютистка числится за ГФП.

Выслушав мнение начальника полиции, Рунцхаймер помолчал немного, вытащил портсигар, достал из него сигарету, закурил и только потом сказал:

— Я не думаю, чтобы русские были настолько глупы. Подготовка диверсантов стоит больших усилий. Вряд ли русское командование станет забрасывать их ради такой мелочи, как водокачка. Для диверсий существуют более важные военные объекты. А парашютисткой я займусь сам. Полиции не следует вмешиваться в это дело. Лучше бросьте свои силы на выявление партизан в городе. Я уверен, что водокачка — это дело их рук.

Подождав, пока Дубровский перевел, Рунцхаймер

неторопливо пошел к месту взрыва. Начальник полиции вместе с Дубровским последовали за ним.

Около сорока минут провел Рунцхаймер возле водокачки. За это время сотрудники ГФП обнаружили еще несколько осколков от взорвавшейся мины. И каждый осколок подтверждал, что мина противотанковая, советского производства. Теперь и Рунцхаймер стал подумывать о том, что виновниками этой диверсии могут быть советские парашютисты. Он еще не решил окончательно, что следует предпринять, когда к нему подбежал фельдфебель Макс Борог.

— Господин фельдполицайсекретарь, я полагаю, целесообразно произвести облаву на вокзале. Необходимо немедленно задержать на станции всех подозрительных. Среди них возможны диверсанты, причастные к этому взрыву...

— Хорошо! — почти не задумываясь, ответил Рунцхаймер. — Берите людей и отправляйтесь туда. По пути забросьте меня и господина Дубровского к нам в штаб. Я сам хочу допросить русскую парашютистку.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Будет исполнено.

Макс Борог побежал собирать своих сослуживцев, а Рунцхаймер и Дубровский направились к автомашине.

— Господин фельдполицайсекретарь, вы действительно полагаете, что это могли быть русские парашютисты? — спросил Дубровский.

— Вероятности мало. Но отвергать эту версию тоже нельзя. От русских можно ждать чего угодно. За два года войны я был свидетелем самых бессмысленных акций с их стороны. Иногда они ставили нас просто в тупик отсутствием всякой логики. К тому же фельдфебель Борог хотя и чех, но хороший следователь. Я доверяю его профессиональному чутью. Может быть, и на этот раз он не ошибается.

По возвращении в штаб Рунцхаймер отправил дежурного по ГФП фельдфебеля Митке в полицию за арестованной парашютисткой, а сам прошел в свой кабинет, жестом пригласив за собой Дубровского. Радостно повилявая хвостом, Гарас стремительно подбежал к хозяину, потом настороженно обнюхал переводчика и после властного окрика Рунцхаймера покорно улегся на своей подстилке.

— Господин Дубровский, — сказал Рунцхаймер, доставая из ящика письменного стола стопку бумаг с машинно-писным текстом, — здесь несколько статей, предназначенных для местной газеты. Их писали разные люди. Я поручаю вам прочесть и дать свое заключение о целесообразности публикации.

— Разве это тоже входит в функции ГФП?

— Да-да! Гехаймфельдполицай занимается не только выявлением и уничтожением партизан, коммунистов, евреев. В нашу задачу входит и охрана штабов, и личная охрана командира соединения, и наблюдение за военными корреспондентами, фотографами, художниками. Мы осуществляем негласный контроль за тем, что они пишут, рисуют, фотографируют. И если редактор местной или немецкой военной газеты нашего соединения сомневается в каком-нибудь сообщении, он без промедления направляет материал к нам, в полевую полицию. Таким образом, наши функции гораздо шире, чем вы предполагали раньше. Шире и значительнее. Именно поэтому армейские офицеры с таким почтением, я бы сказал, даже с опаской, относятся к нам.

— Я понял, господин фельдполицайсекретарь! Я сейчас же просмотрю эти материалы.

— Нет, это не так срочно. Сейчас мы допросим советскую парашютистку, а потом вы займетесь этим. Подготовьте место для следователя Митке. Там, в шкафу, пишущая машинка. Поставьте ее сюда! — Рунцхаймер кивнул на свой письменный стол. — Здесь, напротив, поставим этот стул! — Он сам перенес от стены деревянный стул. А когда Дубровский поставил машинку и сдернул с нее чехол, распорядился: — Заправьте в нее бланк протокола допроса.

Дубровский достал из шкафа несколько бланков. Не забыл прихватить ластик, ручку и пузырек с чернилами. Он уже знал, что Рунцхаймер любит порядок, любит, чтобы все необходимое было под рукой. Поэтому, заметив, что стоявший на тумбочке графин с водой наполовину пуст, он взял его и пошел на кухню, чтобы долить кипяченой водой. (Рунцхаймер боялся пить сырую воду.) Когда он вернулся с полным графином, Рунцхаймер одарил его одобрительным взглядом.

— Скоро ее приведут. А пока пойдете погуляем с Гарасом.

Руницхаймер подал собаке знак и направился к двери. Гарас опрометью бросился из комнаты в сени. Дубровский еще не успел подойти к двери, как из сеней раздался неистовый детский плач. Переступив порог, Леонид увидел распростертую на полу девочку — дочку Марфы Ивановны. Руницхаймер стоял чуть поодаль, на лице его застыла недовольная гримаса.

— Гарас нечаянно сбил ее с ног, — то ли оправдываясь, то ли поясняя, проговорил он.

Дубровский нагнулся, поднял девочку на руки в тот самый момент, когда из комнаты выбежала Марфа Ивановна.

— Что случилось? — с дрожью в голосе спросила она.

— Ничего особенного. Ольга испугалась Гараса, — сказал Дубровский, передавая девочку матери.

Руницхаймер уже вышел наружу и наблюдал, как мечется по двору его любимый Гарас. Дубровский подошел к Руницхаймеру. Тот, не поворачивая головы, все так же пристально наблюдая за собакой, проговорил:

— Надо подыскать для этой женщины другую комнату. Нечего ей вертеться у нас под ногами. Напомните мне об этом.

— Хорошо, господин фельдполицайсекретарь, — покорно ответил Дубровский.

Со скрипом отворилась калитка, и часовой, отдав честь, пропустил во двор ГФП сначала солдата-конвоира, потом невысокую худенькую девушку в разодранной кофточке, за которой следовал фельдфебель Вальтер Митке. С громким лаем Гарас кинулся им навстречу, но Руницхаймер остановил его. Покорно усевшись у ног хозяина, пес не спускал взгляда с Вальтера Митке, который, оставив арестованную с конвоиром посреди двора, подошел к Руницхаймеру.

— Господин фельдполицайсекретарь, ваше распоряжение выполнено. Арестованная парашютистка доставлена в ГФП.

— Хорошо! Вы будете вести протокол. В моем кабинете для вас приготовлена пишущая машинка.

— Будет исполнено!

— Гарас, за мной! — скомандовал Руницхаймер, направляясь в дом.

Вслед за ними последовал и Дубровский.

Русская парашютистка вошла в кабинет и остановилась у самой двери, испуганно поглядывая то на собаку, то на Рунцхаймера. И трудно было понять, кого она больше боится — этого долговязого немца с плеткой в руке или огромного пса, до поры до времени притихшего на своей подстилке.

Некоторое время Рунцхаймер молча разглядывал хрупкую, совсем еще юную девушку с завитками всклокоченных каштановых волос. На первый взгляд ей было не более двадцати. Но если присмотреться к маленьким ямочкам на щеках и подбородке, к алым губам, уловить недоуменный вопрос, застывший в совсем еще детских глазах, то можно было подумать, что перед вами стоит набедокурившая школьница из девятого или десятого класса. И Рунцхаймеру показалось, что с этой девушкой не будет много хлопот. Надо только подобрать к ней ключи.

За время своей службы следователем криминальной полиции Рунцхаймер сделал для себя кое-какие выводы. Он считал, что любого человека можно вызвать на открытый разговор, нужно только нащупать слабые или, наоборот, сильные стороны характера. Существует целая гамма человеческих добродетелей и пороков: нежность и жестокость, любовь и ненависть, простота и коварство, чуткость и черствость, трусость и мужество, гордость и самоунижение и многое другое, — и все они годятся, если ими умело пользоваться. Правда, с началом войны с Россией, с тех пор как у него на допросах стали появляться русские, Рунцхаймер начал сомневаться в правильности своих аксиом. Но сейчас, глядя на эту перепуганную, еще не познавшую жизнь девчонку, он решил, что без особого труда заставит ее разговориться, а быть может, и завербует для радиоигры с противником.

— Предложите ей сесть! — приказал он Дубровскому.

Выслушав переводчика, девушка робко подошла к указанному стулу и медленно опустилась на него. В руках она мяла белый, уже несвежий носовой платок.

— Ваше имя и фамилия? — перевел Дубровский вопрос Рунцхаймера.

— Татьяна Михайлова, — робко проговорила она глухим, надтреснутым голосом.

— Откуда родом?

— Я родилась и жила в Сталинграде.

— Год рождения?

— Родилась в тысяча девятьсот двадцать четвертом году, в феврале месяце.

— Национальность?

— Русская.

— Вероисповедание?

— Чего, чего?

— Какой вы веры? — пояснил Дубровский.

— А я неверующая. У нас никто в бога не верит, — в свою очередь пояснила она.

Фельдфебель Вальтер Митке неторопливо стучал на машинке.

— Это нехорошо. Человек должен во что-нибудь верить, — сказал Рунцхаймер.

Дубровский перевел.

— А я верю. Верю в людей. В их доброту и порядочность.

— И бог призывает людей к доброте и порядочности.

— Я не знаю, к чему призывает бог. Я никогда не бывала в церкви.

— Не будем сейчас дискутировать на эту тему. Скажите, от какого штаба и с каким заданием вас забросили в расположение германских войск?

Выслушав перевод до конца, Татьяна опустила глаза и, подняв руку ко рту, прикусила кончик носового платка.

Некоторое время и Рунцхаймер, и фельдфебель Митке, и Дубровский молча наблюдали за девушкой. Потом Рунцхаймер попросил Дубровского повторить вопрос.

Татьяна по-прежнему продолжала молчать.

— Господин Дубровский, — повышая голос, проговорил Рунцхаймер, — объясните ей, что великая Германия не хочет, чтобы такая молодая девушка погибла! Мы не звери. Наш долг предостеречь. Своим чистосердечным признанием она может искупить вину перед германской армией. Мы предоставляем ей такую возможность. Я с содроганием вспоминаю, сколько таких вот молодых людей пришлось расстрелять и даже повесить. И когда им падают на шею петлю или приставляют пистолет к затылку, они все еще надеются, что это неправда, что их просто запугивают. Но когда начинают понимать, что с ними не шутят, когда до конца жизни остаются считанные секунды, они готовы рассказать все, готовы начать

жизнь сначала, но уже поздно. Приговор подписан и должен быть приведен в исполнение... — Дубровский еле успевал переводить, а Рунцхаймер все продолжал: — А у тебя есть еще возможность спасти свою молодую жизнь. Война скоро закончится победой германского оружия. Сталинград — это маленькое недоразумение. А впереди лето. Летом войска великой Германии никогда не имели поражений. Скоро начнется наше генеральное наступление, и русские армии будут окончательно разбиты. В России восторжествует новый порядок. Люди будут жить, улыбаться цветам и солнцу. Но, если ты станешь упрямым, тебя расстреляют. Ты будешь гнить в земле. А могла бы жить, такая молодая, такая красивая...

Дубровский переводил, а у самого комок подкатывал к горлу. Было мучительно жаль эту девятнадцатилетнюю девочку, которая прекрасно понимала, что немецкий офицер не шутит, что в его власти отправить ее на тот свет или оставить жить, радоваться цветам и солнцу.

Татьяна пристально посмотрела на Рунцхаймера. В ее взгляде не было ни испуга, ни ненависти. Она с любопытством разглядывала холеное лицо гитлеровца, малиновый рубец, перечеркнувший лоб, и, казалось, прикидывала, можно ли ему верить.

Дубровскому хотелось крикнуть: «Не верь ему, девочка! Не верь ни единому слову!» Но вместо этого он спросил:

— А где вы жили, когда в Сталинграде были бои?

— Я жила на другом берегу Волги, — четко, не торопясь, проговорила Татьяна. В глазах ее появилась решимость.

— Что она говорит? — переспросил Рунцхаймер.

— Она сказала, что во время боев жила в Сталинграде, — пояснил Дубровский.

— Она комсомолка?

Ожидая ответа на вопрос, Рунцхаймер впился взглядом в девичье лицо.

— Да, — сказала Татьяна после глубокого вздоха. — Я комсомолка.

И, словно вспомнив о чем-то важном, девушка нахмурила лоб, плотно стиснула зубы.

Рунцхаймер и без Дубровского понял ответ парашютистки, поэтому, не дожидаясь перевода, сказал:

— Это ничего. Советы всю молодежь записывали в

комсомол. У нас есть теперь много молодых людей, которые отказались от своих убеждений и честно служат новому порядку, помогают германской армии бороться против коммунизма. Мы их простили. Можем простить и вас. Но для этого вы должны честно рассказать здесь, кто и зачем послал вас в расположение германской армии. Поймите, отпираться глупо. Вас же схватили в момент приземления. Вы даже не успели снять свой парашют. При вас обнаружен радиопередатчик без питания. Значит, с батареями заброшен кто-то другой. Кто он? Где вы должны с ним встретиться?

Вслушиваясь в отрывистую, лающую речь Рунцхаймера, сопровождаемую ровным, спокойным голосом переводчика, Татьяна думала о своем. Их было четверо в этой диверсионно-разведывательной группе — трое парней и она, радистка. После приземления они должны были собраться в условленном месте и идти в Горловку — крупный железнодорожный узел — обосноваться на конспиративной квартире и снабжать разведотдел сводками о передвижении воинских эшелонов через Горловку.

«Где вы сейчас, ребята? — думала Таня. — Что будете делать без радиопередатчика? Знаете ли о моей судьбе?» В том, что других участников группы не поймали, Татьяна была уверена. Иначе они все были бы здесь. И вдруг до ее сознания дошел смысл обращенных к ней слов.

— Ты думаешь, мы ничего не знаем о вашем задании? Напротив, нам известно все. Твои друзья тоже пойманы и находятся в наших руках. Они не были так упрямы, как ты. Они сразу поняли, что жить лучше, чем гнить в земле. И ваш лейтенант рассказал нам все. — Рунцхаймер специально вернул звание «лейтенант», потому что прекрасно понимал, что от младшего лейтенанта до старшего лейтенанта — это наиболее вероятные звания человека, которому могут поручить руководство диверсионной или разведывательной группой. И он ощутил, как вздрогнула девушка при упоминании слова «лейтенант», поэтому повторил: — Да-да! Ваш лейтенант оказался более сговорчивым, чем ты.

— А если он вам все рассказал, то зачем вы допытываетесь у меня? — удивленно спросила Татьяна, подняв глаза на Дубровского.

Тот исправно перевел вопрос Рунцхаймеру.

— О, глупое, милое существо! Скажите ей, что сведения, о которых я спрашиваю, нас уже не интересуют. Нам все известно. Мы знаем больше, чем знает она сама. Но я должен решить ее судьбу. Немцы — гуманная нация. Если она раскаивается, то пусть честно расскажет, кем и с какими целями заброшена к нам. Я проверю, правду ли она говорит, и тогда решу, заслуживает ли она, чтобы мы подарили ей жизнь.

Выслушав перевод, Татьяна вновь прикусила платок и отрицательно качнула головой. Рунцхаймер вышел из-за стола, подошел к ней вплотную. Девушка съежилась, сжалась, и это тоже не ускользнуло от взгляда Рунцхаймера.

— Пусть не пугается, — проговорил он. — Это коммунистические агитаторы и комиссары рассказывают русским, что мы звери. А мы не звери. Мы люди высокой культуры. Немцы подарили миру Вагнера, Ницше, Гёте. Хотя я знаю, вам ближе Гейне. Русские женственны и сентиментальны. А мы, немцы, выкинули этого слюнтяя на свалку истории. К тому же он — еврей. А вы — русская. Вы должны понять, что мы, немцы, пришли к вам с освободительной миссией. Мы пришли, чтобы избавить вас от ига большевиков. От зверства НКВД. Да-да! В НКВД с вами бы не разговаривали так вежливо, как я. Вас бы стали пытаться, стали бы издеваться над вами. Вот полюбуйтесь! — Он подошел к столу, достал из ящика небольшую брошюру и, вернувшись обратно, протянул ее Татьяне: — Возьмите. Эта книжка называется «В подвалах НКВД». Здесь собраны рассказы очевидцев. Прочитайте в камере. Возможно, вы поймете, кто ваши враги и кто друзья. И если вы не готовы для открытого разговора сегодня, я приглашу вас завтра. Как видите, я не тороплюсь с выводами. Я мог бы решить вашу судьбу сегодня же. Сейчас война, и нам некогда заниматься уговорами. Врагов мы уничтожаем безжалостно. Им не место на этой земле, нашим врагам. Но я надеюсь, вы одумаетесь. Одумаетесь и постараетесь искупить свою вину перед великой Германией.

Рунцхаймер умолк. Закончил переводить и Дубровский. Сегодня он был потрясен. Он знал истинную цену всему, о чем говорил Рунцхаймер. Но, считая его тупым солдафоном, он ожидал на этом допросе всего, чего угодно, только не длинных увещаний, ни мягкого обращения с

арестованной парашютисткой, которую Рунцхаймер, без сомнения, в конце концов расстреляет.

Недоумевал и фельдфебель Вальтер Митке, проработавший с Рунцхаймером около трех лет. Он был почти в два раза старше своего начальника и всегда удивлялся, откуда у фельдполицайсекретаря столько злобы, изощренного садизма, жестокости, которые он проявлял при допросе заключенных. Вальтер Митке вспомнил, как однажды на его глазах Рунцхаймер, прощаясь, поцеловал руку женщины, которая провела у него ночь, а потом спокойно вытащил из кобуры пистолет и выстрелил ей в спину.

И теперь, сидя без дела за пишущей машинкой и поглаживая свои усики а-ля Гитлер, он прислушивался к философствованию своего шефа. Мысленно он представил себе, как скрутил бы эту русскую девчонку, привязал бы ее к лежаку, оголил бы ей спину и так прошелся по ней резиновым шлангом с вплетенной проволокой, что эта сероглазая бестия умоляла бы выслушать ее показания. Да разве только это? Можно было бы придумать что-нибудь позабавнее. Она бы давно развязала язык.

А Рунцхаймер был доволен собой. Интуитивно он чувствовал, что выбрал правильный тон в разговоре с этой русской. К тому же ему мало было одного лишь признания, одних показаний. Только вчера его навещали капитан Айнзидель и доктор Эверт — оба из разведки абвера — и просили перевербовать кого-нибудь из русских разведчиков для игры, которую затевала армейская разведка. И эта миловидная, хрупкая русская девушка казалась Рунцхаймеру как нельзя кстати для такого дела.

«Надо только проникнуть в ее душу. Завоевать доверие. И главное, доказать, что немцы — порядочные люди. А русское командование необходимо опорочить. Необходимо вызвать у нее недоверие к своим начальникам», — думал Рунцхаймер. После короткой паузы он неторопливо сказал:

— Вот вы не хотите называть тех, кто вас послал. А задумайтесь, по чьей вине вы оказались в наших руках еще до того, как приступили к работе? Кто забросил вас прямо к нам в руки? Только бездарные люди могли выбрать этот район для высадки вашей группы. Им хорошо, они пока в безопасности, а вы должны лишать себя жизни ради их легкомыслия. Подумайте, заслуживают ли

они того, чтобы за верность им платить такой дорогой ценой?

Рунцхаймер указательным пальцем поднял за подбородок Танину голову, попытался заглянуть ей в глаза. Из-под опущенных век к ямочкам на щеках катились слезы.

«Неужели лейтенант Мельников тоже у них, — думала Татьяна. — И почему они меня не бьют, почему не пытаются?» И вдруг она вспомнила рассказ, который читала, когда училась в средней школе. Она забыла имя автора, но содержание неожиданно всплыло в ее памяти. Кажется, это случилось в Испании. Два патриота попали к фашистам. На допросе, во время пыток, один из них согласился выдать тайну, но при условии если на его глазах убьют второго. Фашисты ликовали. Они подвели допрашиваемого к окну, и он увидел, как во дворе расстреляли его товарища. Тогда он сказал врагам: «Я боялся, что тот, второй, не выдержит ваших пыток. А теперь делайте со мной что хотите, но вы никогда не узнаете нашу тайну». И она решилась:

— Хорошо, я расскажу вам все, только приведите сюда лейтенанта. Я хочу говорить в его присутствии.

Дубровский перевел Рунцхаймеру просьбу русской парашютистки. Тот заметно повеселел. Он понял, что угадал, назвав старшего группы лейтенантом. На его лице расплылась улыбка.

— О, это легко можно сделать! — воскликнул он. — Но тогда я не добьюсь своей цели. Объясните ей, господин Дубровский, что я желаю проверить их показания. Если они совпадут, значит, оба раскаялись и говорят правду. В этом случае я подарю им жизнь. Но если их показания окажутся разными, значит, кто-то из них пытается водить меня за нос. В этом случае нам придется применить жестокость, чтобы выяснить, где же правда. Поэтому я не желаю, чтобы они видели друг друга до тех пор, пока я не решу их судьбу.

Дубровский переводил, а сам лихорадочно думал, как бы дать понять Тане, что никакого лейтенанта у Рунцхаймера нет, что ее просто-напросто шантажируют. Но как это сделать? Где гарантии, что за дверью кабинета никто не стоит? Ведь из пьяной болтовни Конарева он знал, что Потемкин уже однажды находился за дверью и прослушивал, точно ли он переводит. «И все-таки... Мо-

жет, попробовать? А что это даст? Спасет ли ее моя подсказка? Конечно, нет. Так имею ли я право рисковать? Причем рисковать не столько своей жизнью, сколько делом, ради которого здесь нахожусь. Нет!» Он стиснул пальцы в кулак так, что ногти впились в ладони. Закончив переводить, вопросительно посмотрел на Рунцхаймера.

— Ну! Что же она решила? — нетерпеливо проговорил тот.

Дубровский, пожав плечами, спросил Татьяну:

— Вы будете говорить?

Девушка сидела не шелохнувшись.

— Господин фельдполицайсекретарь, — фельдфебель Вальтер Митке вытянулся во весь свой невысокий рост, — разрешите мне допросить эту русскую. Обещаю, через полчаса она выложит все, что у нее за душой.

— Нет! Она мне нужна такой, как есть, а не в разобранном состоянии. Раздеть ее мы всегда успеем. — И, обращаясь к девушке, уже мягким, вкрадчивым голосом добавил: — Хорошо! Я могу подождать до завтра. Подумайте над тем, о чем я сказал. — И повернувшись к Дубровскому: — Скажите ей, что в ее распоряжении двадцать четыре часа. День и ночь и еще маленькое утро. Пусть сама решает, жить ей или умирать. И пусть обязательно прочитает эту книжку! — Рунцхаймер указал пальцем на маленькую брошюрку, лежавшую у девушки на коленях.

Выслушав переводчика, Татьяна поднялась со стула.

— Господин фельдфебель, отведите ее обратно в камеру.

— Слушаюсь!

Вальтер Митке подошел к девушке и легонько подтолкнул ее к двери.

— Как вам нравится, господин Дубровский? Такая худенькая на вид — и такая крепкая. А ведь она, наверно, еще и не женщина. Ха-ха! — хихикнул Рунцхаймер. — Видно, у русского командования совсем плохие дела, если забрасывают к нам таких малолеток.

— Но она жила в Сталинграде, почувствовала войну, — возразил Дубровский.

— Зачем вы напоминаете мне о Сталинграде? Если она там жила, то видела, как мы, немцы, дошли до Волги. Если бы румыны не дрогнули, мы сейчас купались бы с вами в Волге. А за ними побежали итальянцы — эти без-

дельники, эти нищие! Если бы у фельдмаршала Паулюса были только немецкие части, то этой весной война была бы уже закончена полной победой германского оружия. А теперь мы должны вновь проливать кровь немецких солдат, чтобы нанести последний удар по русским армиям. Но это будет жестокий удар. Вспомните мое слово.

Несколько дней назад русские начали наступление на Голубой линии, но у них ничего не вышло. Они стянули на Кубань всю свою авиацию. И это не помогло. Русские выдохлись, так и не прорвав нашу оборону. А группа армий «Центр» собрала большие силы, чтобы пробить русский фронт. В самое ближайшее время наши танки вновь беспрепятственно покатаются по просторам России.

Рунцхаймер подошел к столу, взял стопку бумаг и передал их Дубровскому.

— Возьмите. Можете поработать в своей комнате. Когда вы мне потребуетесь, я вас вызову. Если встретятся какие-нибудь сомнительные фразы, выпишите на отдельном листочке.

— Будет исполнено, господин фельдполицайсекретарь!

Когда Дубровский шел от Рунцхаймера, он увидел, как в распахнутые ворота въехал крытый брезентом грузовик, остановился посреди двора. С грохотом откинулся задний борт, на землю стали прыгать сотрудники ГФП и незнакомые люди в гражданской одежде, робко озирающиеся по сторонам. Их было семеро — три женщины и четверо мужчин.

Макс Борог подбежал к вышедшему во двор Рунцхаймеру:

— Господин фельдполицайсекретарь, во время облавы на вокзале задержаны семь подозрительных граждан. Какие будут распоряжения?

— Разместите их в гараже и приступайте к допросам. Результаты доложите мне в конце дня.

— Будет исполнено!

Дубровский не стал смотреть, как арестованных, подталкиваемых в спины прикладами автоматов, повели к массивным воротам гаража, возле которого стоял часовой. Он прошел в свою комнату, сел за стол и углубился в чтение статей, подготовленных к публикации в местной русской газете «Новое слово».

Письмо от сестер Самарских пришло только девятого мая. Дубровский торопливо разорвал долгожданный конверт, вытащил небольшой листочек бумаги, видимо вырванный из простой ученической тетради. С волнением вчитался он в слова, написанные неровным, размашистым почерком. В начале письма Евдокия Остаповна сообщала, что живет по-прежнему с сестрой, что рада была получить весточку от Леонида. «Не то, не то, не это главное. Неужели?.. А вот и оно». Сообщение, которого он так ожидал, было в самом конце письма. «Два дня назад к нам вернулся мальчик Витя. Он так и не нашел своих родителей. Мы с сестрой уговорили его пожить немного у нас. Уж очень он изголодался во время своих странствий. Хоть и у нас не густо, а все же думаем, нас не обьест. Если у вас жизнь сытнее, то напишите, можем послать его к вам».

Дубровский вновь и вновь перечитывал эти строки, а в голове возникали беспокойные мысли. «Конечно, было бы хорошо, если бы Виктор Пятеркин жил здесь, под боком. Но у кого можно его пристроить в Кадиевке? У сестры Марфы Терехиной? Нет, не годится. У самой Марфы Ивановны? Тоже не то. Одно неосторожное слово — и хлопот не оберешься. Зачем давать Рунцхаймеру повод для лишних вопросов. А не лучше ли держать Пятеркина в Малоивановке, у сестер Самарских? Туда не более двадцати километров. Нужно только найти здесь, в Кадиевке, связного. С ним и отправлять донесения Виктору. А тот — через фронт, к Потапову. Но кому можно доверить такую тайну?»

Перебирая в памяти тех, с кем довелось познакомиться в Кадиевке за последние дни, Дубровский вспомнил Алевтину Кривцову. Он встретился с ней дней десять назад. Молодая женщина пришла на биржу труда и обратилась к дежурному в тот самый момент, когда Дубровский по поручению Рунцхаймера проверял списки молодых людей, отобранных для отправки в Германию. Она тоже значилась в этих списках и просила дежурного вычеркнуть ее, мотивируя просьбу тем, что на ее руках престарелая мать и годовалый ребенок. Она плакала, просила, но дежурный был неумолим.

Поначалу Дубровский лишь прислушивался к взволнованным, сбивчивым пояснениям женщины, но когда закончил проверять списки, отыскал и ее фамилию. Посмотрел год рождения — 1921-й. Ей, как и ему, было всего двадцать два года. И столько мольбы слышалось в ее голосе, столько невысказанной тоски было в голубых заплаканных глазах, что Дубровский решил за нее вступить. Он подошел к дежурному и через стойку спросил у женщины:

— Как ваше имя?

— Алевтина! — всхлипывая, ответила та.

— Такая красивая — и плачете. Слезы портят лицо. У вас появятся морщинки.

— А что же мне делать? Не могу же я бросить ребенка на старенькую маму! Неужели это так трудно понять?

— Где вы работаете?

— Я не работаю...

— Вот видите, поэтому вы и оказались в списке.

— Но на работу не так просто устроиться. Помогите мне, и я буду работать.

— А вы мне правитеь. Я бы за вами даже поухаживал, — сказал Дубровский нарочито громко, чтобы дежурный тоже его услышал.

— Сначала помогите мне остаться в Кадиевке, а уж потом и ухаживайте, — отмахиваясь от Дубровского, проговорила Алевтина. Но в ее душе появилась маленькая надежда.

И Дубровский решил.

— Ну что ж, попробуем вместе попросить дежурного. — И, обернувшись к нему, добавил: — Пожалуйста, выполните мою личную просьбу. Вычеркните эту женщину из списка. Я сам позабочусь о ее устройстве на работу...

— Да, но без заведующего биржей труда...

— Если он спросит, скажите ему, что я так распорядился. Мне очень нравится эта женщина.

Дежурный понимающе кивнул. Спорить с личным переводчиком самого Рунцхаймера было бессмысленно и глупо. Он взял список, обмакнул ручку в чернильницу и провел жирную черту по строчке. Судьба Алевтины Кривовой была решена.

— Большое спасибо! — сказал Дубровский. — Я доложу господину Рунцхаймеру, что списки подготовленных

к отправке в полном порядке. О дне подачи эшелона вам будет сообщено дополнительно.

Попрощавшись с дежурным, Дубровский поманил Алевтину пальцем и направился к выходу. На улицу они вышли вместе.

— Ой! Я вам так благодарна. Вы даже представить себе не можете, что вы для меня сделали.

— Это представить не трудно. Гораздо труднее будет объяснить моему начальнику, если он у меня спросит, зачем я это сделал.

Алевтина потупила взор, а потом быстро спросила:

— И у вас действительно могут быть неприятности?

— Это зависит от вас.

— Простите, но я не понимаю...

— Видите ли, я могу объяснить своему шефу, что вы мне просто понравились. К тому же вы действительно мне понравились. Он у нас настоящий мужчина и должен понять. Но для того чтобы это выглядело правдоподобно, вы должны встретиться со мной сегодня вечером.

Алевтина бросила на Дубровского недоверчивый взгляд.

— Нет, нет. Не пугайтесь. Мы погуляем с вами по городу, вот и все.

— Хорошо. Я согласна. А где мы встретимся?

— У входа в городской парк. Я кончаю работу в пять часов. Если даже и задержусь немного, то к семи наверняка успею. В семь часов. Устраивает это время?

— Да. Но в девять уже начинается комендантский час.

— Ничего. Вы со мной, а я вас провожу домой в любое время.

Алевтина изучающе посмотрела на Дубровского. Взгляды их встретились.

— Скажите, вы немец? — неожиданно спросила она.

— Нет, я белорус.

— А почему же на вас эта форма?

— Служба такая...

— Значит, вам все можно?

— Так же, как и вам.

— Ну, нет. Мне почти ничего нельзя. Да вот хотя бы... Взгляните...

Они шли по центральной улице. Вдруг Алевтина остановилась возле щита с афишами, на котором рядом с рек-

ламой кинофильма «Симфония одной жизни» пестрели листки с приказами и постановлениями немецких властей.

— Здесь приказ номер четыре, он запрещает пользоваться множительными аппаратами. А я машинистка, значит, дома не могу работать. А это приказ номер три. По нему меня могут покарать за недоносительство германским властям о враждебной деятельности моих земляков. Есть и распоряжение пятисот двадцать, запрещающее пользоваться источниками света после определенного часа. А приказ номер два запрещает мне слушать советские радиопередачи. Тут и еще более десятка других...

— Вы так смело высказываете недовольство по поводу немецких приказов, что вас могут повесить на первом попавшемся фонаре.

— А станет ли светлее, если меня повесят на фонаре? Теперь улыбнулся Дубровский.

— Однако вы смелее, чем я предполагал. Вас даже не смущает моя форма.

— Я просто чувствую, что вы хороший, добрый человек. К тому же, как вы сказали, я вам нравлюсь.

— Тогда расскажите мне чуточку о себе.

— Вы интересуетесь моей биографией, не сказав даже, как вас зовут.

— Извините, пожалуйста, просто заговорился. Меня зовут Леонид, Леонид Дубровский.

— Еще раз благодарю вас, Леонид, за то, что вы мне так помогли сегодня. А о себе, если позволите, я расскажу вечером. Сейчас я тороплюсь к подруге. Она обещала мне привезти немного продуктов из деревни.

— Ладно, согласен. Значит, в семь у входа в парк.

...А вечером она без утайки рассказала Дубровскому, что муж ее служит в Красной Армии, что сама она с приближением фронта эвакуировалась из Кадиевки на Северный Кавказ, жила с матерью и грудным ребенком в Пятигорске. Но вскоре и туда пришли немцы. Жить у чужих людей, вдали от своего дома, было сложно и дорого, поэтому они с матерью решили вернуться назад, в Кадиевку. Шли пешком через Армавир, Краснодар, Ростов. Ребенка по очереди несли на руках. В пути девочка заболела, думали, что не выживет. Но, к счастью, все обошлось. А теперь вот новая беда — чуть было не отправили в Германию.

— Я бы не перенесла разлуки с дочкой. Наложила бы на себя руки, — с дрожью в голосе призналась Алевтина. Они долго бродили по аллеям парка. Леонид рассказывал Алевтине, как попал в плен, как согласился работать у немцев переводчиком.

Когда стемнело, Дубровский пошел провожать Алевтину. Было еще не слишком поздно, и она пригласила его зайти в дом. Леонид, отвыкший от домашнего уюта, с удовольствием просидел у Али до полуночи. С тех пор он еще дважды встречался с ней, и с каждым разом все больше убеждался, что ей можно верить.

И сейчас, перебирая в памяти знакомых, намечая наиболее подходящую кандидатуру для связи с Пятеркиным, он окончательно остановил свой выбор на Алевтине Кривцовой. «Надо только пропуск для нее достать. Но это не проблема. В русской вспомогательной полиции раздобуду, — решил Дубровский. — А донесение у нее же дома и напишу. Постой-ка, постой-ка! А могу ли я отправить Пятеркина с донесением, не повидавшись с ним лично. Быть может, он пришел с каким-нибудь новым указанием от Потапова? А что, если поручить Алевтине привести мальчонку в Кадиевку? На день-два он может остановиться у нее. Сегодня же вечером пойду к Алевтине и договорюсь с ней обо всем».

А вечером, когда Дубровский и Потемкин ужинали в своей комнате, к ним зашел Макс Борог. Из всех следователей ГФП этот чех наиболее приветливо относился к новому переводчику Рунцхаймера.

— Что, дополнительный паек уничтожаете? — спросил он с порога, поглядывая на бутылку вермута.

— Приходится, раз по половине бутылки на нос дали, — ответил Потемкин.

— Но ведь еще и по бутылке шнапса.

— Так это же на целый месяц.

— А ты выполняй предписание.

— Какое предписание? — не понял Дубровский.

— Есть такое. Улучшать питание за счет местных условий, — пояснил Макс Борог.

— Цап-царап называется, — добавил Потемкин и рассмехался. — Это когда на обыске у кого-нибудь будешь — бери себе, что плохо лежит.

— Присаживайтесь к нам, — предложил Дубровский Макс Борогу.

— Свои пятьдесят граммов португальских сардин я уже съел. А вот месячный дополнительный паек еще не успел получить. Что там на этот раз дали? — спросил тот, не решаясь сесть.

— Не густо. По бутылке шнапса.

— Про шнапс я уже слышал. А еще что?

— Полбутылки вермута, пять пачек сигарет и две плитки соевого шоколада, — перечислил Дубровский.

— Ничего, не унывай. Сегодня вечером еще подкрепимся в штабе корпуса. Там в двадцать часов большое застолье намечается, пригласили всех наших. Рунцхаймер просил передать, чтобы вы были тоже.

— Можно было бы и не ужинать, сэкономили бы, — с сожалением проговорил Потемкин.

— А если не пойти? — спросил Дубровский.

Потемкин и Макс Борог переглянулись.

— Нет, пойти, конечно, хочется, но у меня назначено свидание с дамой, — пояснил Дубровский.

— Ничего. Ваша дама и завтра никуда не денется. А товарищеский ужин не так часто бывает. Хорошее застолье сближает людей, — сказал Макс Борог, кладя руку Дубровскому на плечо. — Думаю, вы не пожалеете, если пойдете.

И Дубровский не пожалел. Наоборот, он был признателен Макс Борогу за то, что тот уговорил его пойти на товарищеский ужин в штаб корпуса, а потом прихватил его в гости к своему приятелю из армейской разведки, на квартире которого собралась небольшая компания немцев и чехов. За столом сидели и женщины. Одна из них особенно приглянулась Дубровскому.

Ее светлые длинные волосы спадали на плечи, голубые глаза светились задором. Она знала, что молода и красива, и потому гордо держала голову, поминутно улыбалась, показывая ряд небольших белоснежных зубов. Ей было не больше двадцати двух — двадцати четырех лет.

Стол уставлен французскими винами. Закуска была скромная. Кроме тоненьких ломтиков голландского и бельгийского сыра на тарелках лежали кусочки сала и колбасы. Хлеба не было вовсе. Прислушиваясь к разговорам, Дубровский понял, что эта маленькая пирушка организована в честь той самой блондинки, на которую он обратил внимание. Поначалу он думал, что сегодня ее день рождения, и хотел было предложить оригинальный

тост, но из дальнейших высказываний присутствующих убедился, что ошибся.

Армейский лейтенант, сидевший неподалеку от Дубровского, обратился к ней с просьбой:

— Светлана! Расскажите нам подробнее, как это было? Все притихли.

— Очень просто, — сказала она певучим грудным голосом. — В Миллерово комнату снять было не трудно. Мой паспорт ни у кого не вызвал сомнений. Как-то вечером в кинотеатре познакомилась с одним подполковником, сказала, что вернулась из эвакуации и пока нигде не работаю. После кинофильма он вызвался провожать, попросился в гости. Я пококетничала для вида, но пустила его к себе.

— Он хоть красив был, этот русский? — прервал ее обер-лейтенант, хозяин квартиры, сидевший с ней рядом.

Светлана жеманно передернула плечами.

— Ничего. Так себе. Он работал в штабе армии. Это меня очень обнадеживало. Он пообещал устроить меня на работу в строевой отдел. Правда, туда меня не допустили. Но по его просьбе взяли вольнонаемной в управление тыла армии, где я работала и заводила нужные знакомства.

— И продолжала встречаться с этим русским? — ревниво спросил все тот же обер-лейтенант.

— А почему бы и нет? От него я узнала много интересного. Потом, когда собрала кое-какие сведения, угостила его этиловым спиртом и вернулась обратно.

Дубровский сидел не шелохнувшись, у него пересохло в горле. Ненависть закипала в груди, но он продолжал улыбаться. Теперь он окончательно понял, по какому поводу чествуют Светлану немцы из разведотдела армейского корпуса.

По ее плохому произношению, по тому, как с трудом подбирала она немецкие слова, не трудно было догадаться, что она даже не фольксдейче, а русская. Дубровский невольно вспомнил Татьяну Михайлову — юную сталинградку, которая и на втором допросе отказалась отвечать Рунцхаймеру. А когда тот, расвирепев, начал избивать ее плеткой, швырнула ему в лицо брошюрку с названием «В подвалах НКВД».

После этого ее с диким садизмом истязал фельдфебель Вальтер Митке, но Татьяна так и не выдала тайны, хотя

знала совсем немного. Ее расстреляли на рассвете вместе с теми семью «подозрительными», задержанными на вокзале во время облавы.

«Да! Та была наша. Простая советская девчонка. А эта? Откуда берутся такие?..» — подумал Дубровский и неожиданно для себя, обращаясь к Светлане по-русски, спросил:

— Чем же вас наградили за этот подвиг?

— Сегодня наш генерал вручил Светлане орден «Служащих восточных народов второго класса с мечами!» — торжественно произнес обер-лейтенант на ломаном русском языке.

— А главное, генерал преподнес мне целую коробку французских вин. И еще сказал: «Госпожа Попова, я обещаю вам такой же орден первого класса в золоте, когда вы вернетесь в следующий раз», — хвастливо заявила она тоже на русском. Язык ее был безупречен.

Дубровский встал с бокалом в руке и торжественно произнес на немецком языке:

— Господа, если позволите, я хотел бы поднять тост за новые успехи нашей очаровательной Светланы! Имея такую привлекательную внешность, можно добиться многого. Откровенно говоря, я и сам бы не устоял перед ее красотой. Итак, господа, за ее новые успехи, за скорейшее возвращение! За орден первого класса в золоте!

Он залпом осушил бокал и под общие аплодисменты опустил на свое место. Макс Борог, сидевший рядом, взял со стола большую бутылку бургундского и вновь наполнил его бокал кроваво-красным вином.

— Молодец! Хорошо сказал, — проговорил он. — Такая женщина стоит целой дивизии. Но не вздумай за ней ухаживать. Обер-лейтенант — мой друг. Он безумно ревнив. Ради Светланы готов бросить жену и детей. Правда, она не арийка. И вряд ли он осмелится связать с ней свою судьбу. У немцев на это особый взгляд.

— А я не задумываясь женился бы на ней, — прикидываясь хмельным, изрек Дубровский. — Женщин, таких женщин любить не возбраняется. И вообще, грудью женщины вскормлено человечество.

— Но человечество неоднородно. Мне, чеху, или тебе, белорусу, можно позволить смешение крови. А чистокровному арийцу это не к лицу. Я все сказал.

— Я вас понял.

— Ты молодчина. Ты все понимаешь с полуслова. Поэтому ты мне симпатичен. Не то что этот холуй Алекс. Его все зовут Алексом, а тебя — господином Дубровским. А я буду называть тебя по имени, просто Леонид. И ты можешь звать меня Максом. Мы подружимся. Верно я говорю? Мы с тобой будем друзьями. Только не доверяй этому Алексу.

Захмелев, Макс Борог продолжал изливать свою душу, но Дубровский не слушал его. Склонившись к Максусу и делая вид, что внимательно слушает его болтовню, он изучающе поглядывал на Светлану, стараясь нарисовать ее словесный портрет. «Среднего роста. Блондинка. Волосы длинные, до плеч. Лицо чуть вытянуто. Глаза голубые. Рот маленький. Губы припухлые. Белые, ровные зубы. Большой открытый лоб. Небольшой римский нос. Работала вольнонаемной в штабе тыла армии в Миллерово».

Он медленно повторил несколько раз эти приметы и представил себе, как Потапов обрадуется этому донесению, как сотни доверенных ему людей будут прочесывать населенные пункты в прифронтовой полосе, пока не обнаружат Светлану Попову.

Наконец до его сознания дошел смысл слов, которые продолжал нашептывать ему Макс Борог:

— Вначале тебя проверяли... Рунцхаймер ко всем новым сотрудникам относится с недоверием. И меня проверяли в свое время. Поэтому нет у меня от тебя никаких тайн. Ведь мы не арийцы, но тоже люди. Правильно я говорю?

Дубровский не знал, что ответить. И хотя признание Макса Борога о том, что по приказу Рунцхаймера его проверяли, говорило о многом, он все же боялся провокации. Поэтому, немного помолчав, он сказал:

— Немцы — великая нация, но без нас им трудно навести новый порядок. По мере сил мы должны помогать им в этом.

— Да, да. Ты прав, Леонид. Без нас им не обойтись. И мы делаем все, что в наших силах. Но я хочу знать, оценят ли они нас по достоинству.

— Думаю, что по достоинству оценят. Как видишь, Светлане Поповой пожаловали орден служащих восточных народов, да еще и с мечами.

— Это мой друг позаботился, а так бы генерал о ней и не вспомнил. Я это знаю точно. В прошлом году она

к нам в ГФП попала, оказалась сговорчивой. Мы ее и завербовали. А теперь ей ордена, а нам даже спасибо никто не скажет. Рунцхаймер, конечно, свое получит, но не мы.

— Вы что, совещаться сюда пришли! — крикнул через стол обер-лейтенант, обращаясь к Макс Борогу и Дубровскому. — Я предлагаю выпить за наших друзей из гехаймфельдполицай, за тех, кто без усталости охраняет тылы нашей армии, за тех, кто ведет беспощадную борьбу с партизанами, евреями и коммунистами, за вас, наши боевые товарищи...

Его поддержали все. А когда звон бокалов утих, Макс Борог, поблагодарив обер-лейтенанта за внимание, попрощался и направился к выходу. Леонид Дубровский подошел к обер-лейтенанту, щелкнул каблуками, сказал:

— Я рад был познакомиться с храбрыми офицерами великой германской армии, я счастлив увидеть среди вас достойную представительницу новой России. — Он учтиво склонил голову в сторону Светланы. — Благодарю за гостеприимство.

По дороге к дому их дважды останавливали армейские патрули, но, увидев документы полевой полиции, почтительно расступались, освобождая им путь. Шнапс, выпитый на вечере в штабе корпуса, и французское вино основательно сковали ноги Макса Борога, но одновременно развязали ему язык.

— Мы же с тобой славяне, — бормотал он. — Тебя, Леонид, я люблю больше, чем самого Рунцхаймера. Он же Дылда. У него кроме злости есть только чванство. Я не должен говорить этого, но я тебе доверяю и поэтому говорю. Думаешь, я не знаю, какого ты о нем мнения? Врешь, я все знаю. Макс Борог знает все. Поэтому я предупреждаю тебя. Не доверяй Алексу Потемкину. Эта скотина уже рылась в твоих вещах. Я сам слышал, как он докладывал об этом Рунцхаймеру. Потом Дылда запретил ему лазить в твои вещи. И вообще сказал, что тебе можно верить. Я всех вижу насквозь. И тебя вижу. Я разговариваю с тобой доверительно. Впрочем, бояться мне нечего. Дылда мне всегда поверит больше, чем тебе. Ты у нас новичок, а я с ним уже полтора года работаю. Только он и не догадывается, что у меня здесь. — Макс Борог стукнул себя кулаком в грудь. — Откуда ему знать, что у меня в груди. Он думает, что там легкие, чтобы дышать.

А там есть еще и сердце. Мы, чехи, отличаемся от немцев тем, что у нас есть сердце, а у них — заводной механизм для перекачки крови. Почему ты ничего не отвечаешь? Я правильно говорю или нет?

— Конечно правильно. Изю всех следователей ГФП вы единственно мыслящий человек. Я отношусь к вам с глубочайшим уважением и благодарен за то, что вы пригласили меня к своим друзьям. Ведь мы отлично провели время. Не правда ли?

— Да! Только я чертовски перепил сегодня. Мои ноги просто отказываются повиноваться. Но я их заставлю идти. Я могу даже без твоей помощи. Вот посмотри. — Он оттолкнул Дубровского, который всю дорогу поддерживал его под руку, и пошатываящейся походкой пошел самостоятельно. — Видишь, Леонид... Я не так уж и пьян. Я все помню. Думаешь, я не заметил, как ты глазел на эту русскую девку. Что ж, одобряю. У тебя неплохой вкус. Она действительно красива. Но я тебя уже предупредил. Обер-лейтенант очень ревнив. Смотри не делай глупости. Зачем она тебе? Разве в Кадиевке нет других девушек?

— Вы зря меня предупреждаете, господин фельдфебель. Я не строю никаких иллюзий насчет Светланы. Зачем ей нужен скромный переводчик, когда ей покровительствует обер-лейтенант.

— погоди. Почему ты зовешь меня господином фельдфебелем? Мы же с тобой договорились. Мы — друзья. И я желаю, чтобы ты звал меня просто Максом. Иначе я перестану с тобой разговаривать.

— Хорошо, хорошо! Я буду называть тебя Максом.

— Вот это другой разговор. Теперь можешь продолжать. Я тебя слушаю.

— Нет, я просто хотел сказать, что не собираюсь переходить ему дорогу. Я уже успел обзавестись другой дамой.

— Да-да! Я припоминаю. Из-за нее ты хотел отказаться от вечера в штабе корпуса. И было бы глупо. Тебе нужно приличное общество, надо поддерживать хорошие отношения с господами офицерами. В дальнейшем это тебе может пригодиться. Приличные связи — залог любого начинания. Я сказал все.

— Ты прав, Макс. Я благодарен тебе за мудрый совет.

Если разрешишь, я всегда буду обращаться к тебе за советом.

— Разрешаю, Леонид. И даже прошу об этом. В любое время можешь рассчитывать на меня. А мы, кажется, уже пришли, — сказал Макс Борог, останавливаясь у закрытых ворот. — Калитка, наверное, уже заперта. Давай постучи погромче, чтобы разбудить часового. Ха-ха-ха! Он же обязательно спит, этот часовой.

— Невероятно, Макс. Часовой не может заснуть на посту.

— Ты хочешь сказать — не должен. Но такие случаи бывают даже в немецкой армии. А впрочем...

Калитка неожиданно распахнулась, и в образовавшемся проеме показалось лицо пожилого солдата, освещенное тусклым светом уличного фонаря.

Дубровский проводил Макса в его комнату, помог стянуть сапоги и, только уложив его на кровать, отправился к себе. Потемкин уже спал или прикидывался спящим, во всяком случае он не ответил на вопрос Дубровского. Не зажигая света, Леонид молча разделся, забрался в свою постель. Он долго лежал с открытыми глазами, припоминая события минувшего вечера, пьяную компанию немцев и Светлану Попову.

Дубровский понимал, что случай свел его с опасной преступницей, способной натворить много бед в расположении советских войск, понимал, что должен принять срочные меры, чтобы как можно быстрее сообщить капитану Потапову приметы этой предательницы, которая в ближайшие дни может опять оказаться за линией фронта. Он решил, что завтра же отправит Алевтину Кривцову в Малоивановку за Виктором, и вдруг вспомнил пьяную болтовню Макса Борога.

«Что это? Расставленная ловушка или крик наболевшей души? Но ведь он чех. Быть может, и ему не по нутру это неприкрытое немецкое чванство? А если так, то нельзя недооценивать и возможности Макса Борога. В доверительных беседах от него можно выведать многое. Придется рискнуть».

Дубровский вспомнил, как один из чехов, присутствовавших на вечеринке, протянул Макс Борогу свежую газету и ткнул пальцем в первую полосу. Дубровский вместе с Максом успел прочесть официальное сообщение, подписанное Карлом Германом Франком — статс-секрета-

рем протектора Чехии и Моравии. Возвращая газету своему товарищу, Макс Борог сказал:

— Франк возомнил, что любой судетский немец может повелевать чехами. Посмотрим, что из этого получится.

Тогда Дубровский не придал значения этим словам. Но теперь, взвешивая дальнейшие рассуждения Макса по дороге домой, он склонен был думать, что фельдфебель Борог не так уж рьяно служит немцам, как хотелось бы Рунцхаймеру.

«В сущности, для гитлеровцев чехи тоже народ второстепенный. И Макс прекрасно понимает это, — размышлял Дубровский. — Следовательно, вполне вероятно, что он сочувственно относится к русским. А если так, то мы можем найти с ним общий язык. Ведь о Потемкине наши мнения совпадают. И Макс не случайно предупредил меня, чтобы я не доверял Потемкину. Правда, смешно. Кому здесь можно довериться? Здесь почти все доносят Рунцхаймеру друг на друга. Каждый стремится выслужиться, доказать свою преданность Гитлеру и «великой» Германии. Придется и мне следовать их примеру, чтобы не выделяться среди них. Тогда я должен донести Рунцхаймеру на Макса. Но я этого не сделаю. А вдруг Макс прикидывается, вдруг он действовал по заданию Рунцхаймера? Ну что ж, если придется объясняться по этому поводу, скажу, что не придал значения пьяной болтовне фельдфебеля Борога. Поэтому и не доложил. Сам-то я никакой крамолы не говорил. Но это так, на всякий случай. Дальнейшее покажет, что собой представляет Макс Борог. А главное сейчас — отправить Алевтину Кривцову в Малоивановку за Пятеркиным. Постой-ка, постой-ка. А если попросить Макса достать в полиции пропуск для Алевтины? Ведь он знает, что у меня есть девушка. Скажу, что попросила у меня пропуск, чтобы сходить за продуктами в село. Многие обращаются с такими просьбами. Риск небольшой. Неудобно, мол, беспокоить Рунцхаймера по такому пустяку. Если Макс достанет для нее пропуск — это уже кое-что...»

Было далеко за полночь, когда Леонид уснул.

8

После утреннего построения Дубровский подошел к Максиму Борогу.

— О! Я, кажется, основательно нализался вчера, — проговорил тот, протягивая ему руку.

— Я бы не сказал. Все было в пределах нормы.

— Хорошая норма. Спасибо, Леонид, что дотащил меня до постели. Один бы я ни за что не добрался домой. У меня еще и сейчас голова раскалывается на части...

— В таких случаях у нас в России опохмеляются.

— О! С утра я не привык. Я уже проглотил таблетку от головной боли. А ты еще не забыл эту белокурую бестию?

— Я уже говорил вам, что у меня есть другая дама.

— Да, да. Я помню.

— Ради нее я хотел бы обратиться к вам с деликатной просьбой.

— Я готов сделать все, что в моих силах.

— Господин фельдфебель, моя знакомая собирается пойти в село Малоивановку за продуктами. Для этого ей необходим пропуск. Она обратилась ко мне, но я еще так мало работаю в ГФП, что не считаю возможным брать для нее пропуск в русской полиции. Если вас не затруднит сделать это для меня, я был бы вам очень признателен.

— Хорошо! Я достану для нее пропуск, только не зови меня больше фельдфебелем. Еще вчера вечером я просил тебя об этом...

— Я думал, вы уже забыли, о чем говорили вчера.

— Я никогда ничего не забываю, даже если бываю пьян. Запомни это, Леонид. Как зовут даму вашего сердца?

— Алевтина Кривцова.

Макс Борог достал из кармана блокнот и сделал для себя пометку.

— Если я правильно тебя понял, то сегодняшний вечер ты даришь ей?

— Да. Хотел бы сегодня же отдать ей пропуск.

— У тебя будет эта возможность. К обеду я тебе его принесу.

— Спасибо, Макс. Я тебе очень признателен...

— На твоей благодарности далеко не уедешь. Лучше познакомь и меня с твоей фрейлейн. Наверное, у нее есть подруги. Быть может, и мне улыбнется одна из них.

— Хорошо! Я поговорю с ней на эту тему.

— Господин Дубровский, вас просит зайти фельдполи-

цайсекретарь Рунцхаймер! — крикнул Вальтер Митке, выходя из дверей барака.

— Спасибо! Бегу! — ответил Дубровский и, обращаясь к фельдфебелю Борогу, добавил вполголоса: — Извини, Макс. Ты же знаешь, Рунцхаймер не любит ждать.

Он расправил ремень, одернул куртку и побежал к Рунцхаймеру.

Войдя в кабинет шефа, Дубровский обратил внимание на подстилку, где обычно лежал Гарас. Собаки не было. Рунцхаймер перехватил его взгляд, загадочно улыбнулся.

— Сегодня Гарас выполняет особое поручение, — пояснил он.

За дверью, ведущей в спальню, послышался громкий, отрывистый лай.

— Видите, он докладывает, что у него все в порядке. — Рунцхаймер беззвучно рассмеялся. — Он даже на расстоянии чувствует, когда говорят о нем, и немедленно подает голос.

— А за какую провинность вы изолировали его?

— О, нет! Гарас безупречен. Я никогда его не наказываю. Сейчас он охраняет в спальне мою даму. Я запретил ей вставать с постели. Гарас понял меня с полуслова. Он вскочил на кровать, улегся у ее ног, и я уверен, что без моей команды он не покинет своего ложа.

Пересиливая отвращение, Дубровский заставил себя улыбнуться.

— Господин фельдполицайсекретарь, я восхищен вашей изобретательностью! — проговорил он. — Клянусь, я никогда бы не додумался до такого развлечения.

— А вам это и не доставило бы удовольствия, господин Дубровский. Только настоящий немец может по достоинству оценить мою шалость. Но сейчас разговор о другом... Я распорядился, чтобы Алекс передал вам нескольких наших агентов. Вы будете принимать их в комнате номер семь в здании русской вспомогательной полиции. Эта комната закреплена за нами. Ключ у дежурного по полиции. Надеюсь, вы понимаете, что появление этих людей здесь, в ГФП, могло бы навлечь на них подозрение местных жителей. В русской полиции — дело другое. Туда ходят почти все, кто проживает в Кадиевке. Поэтому наши люди принимают своих агентов только в полиции. Сегодня в десять часов туда придет госпо-

дин Золотарев. Александр Золотарев. До сих пор он был на связи у Алекса. Теперь я поручаю его вам. Это житель села Максимовка. Запишите его сообщения. Наиболее интересные донесения пусть он напишет сам. Договоритесь с ним о следующей встрече. И поставьте ему задачу побывать у знакомых здесь, в Кадиевке. У него есть такие знакомые. Пусть попытается выяснить, кто взорвал водокачку, кто расклеивает листовки со сводками советского командования. Для нас это теперь главное. Вам ясно?

— Будет исполнено, господин фельдполицайсекретарь!

— И еще. Вам, господин Дубровский, пора уже и самому обзаводиться знакомствами в Кадиевке. При случае сами вербуйте себе агентов. Чем больше наших тайных агентов будут информировать нас, тем легче будет очищать тылы германской армии от вражеских элементов.

— Я понял вас.

— Прекрасно! Можете идти.

— Прошу прощения, господин фельдполицайсекретарь! Я хотел бы уточнить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Я хотел бы знать, имею ли я право в случае необходимости направлять своих знакомых в ближайшие села для выяснения обстановки.

— Несомненно! Этим правом пользуются все сотрудники тайной полевой полиции. А вы сами не должны отлучаться из Кадиевки без моего разрешения. Это относится не только к вам лично. Каждый, кто работает в нашей внешней команде, не имеет права выезжать из Кадиевки без моего ведома.

— Я понял вас, господин фельдполицайсекретарь! Разрешите идти?

— Да. Когда вернетесь из полиции, зайдите ко мне.

— Будет исполнено.

Дубровский щелкнул каблуками и вышел из кабинета Рунцхаймера. До встречи с тайным агентом было еще более часа. Чтобы скоротать оставшееся время, он решил пройтись на базар, который располагался всего в трех кварталах от русской вспомогательной полиции.

Неторопливой походкой Дубровский направился со двора ГФП на улицу. Деревья, высаженные вдоль тротуаров, шелестели зеленой листвой. По небу плыли от-

дельные облака. И если бы не солдаты в зеленых мундирах, вышагивающие неровным строем по мостовой, то можно было подумать, что нет войны, что не гибнут люди на фронтах от Белого до Черного моря.

Дубровский шел и думал, что последний разговор с Рунцхаймером открывает перед ним большие возможности. «Значит, я могу без особого риска отправить Алевтину Кривцову в Малоивановку. Она будет осуществлять связь между мной и Пятеркиным. А мальчонку надо держать подальше от себя. Пусть находится у сестер Самарских. Так и договоримся с Виктором, когда она приведет его в Кадиевку».

Впереди показались ворота рынка, за которыми кипела суетливая толпа. Как только Дубровский окунулся в ее гущу, он обратил внимание, как торопливо расступаются перед ним люди, как, испуганно озираясь по сторонам, прячут они старые, потрепанные вещи, куски мыла, пачки махорки. На базаре процветал обмен. Меняли ботинки на муку, муку на сигареты, мыло на картошку, рубашки на селедку. Кое-кто торговал и на деньги.

Дубровский беспечно бродил по базару и собирался уже уходить, когда вдруг увидел Алевтину Кривцову. Она стояла возле пожилой деревенской женщины, которая придирчиво разглядывала мужской пиджак, выворачивая его то на одну, то на другую сторону. Дубровский остановился в двух шагах позади Алевтины.

— Он почти совсем новый, — донесся до него голос Али.

— И где ж он новый? Вона локоток потертый, да и подклад блеклый, — придирчиво выговаривала пожилая женщина. — Две бутылки красная ему цена. Больше не дам.

— Хорошо, я согласна, — ответила Алевтина.

Дубровский удивился. Не видя, что за товар скрывается в кожаной сумке женщины, он решил, что Алевтина меняет пиджак на самогон. Лишь подойдя поближе, он понял свою ошибку. Набросив пиджак на руку, женщина извлекла из сумки и протянула Але две бутылки подсолнечного масла, заткнутые пожелтевшей промасленной бумагой.

— Здравствуйте! — проговорил Дубровский, склонившись над Алиным ухом.

От неожиданности Алевтина вадрогнула и обернулась, но, узнав Леонида, рассмеялась.

— Ой! Как вы меня испугали. Вот уж не ожидала встретить вас на базаре.

— А я знал, что увижу вас здесь, — пошутил Дубровский.

— Значит, гестапо не зря ест хлеб, — в тон ему ответила Алевтина.

— Зачем же сразу так?

— А как вы хотели? Если вы каждую минуту знаете, где я нахожусь, значит, за мной следят. Не так ли?

— Не совсем так. Просто в последние дни я очень много думал о вас. Видимо, поэтому меня потянуло на базар, понадеялся, что здесь встречу. Но это все шутки. А если говорить серьезно, то мне просто необходимо повидать вас сегодня вечером.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, пока ничего. Но встретиться нам надо. Мы не виделись три дня, и я успел соскучиться по вашему дому.

— Так в чем же дело! Я всегда рада вас видеть. Приходите сегодня, мы с мамой будем ждать.

— Непременно приду. Около восьми — не поздно?

— Нет, нет.

— Тогда я не прощаюсь. До вечера.

Алевтина молча кивнула в ответ.

В полиции дежурный услужливо подал Дубровскому ключи от комнаты номер семь. Она располагалась на первом этаже, и он без труда отыскал ее. Отпирая дверь, Леонид приметил в коридоре невысокого лысеющего человека, державшего свою кепку двумя руками на уровне живота. Дубровский взглянул на часы. Стрелки показывали без семи минут десять. Он уверенно распахнул дверь и шагнул в комнату.

Единственное окно здесь было зашторено порывшей занавеской. Небольшой письменный стол возвышался почти посредине комнаты. По обе его стороны стояли одинаковые стулья. Еще три таких же стула выстроились у стены. Дубровский не успел еще как следует оглядеться, когда в дверь постучали.

— Да-да! Войдите!

Дверь слегка приоткрылась. В образовавшуюся щель

просунулась лысеющая голова с круглым одутловатым лицом и маленькими бегающими глазами.

— Простите, господин Потемкин. Мне хотелось бы с вами поговорить.

— Пожалуйста. Проходите, садитесь.

Дубровский понял, что это не тайный агент, ради которого его направил сюда Рунцхаймер. Ведь, по словам Рунцхаймера, тот был на связи у Алекса и должен хорошо его знать.

Между тем пришелец плотно прикрыл за собой дверь, подошел к столу и, по-прежнему придерживая свою кепку двумя руками на уровне живота, опустился на стул.

— Господин Потемкин, один мой знакомый сказал, что вы принимаете здесь честных приверженцев нового порядка. И вот я...

— Простите, ваше имя и фамилия? — прервал его Дубровский. — Кто вы такой?

— Я Гаврила Крючкин. Проживаю здесь, в Кадиевке, — заискивающим тоном проговорил тот, не переставая улыбаться.

— Что вам угодно, господин Крючкин?

— Мне — ничего... Я только хотел помочь немецкому командованию раскрыть партизан.

— Это интересно, — несколько мягче произнес Дубровский. — Я вас внимательно слушаю.

— В нашем городе орудует целая банда. Организовал ее Кононенко. Они подожгли маслозавод, обстреливают немецкие автомашины. И водокачку они взорвали.

— Откуда вам это известно?

— Мне одна знакомая по секрету поведала. Предлагала вместе с ней листовки расклеивать. Она у них навряд бы как связанная.

— Кто такая?

— Соседка моя, Лидия Смердова. Мы с ней вместе в школе учились.

— Минуточку! — Дубровский достал блокнот, записал названную фамилию. — Продолжайте.

— А чего продолжать?

— Рассказывайте, что еще она вам говорила.

— Больше ничего. Сказала только, что Кононенко все это организовал.

— Кто он, этот Кононенко?

— Раньше в горкоме партии работал. Каким-то начальником был.

— Где он проживает?

— А кто его знает? Небось где-нибудь скрывается. Нельзя ему теперича на виду быть.

— Откуда же вам известно, что именно они взорвали водокачку и подожгли маслозавод?

— Кому же еще? Больше никому.

— Вы что, дурачка разыгрываете? — вскипел Дубровский. — Только что уверенно заявили, что банда Кононенко взорвала водокачку, обстреливает немецкие автомашины, подожгла маслозавод, а теперь вилаете. Какие у вас были основания, чтобы утверждать все это?

— Простите, господин Потемкин, не знаю вашего звания. Мне Лидка Смердова говорила, кроме листовок они еще какие-то большие дела делают. Вот я и решил, что они все это понатворили. А я что? Я к вам с честными намерениями... Главное — доложить об услышанном, а там ваша власть, вы и разбирайтесь.

— А имя Кононенко вам известно?

— Это знаю. Григорий Филиппович его зовут. А еще Лидия Смердова говорила, что листовки от Михаила Высочина получила. Этот у них в банде тоже не последний человек.

— Откуда знаете Михаила Высочина?

— Тоже с нами в школе учился.

— Адрес его помните?

— Улица Челюскинцев, дом один.

Дубровский записал в блокнот и этот адрес.

— Хорошо. Это уже немало, — сказал он, вглядываясь в маленькие бегающие глазки Крючкина. — А теперь зарубите себе на носу. Никому про них ни слова. Будете болтать лишнее — можете спугнуть. И тогда ответите головой. О том, что были здесь, у меня, тоже никто не должен знать. С этого дня вы становитесь моим тайным агентом. Придете сюда послезавтра к половине десятого. Я буду вас ждать.

В дверь постучали.

— Теперь идите. — Дубровский поднялся из-за стола и, не подавая руки Крючкину, взял его за талию, проводил до двери. Распахнув ее настежь, он выпустил Крючкина, который чуть не столкнулся с мужчиной, стоявшим за дверью. — Заходите, прощу вас! — предложил он тому.

Высокий, грузный и уже немолодой верзила, едва успевший посторониться, чтобы пропустить Крючкина, продолжал стоять в нерешительности.

— Прощу, прощу! Заходите, господин Золотарев.

Услышав свою фамилию, Александр Золотарев уже увереннее шагнул в комнату. Дубровский сам плотно прикрыл за ним дверь.

— Проходите к столу. Присаживайтесь. Будем знакомы, — сказал он, когда Золотарев опустил на стул. — Меня зовут Леонид Дубровский. Мне поручено работать с вами вместо Александра Потемкина. По указанию шефа Потемкин занимается теперь другим делом. Так что впредь будете встречаться только со мной.

— Очень приятно познакомиться, — густым, сильным басом проговорил Золотарев.

— Итак, выкладываете, что у вас там, в Максимовке? Золотарев оживился:

— Доподлинно установлено, что у Матрены Алдохиной скрывается на чердаке русский солдат-окруженец. Фамилия неизвестна. Кроме того, Кузьмина Ольга сказывала, что ее подруга Кравцова Екатерина состоит в партизанской организации в Первомайке. В этой организации двенадцать подростков. Они расклеивают листовки, написанные от руки.

— Какие листовки? Может быть, это приказы германского командования?

— Не-е. Они, стервецы, Москву слушают. И про то сочиняют листовки.

— Адреса известны?

— А то как же? Кузьмина Ольга Ильинична.

— Отчество необязательно, — перебил его Дубровский.

Золотарев, не обращая внимания на замечание, продолжал:

— Проживает в Первомайке, Высокий поселок, дом двенадцать.

— Так, а Екатерина Кравцова где живет?

— Про то я не ведаю. Надобно Кузьмину допросить по всем правилам. А мне того не положено.

— Хорошо! Вот вам лист чистой бумаги. — Дубровский вырвал его из своего блокнота. — Напишите донесение с указанием адреса Кузьминой и Матрены Алдохиной.

— Это мы враз, это мы можем. Только мне бы карандашик еще.

Дубровский протянул Золотареву ручку. Взяв ее толстыми, заскорузлыми пальцами, тот налегся грудью на стол и принялся, посапывая, выводить неровные строчки. Откинувшись на спинку стула, Дубровский исподволь наблюдал за его лицом. И без того морщинистый лоб его сморщился еще больше, нижняя челюсть отвисла. Видно было, с каким трудом дается ему эта писанина.

А Дубровский задумался. Он понимал, что вынужден будет доложить Рунцхаймеру о донесении агента Золотарева, и прекрасно представлял себе, что за этим последует. Вероятнее всего, этой же ночью и в Первомайку, и в Максимовку отправятся автомашины с полицейскими, которые по приказу Рунцхаймера поднимут с кровати Ольгу Кузьмину, а потом и ее подругу Екатерину Кравцову, и если последняя назовет своих товарищей, то и их вытащат из теплых постелей, выволокут на улицу и доставят в Кадиевку к Рунцхаймеру. А этот сопящий над листочком бумаги новоиспеченный «господин» будет безмятежно спать, и, быть может, никакие кошмары не будут мучить его в эту ночь.

«Ничего, придет время — и каждому подлецу будет предъявлен свой счет, — подумал Дубровский. — И Золотарев, и Крючкин получат сполна. — Но, вспомнив Крючкина, он невольно вспомнил и Кононенко, и Лидию Смердову, и Михаила Высочина с улицы Челюскинцев. — Что делать с ними? Ведь, кроме меня, Гаврила Крючкин никому о них не докладывал. И после моего предупреждения побоятся сообщать о них кому-либо другому. А что, если рискнуть? Что, если попробовать скрыть эту подпольную патристическую организацию? Но как? Убить Крючкина? Ведь он теперь мой агент. Могу назначить ему встречу где-нибудь в безлюдном переулке и там прикончить. В крайнем случае потом объясню, что задержал его, а он пытался бежать. А что, если его подослали ко мне специально? Это тоже не исключено. Рунцхаймер мог пойти на такую хитрость. Внешне оказывает доверие, чтобы усыпить мою бдительность, а сам подсылает своего человека... Ну, а если я ошибаюсь, если Крючкин не подослан, а я, доказывая свою верность, доложу обо всем Рунцхаймеру, что тогда? И Высочин, и Лидия Смердова будут арестованы и расстреляны. Еще неизвестно, сколько жизней потянут они за собой в могилу. Что делать? Рисковать! — неожиданно для самого себя решил Дубровский. — Да-да!

Рисковать! Идет великая битва не на жизнь, а на смерть! Сотни тысяч советских людей рискуют жизнью, многие из них погибают! А почему же я должен отсиживаться, чтобы спасти свою? А разве моя жизнь дороже, чем несколько жизней советских патриотов? Но патриоты ли они? Не подставные ли это люди? Надо проверить, надо выяснить... И чем скорее, тем лучше...»

— Вот. Я уже написал, — перебил его мысли Золотарев.

Он пододвинул исписанный лист бумаги к Дубровскому и уставился на него своими белесыми глазами.

— Хорошо! От имени германского командования благодарю за усердие. А теперь постарайтесь побывать у ваших знакомых в Кадиевке, поговорите с ними о жизни. Попробуйте выведать, что им известно про взрыв водокачки, про пожар на маслозаводе. Земля слухами полнится. Быть может, кто-нибудь из них осведомлен, чьих рук это дело. И учтите, это задание самого шефа. Встретимся здесь послезавтра в это же время.

— Я постараюсь... Я похожу, погутаю...

— Вы разве украинец?

— Не, я русский. А что?

— Ничего. Просто я обратил внимание, как вы украинские слова употребляете.

— Так то ж просто. На Донбассе много хохлов живе, да и Украина под боком.

— Я так и понял. Спасибо за донесение. До следующей встречи.

Вслед за Дубровским поднялся со стула и Золотарев. Попрощавшись, он грузной походкой пошел к двери и, не оборачиваясь, исчез за ней. Дубровский подождал, пока его шаги не затихли в отдалении, а потом и сам вышел из комнаты.

Когда он очутился на улице, солнце стояло уже в зените. Было нестерпимо жарко.

Всю дорогу до ГФП Дубровский думал о донесении Крючкина. Уже подходя к воротам, он решил проверить Высочина. «Улица Челюскинцев, дом один. Сегодня же вечером, после свидания с Алевтиной, отправлюсь по этому адресу и попытаюсь выяснить, что это за личность?» С этой мыслью он толкнул калитку, отдал честь часовому и направился к Рунцхаймеру.

Из деревянного гаража доносились душераздирающие

крики женщины. Хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать эти жуткие вопли, чуть приглушенные шумом работающего автомобильного мотора. Возле закрытых ворот гаража стоял грузовик, водитель которого, видимо по приказу старшего начальника, жал на акселератор всякий раз, когда раздавался пронзительный крик женщины.

Дубровский уже подошел к порогу в сени, за которыми была дверь кабинета Рунцхаймера, когда из гаража выбежал Потемкин. На его руке висела резиновая плетка. Внезапно голос женщины будто бы надорвался, начал стихать, переходя в чуть слышные стоны. Затих рев мотора. И отчетливо послышалась брань, с которой набросился Потемкин на водителя грузовика.

Белобрысый солдат оторопело моргал глазами, понимая, что провинился лишь тем, что недостаточно жал на педаль акселератора. Все это происходило в каких-нибудь двадцати пяти — тридцати метрах от Дубровского. Потемкин высказал все, что думал о водителе грузовика, повернулся, чтобы возвратиться в гараж, и в этот момент увидел его.

— Чего стоишь? Иди к нам! — крикнул он.

— Нет. Я должен идти к Рунцхаймеру.

— А Рунцхаймер здесь, в гараже.

— Тогда я подожду.

— Ну, как знаешь. А у нас тут интересная бабенка.

— Кто такая?

— Учительница. На связи была у подпольного секретаря, — сказал Потемкин, направляясь обратно в гараж.

Дубровский продолжал стоять, щурясь от солнечного света. Через мгновение из гаража вновь донеслись вопли и крики женщины. И вновь взревел дизельный мотор грузовика.

— И что природы делают? — услышал Дубровский за своей спиной.

Он обернулся. На пороге стояла Марфа Ивановна.

— Здравствуйте, — сказал Дубровский.

— День добрый!

— Как ваша дочь?

Марфа Ивановна безнадежно махнула рукой:

— Оленька с перепугу под кровать забралась. Никак ее оттуда не могу дозваться. По-честному сказать, у меня у самой-то ноги дрожат. Ведь так и до смерти забить можно.

Дубровский глубоко вздохнул. Что мог он ответить этой пострадавшей женщине? Он и сам был подавлен тем, что творилось сейчас в гараже.

— Это все Алекс, Алекс, — причитала Марфа Ивановна. — Рунцхаймер сам не посмел бы так. А это Алекс, Алекс... Теперь опять он заставит меня отмывать кровь с его плетки.

— Ну, прошу вас, успокойтесь. — Дубровский подошел к ней и, чтобы отвлечь ее от тяжелых дум, спросил: — Марфа Ивановна, а вы Михаила Высочина не знаете?

— Как же не знать! В начале улицы Челюскинцев дом их стоит.

— Что за человек этот Михаил Высочин?

Она подняла свое заплаканное лицо. В ее взгляде было столько невысказанной тоски, столько грусти, и вместе с тем Дубровский уловил какую-то настороженность. Казалось, она все еще сомневается в его искренности. И чтобы растопить последнюю льдинку недоверия к себе, он сказал:

— Поверьте, Марфа Ивановна, я не сделаю этому человеку никакого зла. Напротив, я желаю ему только добра, если он его заслуживает. Но мне важно, очень важно знать, что он собой представляет. Вот почему я спрашиваю вас о нем. И если вы его действительно знаете, расскажите. Вы даже не представляете, как мне это необходимо.

— Ладно. Расскажу. Я и мать их знала. Славная была женщина. Я ее хорошо помню. Ведь я с ее дочерью, Марией, с сестрой Михаила Высочина, дружила. Помню, кавалеры все путали, кто из нас Марфа, а кто Мария. В семье у них часто бывала, поэтому и Михаила хорошо знаю. Года за три до начала войны закончил горный техникум, работал на шахте электрослесарем.

А подружка моя, Мария Высочина, вышла замуж за Василия Иванова. Был у нас такой. Работал в горкоме партии. Орготделом заведовал. Статный был мужчина. Да и Мария была хороша. Что фигура, что внешность. Заметная была девка. Когда немцы подходить стали, она с ребенком эвакуировалась. Теперь и не знаю где. А муж ее, Василий Иванов, остался. Только на погибель свою остался. Люди сказывали, что его специально в городе оставили, для особой работы. Правда, сделать он ничего не успел.

Как немцы пришли, так дня через три-четыре его и арестовали. Теперь тоже не знаю, что с ним.

— Скажите, Марфа Ивановна, а его не мог выдать Михаил Высочин?

— Не-ет. Что вы, Михаил и Василий Иванов в большой дружбе были. К тому же родственники. Как-никак муж сестры. Не стал бы Михаил его выдавать, не такой он человек.

— А вы давно Михаила Высочина видели?

— Я к ним теперь не хожу. Так, иногда на улице разве встретимся. Поздороваемся — и в разные стороны. Сторонятся они меня. Обижаются, что у немцев работаю.

— Сам-то он что, не работает?

— Работает. Только на шахте он, а я вроде при штабе. Разное это дело.

— Спасибо вам превеликое, Марфа Ивановна. А за Михаила Высочина не беспокойтесь, я ему зла не сделаю.

— И вам за душевность вашу спасибо. Как брату родному, я вам доверилась. А почему — и сама не знаю... Глаза у вас добрые, видно, поэтому.

Дубровский окончательно решил скрыть от Рунцхаймера сообщение о подпольной группе Кононенко, хотя бы до той поры, пока сам не переговорит с Михаилом Высочиним.

9

Во второй половине дня Рунцхаймера вызвали в штаб ГФП-721 к полицейскому комиссару Майснеру. Шеф полевой фольджацдармерии 6-й немецкой армии назначил на девятнадцать часов совещание всех руководителей внешних команд ГФП-721, на котором должен был выступить лейтенант Вилли Брандт, возглавлявший внешнюю команду в Таганроге.

— Ну и счастливчик же этот Вилли, — размышлял Рунцхаймер. — За каких-нибудь три дня выловил в Таганроге огромную партизанскую банду и теперь, конечно, будет поучать всех, как надо работать. А полицейский комиссар Майснер — этот лысый боров — будет ставить его в пример, будет разглагольствовать о долге и чести, о любви к фюреру и фатерланду. Без сомнения, он припомнит мне и взорванную водокачку, и сожженный маслозавод, и по-

гибшего доктора Месса. Придется молча выслушивать его нарекания. А впрочем, и у меня есть, что сказать... Эта учительница и секретарь подпольного обкома в моих руках. К тому же, по донесению агента Золотарева, сегодня ночью мои люди возьмут эту банду в Первомайке. Хотя в ней всего несколько человек, но и это работа. Первомайка не Таганрог. Откуда там наберется больше? А почему бы и нет?

Рунцхаймер вызвал к себе следователя Вальтера Митке, которому поручил ночную операцию по аресту подпольной группы в Первомайке, и приказал:

— Вы там не церемоньтесь. И Кузьмину, и Кравцову допросите на месте. Вытяните из них адреса остальных бандитов. Арестуйте всех, кого они назовут. Арестованных доставите сюда, в гараж. Завтра я сам буду с ними разбираться. Эту операцию я целиком возлагаю на вас.

— Будет исполнено, господин фельдполицайсекретарь! Я просил бы вашего разрешения взять с собой Карла Дилья. Он мастер быстрых допросов и мог бы быть мне полезен.

— Карл Дилья заступает сегодня дежурить по команде. А с вами поедет Рудольф Монцарт и Алекс. Кроме того, по моему распоряжению начальник русской вспомогательной полиции выделит для вас шесть полицейских. Этого вполне достаточно.

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь!

Рунцхаймер с улыбкой посмотрел на тонкий, с горбинкой, нос Вальтера Митке, на его рыжеватые усики а-ля Гитлер, на длинные, почти по самые скулы, бакенбарды и подумал: «Этот хлыщ должен нравиться женщинам. Впрочем, бакенбарды нынче не в моде».

— Можете идти. Желаю успеха, — благосклонно сказал он и подумал, что точно такие же усики носят и полицайкомиссар Майснер.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Рунцхаймера. Он вспомнил о предстоящем совещании, о длинных проповедях шефа и, выпроводив Вальтера Митке, начал собираться в дорогу.

Из окна своей комнаты Дубровский видел, как Рунцхаймер вышел к машине, как шофер услужливо распахнул перед ним дверцу «мерседеса». А через минуту взревел мотор — и автомобиль медленно выехал за ворота.

Чтобы не попадаться на глаза следователям ГФП, ко-

торые в самый последний момент могли прихватить его с собой на одну из ночных операций по аресту советских патриотов, Дубровский решил не выходить из комнаты. Он разложил перед собой отпечатанные на машинке статьи для местной газеты, переданные ему Рунцхаймером. Если кто-нибудь из следователей зайдет и попросит его поехать с ним, он сошлется на срочное задание шефа.

Прошло не менее двух часов, пока оба крытых брезентом грузовика, находившиеся в распоряжении ГФП, выехали со двора. Теперь, кроме дежурного унтер-офицера и нескольких солдат охраны, на территории внешней команды никого не осталось. Дубровский собрал со стола разложенные бумаги, надел поверх френча ремень, на котором висела кобура с пистолетом, и отправился в город.

Алевтина встретила его приветливо. Не скрывая радости, рассказала, что достала пачку настоящего чая и собирается угостить его домашним вареньем, которое сохранилось еще с довоенных времен.

Когда мать Алевтины ушла на кухню, Дубровский сказал:

— Аля, у меня к тебе огромная просьба. И ты обязательно должна ее выполнить.

Алевтина вскинула брови, ее длинные ресницы взлетели вверх, в глазах появился лукавый огонек.

— Интересно, какую это просьбу я обязана выполнить?

— Завтра утром ты пойдешь в село Малоивановку и приведешь оттуда одного паренька.

— А далеко ли до этой Малоивановки?

— Километров двадцать — двадцать пять, не больше.

— Туда же без пропуска не пропустят.

— Пропуск я для тебя приготовил! — Дубровский достал из кармана сложенный вдвое листочек и протянул его Алевтине. — На вот. С этим тебя нигде не задержат. А мальчонке еще и пятнадцати лет нет. Его без пропуска проведешь. Зовут его Виктор. Паренек серьезный. Скажешь ему, что ты от Леонида Дубровского, что я хочу его повидать в Кадиевке. Соскучился, мол. Словом, уговаривать его не придется. Кроме меня, у него никого не осталось. Родителей он потерял, да так и не нашел. Война ведь теперь...

Дубровский рассказал Алевтине, как отыскать дом сестер Самарских в Малоивановке.

— Может, попутная машина подвернется, тогда завтра же и возвратишься. А если нет — переночуешь в Малоивановке, а на другой день назад, — закончил он.

— А вдруг спросят, зачем я иду в Малоивановку?

— Скажешь, за продуктами. Возьми с собой для обмена что-нибудь. Кстати, там, на селе, гораздо выгоднее обменять можешь. Только не говори, что я тебя послал. Это никого не должно интересовать. Виктора приведешь к себе домой. Я сам к вам приду. Завтра наведаюсь, а если не вернетесь, послезавтра опять загляну. Договорились?

— Хорошо! Я попробую.

— А это, — Дубровский взял со стула небольшой сверток и подал Алевтине, — продукты. Немного хлеба, плавленый сыр и французские сардины. Чтобы Виктор у вас на хлебником не был.

— И долго он у нас жить будет?

— Дня два, не больше. Со мной повидается и уйдет обратно в Малоивановку. Там ему вольготнее.

— Леонид! А когда же ты меня на работу устроишь? Или уже забыл о своем обещании?

— Нет, не забыл. Считаю, что ты уже работаешь. Будешь выполнять мои поручения. Для начала вот тебе сорок семь оккупационных марок.

— Такая работа мне нравится. А какой-нибудь документ ты мне выдашь?

— А как же! Не пройдет и недели, получишь охранную грамоту. С таким удостоверением на биржу труда тебя больше не вызовут.

— И в Германию не пошлют?

— Не пошлют, не пошлют, не бойся.

— Спасибо тебе, Леонид. Большое спасибо тебе за помощь. Если бы не ты... Даже страшно подумать... А теперь, когда ты рядом, я ничего не боюсь.

— И правильно делаешь. Волков бояться — в лес не ходить.

— Леонид, а этот мальчонка знает, что ты у немцев работаешь?

— Должен знать. Во всяком случае, можешь сказать ему об этом. Тут никакого секрета нет.

— А если наши придут, как оправдаешься?

— Там видно будет. К тому же совесть моя чиста. Я свои руки кровью советских людей не запачкал. — Дубровский поднялся из-за стола. — А сейчас мне пора идти.

— Как же так? А чай? А варенье? Подожди, я сейчас, я быстро.

Алевтина суетливо достала из буфета чашки, вазочку с вареньем и, распахнув дверь комнаты, крикнула:

— Мама, ну скоро вы там?

Не прошло и минуты, как небольшой алюминиевый чайник стоял на столе. Отказать себе в удовольствии выпить стакан горячего чая с вареньем Дубровский не мог. Да и не хотелось расстраивать Алевтину, которая с нескрываемой радостью собиралась его попотчевать домашним вареньем.

— Хорошо! Остаюсь пить чай, — сказал он.

Дубровский присел к столу и, будто вспомнив о чем-то, задумчиво спросил:

— Аля, ты Михаила Высочина не знаешь?

— Нет. А кто это?

— Так, один местный житель.

— А Гаврилу Крючкина?

— Тоже не знаю.

— А Иванова.

— Ивановых много.

— Василия Иванова. Того, который в горкоме партии работал.

— Этого знала. Он с мужем моим дружил. Я ведь тебе говорила, что муж в НКВД работал. — Алина мать с укоризной посмотрела на дочку. А та как ни в чем не бывало продолжала: — Он по службе довольно часто встречался с Василием Ивановым и несколько раз приводил его к нам в дом. Помню, красивый такой, статный мужчина был. Когда вернулась из эвакуации, слышала от знакомых, что немцы его расстреляли.

Дубровский положил в чашку крупицу сахарины и, помешивая чай, задумался.

— Леонид, по-моему, тебя что-то тревожит, — проговорила Алевтина. — Скажи честно, что?

— Да нет, ничего. Просто вспомнил, что не выполнил одну просьбу. Тут один чех со мной служит... Неплохой парень. Знает, что я на свидание отправился. Вот и просил, чтобы я узнал, нет ли у тебя хорошей подружки, чтобы с ним познакомить.

— Подруги есть, только неловко мне их с гестаповцем знакомить. Я ведь и с тобой-то когда гуляла, боялась, как бы кто из друзей не встретился.

— А ты не бойся. И среди гестаповцев честные люди есть.

— Теперь-то я вижу. Но ведь другим-то этого не объяснишь.

— Это верно. И все-таки когда вернешься из Малоивановки, поговори с кем-нибудь из своих подруг. Уж очень мне хочется выполнить просьбу этого чеха.

Положив в рот ложку вишневого варенья, Дубровский воскликнул:

— Ах какая прелесть! Давно ничего подобного не пробовал!

— Все в мире относительно, — сказала Алевтина. — Небось до войны и не глянул бы на такое — сплошной сахар. А теперь и это, старое, чудом кажется.

— И то правда, — заметила Алина мать, до того не вмешивавшаяся в разговор молодых людей.

— Возможно. Дай бог, живы останемся, я всю жизнь это варенье помнить буду.

— Ну вот видишь, а хотел уходить, — укоризненно сказала Алевтина.

— Спасибо, что уговорила остаться! — Дубровский поднялся из-за стола. — А теперь мне действительно пора. Так что ты решила насчет подруги?

— А чего решать. Есть у меня одна, Ниной зовут. Когда вернусь из Малоивановки, пригласим тебя вместе с твоим чехом. Только с угощением у нас плоховато.

— Ничего. Мы с собой чего-нибудь прихватим. А можем в кино вместе сходить.

— Хорошо. Там видно будет.

— Значит, договорились. Обрадую Макса.

Он подал Алевтине руку. Она пожала ее и, внезапно поднявшись на цыпочки, поцеловала его в щеку. Увидев это, мать Алевтины сокрушенно вздохнула, а когда Дубровский скрылся за дверью, сказала:

— Он-то, может, перед нашими и оправдается, а вот ты-то как перед мужем оправдываться будешь?

— Не зверь же он, поймет, каково нам здесь без него было, — буркнула Алевтина. — Давайте, мама, спать. Мне завтра пораньше подняться надо. Уйти я должна из Кадиевки. Может, следующую ночь и ночевать не придется дома...

— Почему? Говори, что ты замыслила?

— Только не волнуйтесь, пожалуйста. Я по селам

пройду, говорят, там кое-что на продукты выменять можно. Да еще повыгоднее, чем здесь.

— О, господи! Еще чего придумала! Не дай бог, в облаву попадешь, задержат, что я тогда одна с ребенком-то делать буду?

— Никто меня не задержит. Мне Леонид пропуск дал. Натe вот, полюбуйтесь. — Алевтина развернула листок бумаги, показала матери.

— Так-то оно так. Только беспокойно мне. Может одумаешься, не пойдешь?

— Нет. Сказала, пойду, значит, так надо! — ответила она резко. Но тут же, спохватившись, обняла мать, прильнула щекой к ее щеке и зашептала: — Ну, не сердитесь вы на меня. И главное, не волнуйтесь. Все будет хорошо. А с пропуском кто меня тронет. С пропуском я спокойна. Может быть, завтра и вернусь.

Мать глубоко вздохнула и, не сказав ни слова, принялась собирать со стола посуду.

Леонид Дубровский шел по пустынным улицам затемненного города с твердым намерением посетить Михаила Высочина. Он еще не знал, о чем будет с ним говорить, но испытывал острую необходимость познакомиться с этим человеком.

Неожиданно из-за угла донеслись чьи-то шаги. Из предосторожности Дубровский расстегнул кобуру, нащупал пальцем рукоять пистолета. В левой руке он сжимал маленький электрический фонарик. Правда, полный диск луны и без того неплохо высвечивал улицу, но не везде лунный свет проникал через развесистые кроны деревьев, посаженных вдоль тротуара.

Метрах в десяти от боковой улицы Дубровский остановился. За углом все явственнее слышались приближающиеся шаги. Наконец на тротуаре появился силуэт человека. Дубровский нажал кнопку карманного фонаря. Луч блеклого света выхватил из потемок неказистого немецкого солдата в полевой форме.

— Кто такой? — властно спросил Дубровский.

Солдат застыл в неподвижной позе, вытянул руки по швам и только тогда отрапортовал:

— Рядовой второй роты отдельного саперного батальона! Возвращаюсь в расположение своей части!

— Пойдете со мной! — приказал Дубровский, принимая внезапное решение.

— Слушаюсь! — Только свернув на другую улицу, солдат робко спросил: — А куда мы идем?

— Поможете мне доставить в русскую полицию одного подозрительного человека. После этого я вас отпущу.

— Но мой командир ждет моего возвращения к двадцати четырем часам, а сейчас двадцать три.

— Ничего. Если опоздаете, передадите ему, что выполнили задание сотрудника тайной полевой полиции.

— Слушаюсь!

Вскоре они остановились возле дома номер один по улице Челюскинцев. За неказистым покосившимся забором возвышались кусты сирени, за которыми проглядывался одноэтажный белый домишко. Дубровский отыскал калитку и, позвав солдата, миновал палисадник, подошел к двери, постучал. За дверью не слышалось никаких признаков жизни. Дубровский постучал вторично, сильнее и настойчивее. Наконец до слуха донеслись чьи-то шаркающие шаги, внутри дома скрипнула дверь, и настороженный мужской голос спросил:

— Кто там?

— Открывайте! Полиция! — твердо сказал Дубровский.

Щелкнула задвижка, дверь распахнулась. Луч фонарика, направленный Дубровским в образовавшийся проем, осветил невысокого худощавого мужчину. Ослепленный светом карманного фонаря, он прищурился и прикрыл глаза левой ладонью. Кроме трусов и майки, на нем ничего не было. Какое-то мгновение он в нерешительности стоял босиком на дощатом полу, все еще жмурясь от яркого света, потом спросил:

— Вам кого?

— Михаил Высочин здесь проживает?

— Я и есть Михаил Высочин.

— Значит, мы к вам! — Дубровский бесцеремонно переступил порог.

— Пожалуйста, проходите.

За раскрытой дверью, которая вела в комнату, мерцал тусклый огонек настольной керосиновой лампы. Приказав солдату остаться в сенях, Дубровский огляделся.

Кроме комода, шкафа, кровати и небольшого квадратного стола, в комнате ничего не было. За измятой портьерой, висевшей на стене, угадывался проход во вторую комнату.

— Кто еще здесь живет? — спросил Дубровский.

— Мой брат Николай Высочин.

— Где он сейчас?

— Здесь, — ответил Михаил и громко сказал брату: — Николай, ты спишь, что ли? К нам тут гости пожаловали.

— Сейчас поднимусь, — пробурчал сонный голос из другой комнаты.

— А вы мне не нужны, можете продолжать спать! — крикнул ему Дубровский. — А впрочем, вам придется запереть дверь. Ваш брат отправится с нами в полицию...

Из-за портьеры выпел Николай. На нем тоже были только трусы и майка. Он пригладил рукой взлохмаченные русые волосы, протер глаза.

— За что его? — спросил он, испуганно поглядывая на Михаила.

— А вы кто такой, что я перед вами должен отчитываться? — строго сказал Дубровский. — Где работаете?

— Токарь я. В электромеханических мастерских.

— Пока оставайтесь дома, потребуется — и с вами разберемся. А вы, — Дубровский обернулся к Михаилу Высочину, — собирайтесь, пойдете со мной.

— Зачем? Что я сделал? — с дрожью в голосе проговорил Михаил.

— Одевайтесь, одевайтесь! Там все выясним.

— Где — там?

Голос Михаила вконец сорвался. Он никак не мог попасть ногой в штанину. Потом, видимо взяв себя в руки, присел на кровать, натянул на ноги брюки, надел ботинки на босу ногу.

Николай подбежал к комоду, достал из выдвинутого ящика немного хлеба, две вареные картофелины, завернул их в какой-то платок и протянул брату:

— На, возьми. Может, завтра еще раздобуду, тогда принесу.

— А куда принесешь-то? — спросил Михаил, натягивая рубаху.

— В полицию принесу. Тебя же туда забирают.

— А ты видел, чтобы полицейские в немецкой форме ходили? — спросил Михаил, кивая на Дубровского.

— Никаких передач ему не потребуется, — многозна-

чительно сказал тот, пристально вглядываясь в лицо Михаила Высочина. — Ну, готовы? Тогда пошли.

Николай подбежал к брату, обнял его, уткнулся ему в грудь.

Тот похлопал его по спине, сказал:

— Ничего, Никола! Поживи один. Главное, будь человеком. Увидишь Лиду, расскажи, как было.

— Кто такая эта Лида? — резко спросил Дубровский.

— Дивчина моя, — ответил Михаил и, обращаясь к Николаю, добавил: — Ну, браток, давай поцелуемся на прощание.

Он прильнул к брату и что-то успел прошептать ему на ухо. Дубровский уловил только слова «совхоз Ильича», но сделал вид, что ничего не услышал.

— Ну, хватит, хватит! Не навек прощаетесь! Пошли!

Когда Михаил Высочин подошел к раскрытой двери, ведущей в сени, Дубровский приказал солдату следовать впереди. За ним, понуря голову, зашагал Михаил Высочин. А в двух шагах позади него пошел Дубровский. Так, гуськом, они и дошли до здания русской вспомогательной полиции. Возле входа прохаживался полицейский с карабином. Дубровский отпустил солдата, предварительно поблагодарив его за добросовестную службу фюреру и великой Германии.

Дежурный по полиции, с сонным видом, по первому же требованию Дубровского выдал ему ключи от комнаты и услужливо спросил:

— Не требуется ли еще чего-нибудь?

— Нет, нет. Мы ненадолго, — ответил Дубровский.

Оставшись в комнате наедине с Михаилом Высочинным, Дубровский разрешил тому сесть. Сам уселся за стол напротив и пытливо заглянул в его глаза. Михаил виновато потупил взор.

— Так вот, Михаил Высочин, сегодня протокола я вести не буду. Для этого у нас впереди много времени. А пока расскажите мне все про вашу партизанскую банду. Все, что вы о ней знаете.

— Никакой банды я знать не знаю. Я честно работаю на шахте.

— А вы не торопитесь с ответом. Подумайте хорошенько. Чистосердечное признание может спасти вам жизнь.

— А мне и думать нечего. Я...

— Пойдите, пойдите... Поднимите глаза.

Михаил с трудом оторвал взгляд от поверхности стола и посмотрел на Дубровского. В его серых, чуть расширенных зрачках чувствовался испуг, но вместе с тем в них сквозила и решимость.

— А откуда у вас листовки со сводками Советского информбюро?

— И про листовки я ничего не знаю.

— Так. И Лидию Смердову вы тоже не знаете?

— Не знаю я никакой Лидии.

— Как же так? А брату вашему про какую Лиду говорили?

Михаил Высочин вновь потупил взор. Потом с трудом выдавил из себя:

— Есть у меня девушка. Лидой зовут. А вы все Лидия да Лидия. Вот я и попутал.

— А какие листовки вы ей давали?

— Не давал я ей ничего. Зачем это мне? У меня мать при Советской власти арестовали. До сих пор не знаю, жива ли, погибла ли. Думал, при новой власти спокойнее будет. А вы и меня туда же. Что я вам сделал?

— Пока ничего особенного, распространяли антигерманские листовки. Но ведь кто-то взорвал водокачку, кто-то поджег маслозавод. Разве не ясно, в Кадиевке действует партизанская банда.

— А при чем тут я? Что, на мне свет клином сошелся?

— Не только вы. Есть еще некто Кононенко. Вы его знаете?

При упоминании Кононенко плечи Михаила Высочина как-то сникли. Не поднимая головы, он ответил:

— Нет. Кононенко я тоже не знаю.

— Еще раз прошу вас подумать серьезно о своем положении. Сейчас я с вами спокойно разговариваю. Но у меня есть средство заставить вас говорить правду. Не выпуждайте меня прибегать к крайностям.

— Я говорю правду. Я ничего не знаю про партизан. И никакого Кононенко не знаю.

— Могу напомнить. Он был директором совхоза неподалеку от Кадиевки.

— Я в совхозе не работал. Откуда мне его знать?

— Ну, допустим. А Василия Иванова вы тоже не знали?

Михаил Высочин недобрым взглядом посмотрел на Дубровского.

— Так знали или не знали? — повторил тот.

— Как не знать! Был мужем моей сестры.

— А почему был?

— Потому что был, да весь вышел. Говорят, расстреляли его...

— Кто расстрелял? — не унимался Дубровский.

— А кто его знает! Он еще до прихода немцев с квартиры исчез. Может, русские и расстреляли.

— И сестру вашу тоже?

— Не-е. Сестренка вместе с ребенком в эвакуацию поехала.

— Кстати, скажите, а почему русские не забрали вас в армию?

— Потому и не взяли, что мать моя вроде как враг народа. Арестована при Советах. А детей врагов народа в армию не брали. Про то я вам и толкую, что при Советах я вроде как враг. А теперь, при немцах, тоже, выходит, — враг? Самп-то рассудите, каково мне?

— Ну, а если вы не враг новому порядку, тогда выкладывайте начистоту, что это за партизанская банда у Кононенко?

Михаил Высочин безнадежно махнул рукой. Больше минуты оба сидели молча. Дубровский думал о том, что, видимо, никакой ловушки здесь нет. Рунцхаймер не имеет никакого отношения к доносу Крючкина. Следовательно, надо постараться скрыть эту подпольную организацию от немцев. А Михаил Высочин, стараясь не показать охватившего его волнения, с ужасом думал о провале группы.

«Неужели сам Кононенко попал к ним в руки? Не может быть. Я же был у него вчера. За один день они не могли его так обработать, чтобы он показал и на меня, и на Лидию Смердову. Постой, постой! А может, Смердова оказалась у них? Но она же ничего не знает про Кононенко».

В памяти мелькали события и лица. Михаил вспомнил, как перед самым приходом немцев его вызвал первый секретарь горкома партии Михаил Егорович Игнатов. Как после короткого разговора предложил ему остаться в Кадиевке и быть связным между Василием Ивановым и Кононенко. Василия Иванова оставляли в Кадиевке в качестве секретаря подпольного горкома партии, а Кононенко поручили возглавить партизанский отряд.

Правда, связным Высочину быть так и не довелось. На

четвертый день после прихода гитлеровцев Василия Иванова схватили гестаповцы на явочной квартире Кротова, куда он заглянул для встречи с подпольщицей Анной Айдаровой. И странно, Иванова забрали, а ее, Айдарову, не тронули. Да и остальных подпольщиков даже не потревожили. Видно, Василий Иванов только своей жизнью распорядился.

Так думал Кононенко, взваливший на свои плечи все руководство городским подпольем, так думали и другие подпольщики. Анну Айдарову проверили на деле и не лишили доверия.

«А может, все же она, Айдарова? — размышлял Михаил Высочин. — Тогда Иванова, а теперь меня?»

— Ну! Ты надумал говорить или в молчанку будешь играть? — строго спросил Дубровский, прерывая его мысли.

Михаил Высочин устало поднял голову:

— Я что? Я все сказал. Спрашивайте. Ежели что знаю — могу. А чего нет — того нет. Не ведаю я про партизан.

— Подумай! Последний раз подумай. Потом захочешь сказать, да поздно будет.

— Я уже все продумал. Кабы знал — сказал бы. А так что? Напраслину возводить на себя не буду.

— Хорошо, тогда пошли!

Дубровский резко поднялся из-за стола. Михаил Высочин медленно встал со стула.

— Быстрее, быстрее! — приказал Дубровский, открывая дверь комнаты.

В вестибюле он вернул ключ дежурному и, пропустив Михаила Высочина вперед, вслед за ним вышел на улицу. Под луной скользили рваные хлопья облаков. Легкий ветерок охлаждал лицо и руки. Кроме полицейского с карабином, дежурившего возле подъезда, никого на улице не было.

— Сюда, налево! — скомандовал Дубровский.

Нехотя повинувшись, Михаил Высочин побрел в указанном направлении.

— Сойди с тротуара и топай по мостовой!

И это указание Высочин выполнил нехотя. Только что он подумал о бегстве. Это была единственная возможность вырваться из рук гитлеровца. О том же самом думал и Дубровский. Правда, он не хотел, чтобы Михаил Высочин

бежал так близко от здания полиции. Здесь на любой окрик могли прибежать полицейские, и тогда неизвестно, удастся ли в этих условиях беглецу скрыться. Вот почему он прогнал Высочина от невысоких заборов, перемахнуть через любой из которых было делом одной секунды.

«Бежать! Бежать! Непременно бежать! Пока он один ведет меня в тюрьму, я могу это сделать. Потом такой возможности, может, и не представится. Вот пройдем еще одну улицу, там потише, и садами, садами к дому Ивана Леванцова. У этого можно будет на чердаке отсидеться», — напряженно размышлял Михаил Высочин, вышагивая по мостовой.

То и дело луч фонарика светил ему под ноги откуда-то сзади. По направлению этого луча Михаил определял, где и на каком приблизительно расстоянии находится от него гестаовец. До намеченного перекрестка оставалось каких-нибудь пятнадцать — двадцать метров, когда луч фонарика метнулся вдруг вверх, потом резко вниз, послышался удар металла о камень, и в наступившей темноте до чуткого слуха Михаила Высочина донеслось:

— У, черт! Неужели разбился!

Поняв, что гестаовец уронил карманный фонарик, Михаил бросился бежать. Сердце учащенно колотилось в груди. Михаил свернул за угол, пересек узкую улочку, взглядел в блеклом свете луны невысокий забор, перебрался через него, миновал чей-то сад, перелез через другой забор и очутился на соседней улице. Только здесь он остановился на мгновение, затаил дыхание, прислушался. Погони не было.

Дубровский был счастлив, что Высочин все понял и решил на побег. Предчувствие не обмануло Дубровского — в Кадиевке действительно существует подпольная организация, и донесение Крючкина — это не новая проверка, придуманная Рунцхаймером.

«Теперь подпольщики будут осторожнее, — раздумывал Дубровский, идя в ГФП. — Высочин обязательно расскажет Кононенко, что о нем известно в гестапо. Да, но необходимо обезопасить Крючкина. Быть может, я зря в разговоре с Высочинным не сослался на донесение этого ублюдка? Тогда сами подпольщики могли бы разделаться с ним по своему усмотрению. Но ведь я еще сомневался, боялся клюнуть на провокацию. А что же делать теперь? Недоставало, чтобы этот Крючкин сообщил о подпольной

организации какому-нибудь другому сотруднику! — Дубровский вдруг с ужасом вспомнил, что совершенно случайно оказался в седьмой комнате полиции вместо Потемкина. — Да-а! Если бы Рунцхаймер не послал меня туда, то уже сегодня ночью Михаил Высочин оказался бы на другом допросе. Что там Высочин... И Лидия Смердова, и брат Михаила, а может, и сам Кононенко валялись бы истерзанные в какой-нибудь тюремной камере. А скольких могли потянуть они за собой!..»

И хотя сознание выполненного долга, радость, что не ошибся и скрыл от Рунцхаймера советских патриотов, переполняли все его существо, на душе было неспокойно. В голове роились разноречивые мысли. Он все еще не мог решить, как поступить с Крючкиным. И другой вопрос беспокоил его, настоятельно требовал ответа: следует ли самому связаться с подпольной группой Кононенко? Ведь при определенной ситуации можно было рассчитывать на их помощь. Но для этого необходимо раскрыть себя. А давно ли ему такое право?

В расположение ГФП Дубровский вернулся, когда часы показывали час ночи. Служебный двор был пуст. Не было ни «мерседеса» Рунцхаймера, ни крытых брезентом грузовиков. «Видно, никто еще не возвратился», — подумал он и, не заходя к дежурному, отправился спать в свою комнату. Долго лежал он в постели, не смыкая глаз, размышляя над создавшимся положением, и наконец решил окончательно: ни в какой контакт с людьми Кононенко не вступать, но внимательно наблюдать за их действиями.

Он почти уже вынес приговор и Крючкину, когда за окном послышался шум въехавшего во двор грузовика. Потом в наступившей тишине раздались голоса людей. Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась. В комнату ввалился Александр Потемкин. Еще не успев зажечь керосиновую лампу, он спросил:

— Леонид, ты спишь?

— Нет. Проснулся от этого грохота.

— Ничего, успеешь еще выспаться. А мы не зря съездили. Девчонок пощупали...

— Что за девчонки?

— Так, мелкота всякая. Восемнадцать девчонок и четыре парня.

— Не много ли?

— А мы не разбирались. С кем они встречались, того и брали. Пусть Дылда сам теперь с ними возится.

— Я не о том спрашиваю. Откуда вы брали данные для арестов? Список нашли, что ли?

— Не-е. Никакого списка не было. Нам только две девочки известны были. Заехали к одной, потом к другой. Во время обыска допросили обеих. Они сказали, с кем дружат, с кем встречаются. Мы — к тем. И тех допросили. Кого они назвали — всех брали. Так и наскребли полторы дюжины с четырьмя кавалерами. Потеха.

— Ну а во время обысков нашли что-нибудь?

— Так себе, мелочь. У одной школьное сочинение подозрительное. У другой фотография Ленина. А оружия — никакого.

— Значит, все это липа.

— Может, липа, а может, и нет. Утром их сам Рунцхаймер прощупает.

— Ладно. До утра уже недалеко. Ложись спать, — предложил Дубровский.

— Сейчас лягу.

Потемкин разделся, задул керосиновую лампу и плюхнулся на постель.

За окном чуть приметно пробивался рассвет.

10

Леонид Дубровский смог вырваться к Алевтине Криводой лишь на второй вечер. Весь предыдущий день и половину ночи в гараже ГФП велись непрерывные допросы. Рунцхаймер, вернувшийся из Сталино в плохом расположении духа, буквально озверел, увидев подростков, привезенных из Первомайки. Он угрожал им, бил, истязал, требуя чистосердечных признаний о деятельности партизан. Но что могли сказать несовершеннолетние девочки и мальчишки, большинству из которых не было и семнадцати, о какой-то подрывной работе!

Рунцхаймер прекрасно понимал, что никакой организованной партизанской группы эти ребята не представляют, и, казалось, именно это бесило его еще больше. Дубровский не знал, что на совещании у полицейского комиссара Майснера Рунцхаймер успел уже похвастаться, что раскрыл крупную, хорошо законспирированную подпольную организацию в Первомайке, и теперь его люди заняты

ее уничтожением. Вот почему всеми правдами и неправдами он стремился выбить необходимые показания из этих перепуганных девчонок и мальчишек. Тем же занимались и следователи Рудольф Монцарт, Вальтер Митке, Карл Диль и Макс Борог. Последний первым не выдержал и откровенно сказал Рунцхаймеру, что не верит в эту подпольную организацию.

— Я не узнаю вас, Макс! — взревел Рунцхаймер. — Вы совсем разучились работать! Еще немного усилий — и эти ублюдки признаются во всем!

— Слушаюсь, господин фельдполицайсекретарь! Но наш Алекс так старается, что две девчонки валяются без сознания в моем кабинете.

— Выволоките их во двор и принимайтесь за других! — распорядился тот. — И учтите, сегодня никто не отправится отдыхать, пока мы не вырвем признания у этих бандитов.

Макс Борог вышел из гаража. Вслед за ним выбежал и Рунцхаймер. На лежаке осталась лежать привязанная к доскам обнаженная девушка. Спина ее была исполосована резиновой плеткой. Она тихо стонала. Рядом с ней стоял уставший до изнеможения полицейский Николай. Плетка свисала с его руки. Склонив голову, он виновато потупил взор, боясь встретиться взглядом с Леонидом Дубровским, который сидел за деревянным столом и вел протокол допроса.

За стеной, где раньше размещалась гаражная мастерская, слышался невнятный говор арестованных. Неожиданно донесся громкий девичий голос:

— Крепись, Зинка!

Но из уст избитой девушки вырвался лишь глухой стон.

Рунцхаймер вернулся в гараж вместе с Гарасом. Пес подбежал к лежаку, обнюхал девичье тело, слизнул кровь с бедра. Рунцхаймер заставил собаку подойти к нему.

— Развяжите ее! — распорядился он.

Дубровский перевел, и полицейский проворно развязал.

— Вставай!

И эту команду перевел Дубровский.

Девушка поднялась, стыдливо прикрывая руками тело.

— Переведите ей, что, если она не расскажет, кто поджег маслозавод в Кадиевке, я спущу на нее собаку.

Зная, что от Рунцхаймера можно ждать всего, Дубровский перевел эту фразу и тут же обратился к шефу:

— Господин фельдполицайсекретарь, а если она действительно не знает, кто это сделал?

— Это меня мало интересует, господин Дубровский. В таком случае пусть возьмет вину на себя.

Дубровский чуть не задохнулся в бессильной ярости.

— Господин фельдполицайсекретарь, — вырвалось у него, — если вам безразлично, я готов принять маслозавод на себя, но пощадите эту девушку! Посмотрите, она вся дрожит. Она же рассказала вам все, что знает. Будьте снисходительны к слабому полу.

— Я обещал сделать из вас мужчину, а вместо этого вы, кажется, намереваетесь превратить меня в слюнтя. И как ни странно, у вас получается. Действительно, глупо предполагать, что эта девчонка — представительница слабого пола, как вы смели заметить, — могла спалить маслозавод, взорвать водокачку. На такое мог решиться какой-нибудь шустрый, отчаянный паренек. Вы правы, так будет правдоподобнее. Уведите! — распорядился Рунцхаймер. — И тащите сюда одного из ее кавалеров. Посмотрим, что он скажет.

До поздней ночи продолжался в гараже кровавый кошмар. Дважды разъяренный Гарас по команде хозяина бросался на обезумевшего подростка, который в конце концов не выдержал и стал оговаривать и себя, и своих товарищей. Рунцхаймер торжествовал. Теперь он мог доложить полицайкомиссару Майснеру, что обнаружил и уничтожил виновников поджога маслозавода и взрыва водокачки. Рано утром все члены так называемой партизанской банды из Первомайки были вывезены на окраину Кадиевки и расстреляны. А днем Рунцхаймер отправил срочное донесение в Сталино, в штаб ГФП-721, об успешно проведенной операции.

Вечером в награду за активное участие в обнаружении и обезвреживании преступников наиболее отличившимся следователям и переводчикам выдали по бутылке водки. Получил эту награду и Александр Потемкин. За ужином он предложил Дубровскому выпить вместе с ним. И тот согласился. Согласился для пользы дела, ради которого находился здесь.

Залпом осушил он почти полный стакан и, не закусывая, поставил его на стол.

— Извини, Алекс, меня ждет дама. Хочется отогреть тело и душу. Так что допивай сам.

— Давай погрейся, — подмигнул ему Александр Потемкин. — И я собираюсь пойти поразвлечься. После такой работы необходима разрядка, а то и не заметишь, как превратишься в зверя.

По дороге к Алевтине Кривцовой Дубровский думал о встрече с Виктором Пятеркиным, он жаждал услышать от него вести с той стороны. Но всякий раз, когда перед его мысленным взором возникал образ Пятеркина, вслед за ним нескончаемой чередой проплывали искаженные страхом и ненавистью лица мальчишек и девчонок из Первомайки. И он поклялся, что при первой же возможности отомстит Рунцхаймеру за их гибель.

На стук дверь отворила Алевтина. По ее лицу Дубровский сразу понял, что Виктор Пятеркин здесь. Не успел он переступить порог комнаты, как Виктор вскочил со стула и, раскинув руки, бросился к нему в объятия. Дубровский не ожидал такого порыва и растерянно гладил его вихрастые волосы.

— Как дошли? — спросил он Алевтину, взволнованно наблюдавшую эту сцену.

— За день управились. Мы еще вчера вечером тебя ждали.

— Не мог я вчера.

— А почему так долго не сообщали о себе Самарским? — спросил Виктор, высвободившись из объятий друга. — Я чуть назад не ушел. Думал, тебя уже нет...

Дубровский приложил к губам указательный палец.

— Леонид, а ты маму не встретил? Она там с дочкой гуляет возле дома.

— Нет, не видел.

— Ладно, вы тут поболтайте, а я к ним схожу, — сказала Алевтина, выходя из комнаты.

— Ну, рассказывай, брат, как там дела? — Дубровский усадил Виктора на стул и сам примостился рядом.

— Мне Самарские рассказали, как вас арестовывали. Я думал, что ждать уже нечего. Хотел обратно идти. А тут ваше письмо подоспело.

— Молодец, Виктор! Молодец, парень! Ты даже представить себе не можешь, как я рад, что ты здесь.

— Дядя Ленья, а вы в самом деле теперь у немцев работаете?

— Да! Только грош цена всей моей работе, если ты не будешь ко мне приходить.

— А я буду, я буду, вы не сомневайтесь. Тут одного лейтенанта к вам посылали, так он не прошел, погиб. А я могу, я по-быстрому.

— Вот и молодец. Сегодня переночуешь здесь, а завтра пойдешь обратно к Владимиру Ивановичу. Только будь осторожен. Под пулю не попади. Очень важные сведения понесешь.

— Я постараюсь. Я по-тихому.

— На словах передашь Владимиру Ивановичу, что я работаю по заданию — во внешней команде ГФП-721. Не перепутаешь?

— А что такое ГФП-721?

— Это тайная полевая полиция 6-й немецкой армии.

— Так эту же армию под Сталинградом разбили и в плен взяли. И командующий ихний, Паулюс, тоже у нас в плену.

— Все верно, Виктор. Но гитлеровцы вновь сформировали армию и дали ей тот же номер. Вот и получилась новая шестая армия. Ясно?

— Понятно. Передам.

— Это как раз можешь не передавать. Об этом Владимир Иванович и без нас знает. А вот что я работаю переводчиком в тайной полевой полиции ГФП-721, передай обязательно. Номер не забудь, а буквы легко запомнить — Галина, Федор, Пелагея.

— Не-е. Имена попутать могу. Лучше Гоголь, Фадеев, Пушкин.

— А Фадеева откуда знаешь?

— Книжку его в школе читали, «Разгром» называется.

— Хорошо! Пусть будет по-твоему — Гоголь, Фадеев, Пушкин. В записке, которую я с тобой передам, ничего особенного, кроме адресов и фамилий, не будет. Зашьем ее, как ту.

— Я же в одной рубашке.

— А пистолет где носишь?

— И пистолета больше нету. Владимир Иванович сказал, что для связного пистолет — лишняя морока. С пистолетом попадусь — погибнуть могу, а так что с меня взять?

— И то верно. Тогда записку в ботинок, под стельку,

спрячем. Сейчас земля сухая — не промокнет. Ты пока посиди тихо, а я напишу.

Дубровский достал из кармана блокнот, вырвал из середины двойной листочек и принялся писать.

«1. Светлана Попова. Блондинка. Волосы длинные, до плеч. Глаза голубые. Зубы ровные, белые. Большой лоб. Нос римский, с горбинкой. Рост средний. Полногрудая. Красивая. 22—24 года. Недавно была в Миллерово. Работала в тыле армии. Скоро опять будет у вас. Нем. командование возлагает на нее большие надежды. Необходимо обезвредить.

2. Хохлов Иван Григ. 1909 г. р., прож: Краснополье, Тельмана, 4. Систематически исполыз. как агент в других нас. пунктах. Предал парт. орг. под руководств. капитана Руднева. Приметы: рябой, голуб. глаза. Заикается при нач. разговора.

3. В Серго работ. партиз. группа под рук. Кононенко. Сожгли маслозавод. Взорвали водокачку. Обстрел. нем. автомашины. Организация была нами скрыта, несмотря на донесение о ней. Донес Крючкин Гаврила. Хромой. Брат бывшего нач. отдела народного питания Серго. После предупреждения согласился молчать об организ.».

Дубровский усмехнулся, вспомнив, как утром припимал Крючкина в городской полиции. Тот пришел точно в назначенное время и, скрывая чуть заметную хромоту, подошел к столу, за которым сидел Дубровский.

— Разрешите присесть?

— Садитесь.

— Спасибо. — Он опустил на стул.

— А теперь нате бумагу и пишите расписку, что вы нигде и не одним словом не обмолвитесь о партизанской организации Кононенко. В противном случае мы будем вынуждены вас расстрелять...

— За что же меня расстреливать?

— Пока не за что. А если будете болтать лишнее — расстреляем. Эта партизанская организация создана для выявления настоящих бандитов. Вы правильно сделали, что доложили о ней мне, но впредь придержите язык за зубами. Никому ни звука, иначе лишитесь головы. Ясно?

— Да куда уж яснее. А я ведь из самых благих намерений... Я что услышал — и сразу к вам.

— За это мы вас благодарим. Прошу вас зайти ко мне в следующий вторник.

— Куда уж теперь! — Крючкин испуганно отмахнулся и принялся писать расписку.

Эта расписка лежала теперь у Дубровского в заднем кармане брюк. «Надо не забыть ее уничтожить», — подумал он, продолжая составлять донесение.

«4. Див. «Мертвая голова» и «Викинг» перебрасыв. на север в район Харькова.

5. Демидов Георг. 1925 г. р., живет на шахте «Иван», в Макеевке, предал партизанск. орг. Клейстера. Отец Демидова был расстрелян немцами как коммунист-партизан».

Дубровский все продолжал писать, а Виктор Пятеркин терпеливо сидел рядом, восхищенно поглядывая на него.

В комнату вошла Алевтина.

— Ну, наговорились? Отвели душу? — спросила она.

— К сожалению, еще нет. Ты нас извини... И если можно, погуляй еще минут десять, — попросил Дубровский.

— Хорошо! Только учти, на дворе уже сумерки. Правда, дочка спит у мамы на руках, но надо бы ее в постель укладывать.

— Все понял. Всего десять минут.

Алевтина вышла, а Дубровский вновь стал писать.

— Вот, кажется, и все! — сказал он Пятеркину, сворачивая исписанный листок. — Снимай ботинок.

Виктор послушно расшнуровал ботинок, стянул его с ноги и подал Дубровскому. Отодрать стельку было делом одной минуты. К приходу Алевтины Пятеркин был уже обут и спокойно беседовал с Дубровским.

— Алюша, а теперь мы с Виктором погуляем, а ты укладывай дочку, — сказал Дубровский, направляясь к двери.

Алевтина согласно кивнула:

— Тогда вы и скажете маме, чтобы шла сюда. А то я ей не разрешила возвращаться.

— Ладно. Это мы мигом.

Дубровский и Виктор Пятеркин зашли за дом, присели на сложенных горбылях.

— А теперь, Виктор, давай выкладывай, как там наши. Скоро ли наступать собираются?

— Я что, командующий? Откуда мне знать?

— Не понял ты меня, браток. Не о том я спрашиваю. Глаза-то у тебя есть? Видел небось, что на той стороне делается?

— Видел, конечно. Танков много подвозят. Артиллерию там разную. Самолеты летают. Только, говорят, все это на юг, на Кубань идет. Сказывают, что там сейчас наши пошли в наступление.

— Да, бои там действительно идут крупные, но до наступления еще далеко. Ну, что на словах просил передать Владимир Иванович?

— Сказал, что надеется на вас. Чтобы осторожнее вы были. И еще деньги просил передать, — спохватился Виктор, вытягивая из кармана замусоленную тряпочку, в которой были завернуты деньги. — Тут немного. Только двести тридцать марок. Он сказал, что больше нельзя. Подозрительно может быть, откуда у мальчика столько.

— И на том спасибо! — рассмеялся Дубровский. — А ты на что жил?

— У меня своих семьдесят было. Я их Самарской отдал. На еду.

— Они хорошо тебя встретили?

— Культурно. Я Евдокии Остаповне письмо от мужа принес. Потапов его нашел. Живой он. Она от радости даже заплакала. Меня отпускать не хотела. Говорит, чтобы до конца войны у нее оставался.

— Та-ак! Значит, завтра ты отправишься к ним. Переночуешь там, а послезавтра топай к Владимиру Ивановичу. Будь осторожнее. Очень важные сведения у тебя в ботинке. На словах передашь Владимиру Ивановичу, что у меня все в полном порядке. Работаю переводчиком в ГФП-721. Это полевое гестапо. Штаб у них в Сталино. Руководит им полицейский комиссар Майснер. А в Кадиевке внешняя команда, руководит ею фельдполицейский секретарь Рунцхаймер. Есть такая же внешняя команда и в Таганроге. Там командует фельдполицейский секретарь Брандт. В начале мая Брандт вскрыл и уничтожил в Таганроге крупную подпольную организацию. Расстреляно больше ста советских патриотов. Запомнишь?

Виктор пожал плечами.

— Ты, главное, фамилии запоминай. Майснер, Рунцхаймер, Брандт. А звания легкие. В Сталино — комиссар, а в Кадиевке и Таганроге — секретари. Только перед этими словами «полицай» приставишь. Понял? Майснер, Рунцхаймер, Брандт.

— Чего ж тут не понять? Вся ясно.

— И еще. Передай Владимиру Ивановичу, что в Кадие-

евке действует подпольная организация. Руководитель — Кононенко. Я с ним не связывался, но если прикажут — свяжусь.

— Обязательно передам.

— И последнее. Недельку дома отдохнешь — и опять к Самарским возвращайся. Скажешь, чтобы они мне письмо послали с приветом от дяди Володи. Это будет наш пароль. Так я узнаю, что ты к ним снова вернулся.

— Ладно! — И еле слышно прошептал: — Майснер, Рунцхаймер, Брандт.

— А через фронт не страшно переходить?

— Что я, маленький?

И по тому, как он это сказал, по тому, как вздохнул, Дубровский понял, что этот вопрос слышит он не впервые и отвечать на него ему надоело.

— Ты, Виктор, не сердись. Может, я глупость сказал. Это от волнения, от радости, что я тебя увидел. Так что извини, браток, все мы за тебя переживаем.

И видимо, это признание растрогало мальчугана. Он вдруг преобразился, с него мигом слетела напускная солидность. Он быстро заговорил:

— Дядя Леня, мне только в темноте чуток страшно. Будто чудище какое на меня броситься может. А немцы? Наоборот, когда в темноте слышу их разговор, даже легче становится. Вроде бы люди рядом. Прислушаюсь, обойду стороной — и дальше, в темень от них. Страшно-вато, но ничего. Надо — иду.

— К следующему разу я тебе справку достану. Вроде бы как пропуск у тебя будет, — сказал Дубровский. — А пока так пойдешь.

— У меня документов никто не спрашивает. Если остановят, поплачу немного, что родителей не могу найти. Они всегда отпускают. Я же им не говорю, что мне пятнадцать, говорю, что двенадцать лет. Откуда мне документы взять?

— И то правда. Может, без документов тебе даже сподручнее. Ну, айда в дом. Попрощаюсь с Алевтиной и тоже пойду. Мне уже пора.

Они поднялись.

— Да, чуть не забыл, — спохватился Дубровский. — Я там, в записке, об одной женщине написал. Так вот передай Владимиру Ивановичу, что это очень опасная преступница. Она немецкая шпионка. Уже ходила к нам

в тыл и убила советского командира. Принесла немцам ценные сведения. За это они наградили ее орденом. Скоро она снова собирается на ту сторону. Ее надо поймать во что бы то ни стало. Запомнишь?

— Конечно. Я это ему обязательно передам. Такую гадину непременно изловить надо.

Они зашли в дом, прошли в комнату Алевтины. Та уже уложила дочку. Посреди стола стояла дымящаяся кастрюля. По комнате разносился аромат вареной картошки.

— А я уже за вами хотела пойти, — сказала Алевтина. — Садитесь, будем ужинать.

— Нет, нет, спасибо. Мне пора уходить. А вот Виктора покормите. Он завтра утром в путь отправляется. Ну, Виктор, счастливо тебе добраться. До свидания! — Дубровский протянул руку.

Мальчуган без тени смущения, как равный, подал ему свою.

— До свидания, дядя Ленья. Сделаю все, как вы просили.

— И привет не забудь передать.

— Ладно.

Алевтина вышла проводить Дубровского.

— Леонид, зачем ты его торопишь, — шепнула она в сенях. — Пусть бы парень пожил у нас несколько дней.

— Нельзя! Не время ему здесь засиживаться. Завтра утром разбуди его пораньше, накорми на дорогу, и пусть отправляется в Малоивановку. Там ведь о нем тоже беспокоятся.

— Хорошо. Так и сделаю.

— Ну, а с подругой своей ты еще не переговорила? Не забыла про Макса?

— Про чеха твоего не забыла. Но с Ниной еще не виделась. Вчера боялась из дома уйти — все тебя ждала. Сегодня, сам видишь, время уже позднее. Завтра поговорю с ней, а там через день-два и встретимся.

— Устраивает. Завтра не обещаю, а послезавтра постараюсь к тебе заглянуть. Кстати, ты говорила, что до войны в самодеятельности участвовала.

— Да.

— Почему бы тебе не заняться этим делом сейчас?

— Не понимаю, что ты имеешь в виду?

— Тут местные власти под эгидой немцев создают что-то вроде концертной бригады. Если согласна, я мог бы

тебя пристроить. Это ведь тоже работа. И хлебную карточку получишь.

— Если можно, я бы не отказалась.

— Значит, договорились. А пока получай аванс. — Дубровский достал из кармана деньги, переданные ему Виктором, отсчитал сто марок и протянул их Алевтине. — На, возьми.

— Зачем это? Тебе и самому деньги нужны.

— Бери, бери, не теряй времени. Мне и без того хватит.

— Спасибо, Леонид!

Алевтина смущенно взяла измятые марки, зажала их в кулаке.

— До свидания! — Дубровский быстрым шагом вышел на улицу.

Прекрасное настроение не покидало его всю дорогу. Встреча с Пятеркиным вселила уверенность. За все время службы у немцев он впервые ощутил прилив новых сил. И все невзгоды — недружелюбные, осуждающие взгляды жителей, проживание в одной комнате с Потемкиным — казались ему теперь столь незначительными по сравнению с тем, что он делает для своего народа, что о них не хотелось думать.

Окрыленный, вернулся он к себе в комнату. Потемкина не было. Дубровский зажег керосиновую лампу и только теперь вспомнил, что не успел уничтожить расписку Гаврилы Крючкина. Он извлек ее из заднего кармана брюк, поднес к огню. Уголок листка начал желтеть и тут же вспыхнул ярким пламенем. Дубровский дождался, пока пламя не охватило всю расписку, и лишь тогда положил тлеющий листок на одну из грязных тарелок, оставленных на столе после ужина. Когда бумага превратилась в комочек пепла, он растер его между ладонями и стряхнул руки у распахнутого настежь окна.

С востока катились отзвуки далекой артиллерийской канонады. В южном, иссиня-черном небе сверкали россыпи мерцающих звезд. Где-то на большой высоте назойливо рокотал мотор неизвестного самолета. «Сколько людей не спят! Сколько их притаилось в этой темной, загадочной ночи! — подумал Дубровский. — Возможно, и капитан Потапов тоже не спит в своей хате. А может быть, он на передовой, может, переправляет через фронт новых разведчиков?»

Уже раздевшись и забираясь под одеяло, Дубровский вновь вспомнил о Пятеркине. Нет, он не волновался за него. Почему-то он твердо верил, что этот мальчонка проскочит через линию фронта и доставит его донесение командованию третьей ударной армии. И он не ошибся. Интуиция не подвела его. Через четыре дня Виктора Пятеркина, уставшего и возбужденного, доставили с передовой к Потапову.

11

Лейтенант, который привез Пятеркина в старой, потрепанной, выдавшей виды эмке и решивший, что его заставили сопровождать сынишку какого-то большого начальника, стал невольным свидетелем того, как молчаливый, застенчивый паренек бойко отрапортовал капитану о выполнении боевого задания. А когда удалился лейтенант, высвободившийся из объятий капитана Потапова мальчуган тут же уселся на пол, снял ботинок, достал из него потертую, грязноватую бумажку, обутый лишь на одну ногу, с ботинком в руке, вновь подошел к Потапову и с чувством величайшего достоинства передал ему эту бумажку.

— От Борисова! — сказал он.

— Молодец, Виктор! Отыскал-таки! Ну, рассказывай! Все по порядку рассказывай! — попросил Потапов.

Виктор уже уселся на предложенную табуретку и, радостно поглядывая на капитана, увлеченно заговорил:

— Фронт я перешел с разведчиками. Они и «языка»-то при мне взяли. За ночь я много прошел. Наверное, километров пять, а то и шесть. Днем в старом стоге отсиживался, а ночью опять шел. К утру далеко уже был. Самарские хорошо встретили. Евдокия Остаповна за письмо благодарила, обрадовалась, что муж живой. Я сказал, что Дубровского разыскиваю. Они ему отписали, что я у них нахожусь. Тогда он за мной какую-то тетку прислал. Она меня к нему и водила.

— Куда водила? Где он? — нетерпеливо спросил Потапов.

— В Кадиевке он. Работает переводчиком в... Гоголь, Фадеев, Пушкин! — тихо прошептал Пятеркин. — В ГФП-721. Это полевая полиция шестой армии. Еще он вам про женщину пишет. Это шпионка ихняя. Ее обя-

зательно изловить надо. Он сказал, что она преступница опасная.

Последние слова Пятеркина Потапов почти не слышал. Он развернул донесение Дубровского и впился глазами в неровные строки.

— Так, так. И это важно. И это, — приговаривал он. — А это еще одно подтверждение переброски вражеских войск с нашего фронта. Молодец Леонид! — Потапов оторвал взгляд от листочка бумаги и улыбочиво посмотрел на Виктора: — А ты, малыш, молодец! Превеликая тебе благодарность.

— Какой же я малыш? — обидчиво проговорил Виктор. — Мне пятнадцать еще в феврале исполнилось.

— А ты не сердчай, то я так, на радостях. Уж очень обрадовал ты меня донесением от Дубровского. А так какой же ты малыш, когда такие великие дела творишь! — попытался отшутиться Потапов. — К правительственной награде представлять тебя будем. А когда орден получишь, кто ж тебя малышом назовет? Огромный ты человек, Пятеркин. Так что зря обижаешься. Ты вот лучше расскажи мне, как тебя Леонид встретил? Как он выглядит? Что на словах просил передать?

— Я ж говорю. Просил передать, что работает в ГФП-721 переводчиком. Ходит в немецкой форме и пистолет в кобуре носит. Это полевое гестапо. Штаб в Сталино. Комиссар Майснер — начальник. А в Кадиевке секретарь Рун... Руц... Рунцхаймер командует. А в Таганроге — Брандт. Еще сказал, чтобы я недельку отдохнул, а потом назад в Малоивановку возвращался. Если понадобится, он меня оттуда письмом вызовет. Или опять кого-нибудь за мной пришлет.

— А что, в Кадиевке негде тебя пристроить?

— Почему негде? Я там два дня у одной женщины жил. У той, которая в Малоивановку за мной приходила. Тетя Аля ее зовут. Она с бабкой живет. Комнатка у нее маленькая. Я там на полу спал. Она мне говорила, что дядя Леня ей жизнь спас.

— Почему же он тебя у нее поселить не хочет?

— Кто его знает. Ему виднее.

— И то правда. Ему действительно виднее, — вздохнул Потапов. Потом, спохватившись, спросил: — Ты день-ги-то не забыл ему передать?

— Передал все полностью, — хмуро сказал Виктор, поднимаясь с табуретки.

— Неужто опять обиделся?

— А чего зазря спрашивать, будто я забывчивый?

— Знаю, что не забывчивый, а для порядку спросить обязан. И не к лицу тебе на старших губы дуть. Твое дело отвечать, а мое спрашивать. Я ведь про все знать должен. И не серчай, ежели что не так. Я же на тебя не сердился, когда ты в санатории по лягушкам стрельбу открыл.

— Да я не сержусь, Владимир Иванович! Я, наоборот, довольный очень.

— А рана не беспокоит?

— Не-е. Я про нее забыл, про рану-то. Совсем не болит.

— Ну, тогда рассказывай, что на той стороне наблюдал. Как немцы?

— Пушек у них меньше стало. Раньше-то, когда мы с Леонидом шли, считай, за каждым пригорком стволы торчали. А сейчас нет. Позиции для пушек понарыты, да так и стоят пустые. Редко где батарею увидишь. И танков тоже не так густо, как раньше... Только в Алчевске на краю города я их видел. Девять штук насчитал. Они там недалеко от дороги выстроились. Там же и зенитные пушки стояли — четыре штуки.

Внимательно слушая рассказ паренька, Потапов карандашом делал пометки в своем блокноте. А Виктор спокойно говорил, временами умолкал, чтобы припомнить, и вновь продолжал, будто пересказывая школьному учителю хорошо выученный урок. И лишь когда он заговорил о железной дороге, вдоль которой лежал его путь, Потапов оторвал взгляд от блокнота.

— Я там в кустарник передохнуть присел, устал очень. Пока сидел, эшелонов десять проследовало. К фронту крытые вагоны и платформы пустые шли. А на запад, в сторону Дебальцево, танки везли и пушки, и солдаты, конечно, с ними. А еще между Кадиевкой и Алчевском аэродром немецкий видел. Шестнадцать самолетов там было.

— А какие самолеты? С одним мотором или с двумя — торопливо проговорил Потапов.

— Это истребители. «Мессершмитты» называются. Их сразу узнал. Кончики крыльев у них будто обрубленные.

А двухмоторных бомбардировщиков ни одного там не видел.

— Молодец! Ты, Виктор, оказывается, и в авиации разбираешься.

— Интересуюсь. Я же летчиком хочу стать, когда вырасту.

— А что? У тебя получится. Парень ты храбрый, сообразительный. Такие в авиации нужны. Если потребуется, я сам тебя рекомендовать буду. Возможно, когда-нибудь и меня, старика, на своем самолете в небо поднимешь.

— Сперва немцев прогнать надо.

— И то верно.

За окном послышался нарастающий гул, к которому вскоре примешался лязг и скрежет гусениц. Потанов, а за ним и Пятеркин подошли к распахнутому настежь окну как раз в тот момент, когда первый танк прогромыхал мимо хаты. За ним в клубах пыли проследовал второй, потом третий.

— Четвертый, пятый, шестой... — считал вслух Пятеркин.

Досчитав до двадцати семи, он сбился со счета. А танки все шли и шли, и казалось, не будет конца этому безудержному грохоту, переполившему всю округу.

— Вот она, силища! Смотри, Виктор! — прокричал Потанов. — К фронту подтягиваемся! Скоро так ударят по немцу, что небо жарко станет!

Возбужденный, радостный, капитан положил руку Виктору на плечо и по-отечески ласково притянул его к себе.

— Эх, нам бы в сорок первом такую мощь — давно бы в Берлине были, — проговорил он, провожая взглядом последний танк. — Ну да что теперь говорить. Впредь умнее будем.

— Они что, уже в наступление пошли? — спросил Виктор.

— Ишь ты какой шустрый. До наступления дело еще не дошло. Но и оно не за горами. А пока отдохнуть надо, сил набраться. Вот и тебе тоже. Отдыхай, набирайся сил.

— Что, опять в санаторий?

— Если хочешь — можно и в санаторий. А надо ли? Ты ведь теперь здоровый. Может, на недельку домой отправишься? С матерью поживешь. Она небось по тебе истосковалась.

Виктор молча кивнул.

— Вот и договорились. Я тебе сейчас записку напишу. Пойдешь с ней на продовольственный склад, получишь продукты. Матери отнесешь. А то неудобно разведчику с пустыми руками домой возвращаться! — рассмеялся Потапов.

— А я не знаю, где он находится, этот склад.

— Не беспокойся, найдем. Я тебе для такого случая сопровождающего выделю.

Капитан Потапов присел к столу, быстро написал что-то на листочке бумаги. Потом позвонил по телефону и попросил прислать к нему сержанта Метелкина.

— С этим Метелкиным и пойдешь, — обратился он вновь к Виктору. — Он там, на складе, все тебе сделает. Если надо, и до дома тебя проводит. Так что отдыхай. Ровно семь дней в твоём распоряжении. Постарайся надолго из дому не отлучаться. Может, понадобится, тогда я за тобой автомашину пришлю.

В дверь постучали.

— Да-да! Войдите! — разрешил Потапов.

В комнату шагнул молодцеватый сержант и, приложив руку к пилотке, доложил по форме.

— Вот и Метелкин. Прошу любить и жаловать, — сказал Потапов Виктору. И тут же, обращаясь к сержанту, добавил, кивая на Пятеркина: — А это наш боевой товарищ. Только что вернулся после выполнения ответственного задания командования третьей ударной армии. Поэтому прошу отнести к нему чутко и достойно. А задача у вас такая. Пойдете с ним на продовольственный склад, вот по этой записке получите для него продукты и проводите домой в город. Запомните, где он живет. Через несколько дней я вас за ним и пошлю. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан! Будет исполнено!

— Вот и прекрасно. Ну, до свидания, Виктор. До скорой встречи! — Капитан поднялся из-за стола и, подойдя к Пятеркину, протянул ему руку. — Да! Не забудь матери привет от меня передать.

— Передам, Владимир Иванович! Обязательно передам. До свидания!

* * *

Как только за Виктором закрылась дверь, капитан Потапов подошел к телефонному аппарату и вызвал авто-

машину. Затем, присев к письменному столу, он достал донесение Дубровского и еще раз внимательно его перечитал.

А через полтора часа он уже докладывал начальнику особого отдела фронта. Высокий, тучный полковник с двумя орденами боевого Красного Знамени на гимнастерке молча выслушал капитана и, улыбаясь, проговорил:

— Что ж, поздравляю! Начало хорошее. Свой человек в тайной полевой полиции — это уже немало. Теперь необходимо поставить ему конкретные задачи. И главное, не разменивайтесь по мелочам. Насколько нам известно, ГФП выполняет не только карательные функции. Этот контрразведывательный орган предназначен еще и для вербовки агентов, засылаемых в расположение наших войск. — Полковник поднялся из-за стола и прошелся по комнате. Деревянные половицы деревенской хаты поскрипывали под его ногами. — Таким образом, деятельность Борисова не должна ограничиваться сбором сведений о предателях Родины на местах. Наибольшую ценность будут представлять донесения об агентах, готовящихся к переброске на нашу сторону. Пусть Борисов обратит на это особое внимание.

— Ясно, товарищ полковник! Эти указания будут переданы Борисову с первой же оказией.

— Когда собираетесь отправить к нему, связника?

— Он просил через неделю. В этот срок и отправим.

— Хорошо! А теперь в отношении Светланы Поповой. У вас есть конкретные предложения?

— Ориентировка довольно трудная, товарищ полковник. В словесном портрете нет ни одной характерной детали. Хоть бы какая-нибудь родинка, какой-нибудь физический недостаток!..

— Согласен. Но ловить все равно придется. Причем брать ее надо тепленькой. Холодненькой она нам погоды не сделает. Было бы идеально, если бы смогли ее обнаружить и совсем не брать.

Капитан Потапов настороженно посмотрел на полковника.

— Да-да! — сказал тот, присаживаясь к столу. — Нам необходимо подsunуть немецкому командованию дезинформацию. Наилучшим образом это может сделать Светлана Попова. Подключим к ней старшего лейтенанта Воробьева.

— Красавец царень! — проговорил Потапов, пачиная понимать замысел начальника.

— Косая сажень в плечах, — поддержал тот. — Наде-нем на него форму полковника. Чем не офицер оператив-ного управления фронта? Снабдим его оперативной кар-той. Пусть немцы над ней головы поломают. Это просьба самого командующего фронтом.

— Прекрасная мысль, товарищ полковник! Меня сму-щает лишь одно обстоятельство...

— Какое?

— Светланы Поповой пока нет. Ее еще обнаружить надо.

— Это верно. В зависимости от поставленной цели и соответствующее обеспечение выделяется. Возьмем ее по-иск на предельный режим. Мобилизуем всех специалистов для решения этой задачи. Думаю, пустышку не потянем. Не должны потянуть пустышку. Не имеем права. На то нас и держат.

— Это точно, — согласился капитан.

А полковник, переходя на деловой, официальный тон, продолжал:

— Немедленно размножьте словесный портрет. Разо-шлите его в особые отделы частей и соединений, в наши отдельные подразделения. Я дам строгое указание, чтобы ее не спугнули.

Потапов усмехнулся. Полковник бросил на него не-одобрительный взгляд.

— Извините, товарищ полковник! Не сдержался. Поду-мал, что ей и во сне не снилось, чтобы вся наша служба ее охраняла от задержания.

— Да! Ситуация действительно необычная, — улыбнул-ся полковник. — Но ничего. На этот раз благополучно к немцам вернется. А уж в следующий мы с ней поквитаем-ся. Теперь за дело. Время не терпит. Свяжитесь с наши-ми людьми в штабе тыла. Выясните, кто из вольнонаемных женщин исчез в последнее время.

— Возможно, ее по семейным обстоятельствам в от-пуск пустили? — вставил капитан Потапов.

— Не думаю. Но если есть такие — проверить и их. В отделе кадров тыла снять копии с их фотографий. Ду-маю, если она работала у нас даже под чужим именем, сличение фотографии со словесным портретом поможет выявить ее подлинное лицо. А это уже кое-что... Итак, не

теряйте времени. Соответствующее указание службам я дам незамедлительно.

Полковник встал, давая понять, что разговор окончен.

— Я немедленно займусь этим делом, — сказал капитан Потапов, поднимаясь со стула.

— Желаю успеха. О всех мероприятиях и результатах по этому делу докладывать мне каждые шесть часов.

— Слушаюсь!

Капитан Потапов направился к двери, а полковник взял телефонную трубку.

Солнце еще не успело скатиться за горизонт, когда фотография Светланы Поповой уже лежала на столе начальника «Смерш» фронта.

12

В последних числах мая солнце начисто выжгло траву. Земля пересохла от жажды. Даже чуть приметный легкий ветерок, неведь откуда нарождавшийся в знойном мареве, поднимал над степью вьющиеся столбики пыли. Жара изнуряла. Раскаленный воздух затруднял дыхание. И лишь вечерами, когда раздумянное светило уползало за горизонт, дышать становилось легче.

В один из таких вечеров, изрядно набегавшись за день с поручениями Рунцхаймера, Леонид Дубровский вернулся в свою комнату с единственным желанием отдохнуть. Потемкин еще накануне был командирован в Тагапрог на три дня. Дубровский снял куртку, стянул с себя влажную майку. Его взгляд скользнул по расстеленной на столе газете и остановился на заголовке, набранном крупным шрифтом: «ПОСЛЕДНИЕ СООБЩЕНИЯ». Это была местная газета, выпускавшаяся на русском языке под эгидой бургомистра и под неусыпным надзором Рунцхаймера.

Дубровский присел на краешек стула и начал читать сообщение из главной квартиры фюрера.

«На всех фронтах происходили бои местного значения. У кубанского предместного укрепления и у Новороссийска продолжались ожесточенные воздушные бои, в которых порой участвовало по несколько сот самолетов. Германская авиация производила весьма успешные налеты на военные объекты по среднему течению Волги и бомбардировала станцию Елец.

Германская и итальянская авиация многими последовательными волнами налетала на десантные войска и суда неприятеля, производившего высадку на острова Пантеллерия и Лампедуза. При этом был потоплен морской транспорт в 8000 тонн и 14 десантных ботов. Трех крейсерам и 14 другим военным кораблям, среди них несколькими минососцам, равно как и 6 транспортным пароходам, были нанесены повреждения настолько сильные, что многие из этих судов можно считать погибшими...»

«Ничего не скажешь, точнейшая информация! — усмехнулся Дубровский. И тут же подумал: — Лень даже цифры разные придумывать: 14 ботов потопили и столько же повредили. Да еще утверждают, что их можно считать погибшими».

Взгляд его снова побежал по строчкам:

«Прошлой ночью британские бомбардировщики произвели налет на Западную Германию. От воздушных бомб особенно пострадало население города Бохума. Здесь повреждено много жилых зданий и 2 больницы, 23 из налетевших бомбардировщиков были сбиты».

На этом сообщение из главной квартиры фюрера заканчивалось. Но рядом в колонке пестрели абзацы с различной информацией.

«Вчера сильное соединение германских бомбардировщиков бомбардировало английский город и порт Плимут, где возникли огромные пожары, — продолжал читать Дубровский. — Одновременно бомбардировались также важные военные объекты в южной Англии».

Взгляд перескочил на соседнюю колонку:

«В заключение министр отметил, что количество рабочих в военной промышленности все растет, что в строй вступают все новые и новые заводы. Запросы фронта родной выполняются в кратчайшие сроки и в полном объеме. Фронт может быть спокоен — тыл ему будет доставлять больше оружия, и все лучшего качества. Только за один май 1943 года мы выпустили больше тяжелых танков, чем за весь 1941 год».

Далее Геббельс в своем выступлении сказал:

«Мы выжидаем, но только совсем в другом смысле, нежели думают враги. Фронт на Востоке стоит непоколебимо. Целый поток нового оружия и боеприпасов течет на Восток. Конечно, вы не станете требовать, чтобы я хоть словом обмолвился о ближайших намерениях нашего

командования на Востоке. Могу сказать лишь одно: немецкий народ может быть совершенно спокойным; колоссальные напряжения его в течение тотальной войны не были напрасными. В один прекрасный день они будут использованы. Когда? И где? Пусть над этим поломают головы наши враги. Могу лишь заверить немецкий народ, что день сокрушительного разгрома России, а за ней и ее союзников гораздо ближе, чем это можно предположить».

Дубровский поморщился, поднялся со стула и прошелся по комнате. За окном уже сгущались сумерки.

«А что, если они действительно собрали новый мощный кулак и намереваются начать очередное летнее наступление? Недаром же несколько дивизий вермахта ушли с нашего фронта на север. Вероятно, где-то на центральном участке Гитлер готовит реванш за поражение под Сталинградом. Возможно, именно об этом так прозрачно намекает доктор Геббельс. Знает ли советское командование о конкретных планах немцев? Сумеют ли наши выстоять этим летом? Конечно, гитлеровцы уже не те, что были в сорок первом. Но и сейчас у них большая сила. А впрочем... — Дубровский вспомнил двух дезертиров, пойманных всего несколько дней назад и доставленных в ГФП к Рунцхаймеру. — Да-а, эти уже не вояки... Видно, плохи дела, если и того и другого по просьбе командира армейского корпуса Рунцхаймер приговорил к расстрелу».

Дубровский вспомнил, как выглядел этот показательный расстрел. Вместе с Рунцхаймером он приехал на плац в расположение одного из полков. Перед огромным каре выстроившихся войск вывели этих двух, приговоренных к смерти. Сам генерал Рекнагель зачитал приговор и произнес короткую, но устрашающую речь. Потом прогремел залп. Дубровский был потрясен. Впервые на его глазах немцы стреляли в немцев. Рунцхаймер был зол в тот день и твердил не переставая, что и среди немцев появились трусы, что если не искоренить эту заразу в германской армии, то она может погубить нацию.

Перед мысленным взором Дубровского вновь возникли перепуганные, искаженные страхом лица немецких дезертиров, которые с недоумением взирали на происходящее и все еще не верили, что это конец. Каждому из них не исполнилось и девятнадцати, и, быть может, потому они с детской наивностью поглядывали на генерала, ожидая

после назидательной речи услышать из его уст слова прощения.

И невольно вслед за немецкими дезертирами в памяти возникли образы девчонок из Первомайки, советской парашютистки, не сломившейся на допросах у Рунцхаймера, Михаила Высочина и конечно же не по-детски серьезное лицо Виктора Пятеркина.

«Где-то ты сейчас, мой храбрый маленький друг, мой бесстрашный связной? — подумал Дубровский. — Добрался ли ты до капитана Потапова? Скоро ли подашь о себе знать?»

Со дня на день ожидал Дубровский весточки о возвращении Виктора к сестрам Самарским. Уже много новых сведений успел накопить он для передачи через линию фронта. Потому-то с таким нетерпением ждал своего связного. Но война сурова и безжалостна. Люди гибли не только на фронтах. И естественно, Дубровский не знал, что больше никогда не увидит Виктора Пятеркина.

Нет, не вражеская пуля, не снаряд, не бомба настигли маленького разведчика. Невероятный, непредвиденный случай оборвал его короткую жизнь. Школьные товарищи, проживавшие с Виктором на одной улице, отыскиали в степи проржавевший немецкий пистолет. Долго мыкались с ним, пытаясь извлечь обойму. Но все их старания были тщетны. В эту пору и подоспел к ним Виктор. Узнав, в чем дело, он с видом знатока вызвался помочь друзьям. Взяв пистолет в руки, он авторитетно заявил:

— Перво-наперво его надо поставить на предохранитель, чтобы не выстрелил.

Но передвинуть предохранитель было тоже не просто. Ржавчина уже изрядно въелась в металл. Прилагая невероятные усилия, чтобы передвинуть защелку, Виктор долго вертел пистолет в руках. И наконец защелка сдвинулась с места и со скрежетом приняла нужное положение.

— Во! Теперь он ни за что не выстрелит, — сказал Пятеркин и, взведя курок, протянул пистолет одной девчонке: — На! Стреляй хоть в меня... Не бойся, ничего не будет.

Девочка подняла пистолет на уровень глаз и спустила курок. Раздался оглушительный выстрел. Виктор Пятеркин двумя руками схватился за грудь и словно подкошенный повалился на землю. Как выяснилось впоследствии,

патрон уже был в канале ствола, а найденный ребятами пистолет стоял на предохранителе.

Виктора Пятеркина хоронили с почестями. И сегодня одна из улиц Ворошиловграда носит имя этого храброго паренька.

А Дубровский ждал, ждал...

Был душный майский вечер. Дубровский прилег на кровать и задумался: «Сегодня тридцать первое мая. Сколько же можно еще тянуть? Ведь Светлана Попова, вероятнее всего, уже на той стороне — вершит свои черные дела. Чего я стою, если капитан Потапов до сих пор не знает о ней, не знает, где я, чем занимаюсь. Необходимо немедленно подыскать человека. Надо вместе с новым донесением о себе повторить старое, то, что было послано с Пятеркиным. Жалко, если Виктор погиб. А может, ранен? Но откладывать нельзя. А кого послать? Алевтина Кривцова, вероятно, откажется — у нее на руках дочка. А если рискнуть и связаться с Михаилом Высочиним? Нет. Этот вряд ли поверит мне. Да и где его теперь сыщешь? Наверно, скрывается по тайникам. А что, если махнуть самому на ту сторону? — От этой мысли Дубровский даже съезжился. Он представил себе суровое лицо капитана Потапова, его осуждающий взгляд. И сам себе ответил: — Что же ты? Столько сил, столько выдержки и старания потрачено на внедрение к немцам, да еще в гестапо, и все это ради одного донесения?! Не слишком ли дорого? К тому же война еще в самом разгаре. Нет, Потапову я нужен здесь, а не там. Надо выждать еще несколько дней. А попутно искать подходящего человека для перехода через линию фронта».

Приняв окончательное решение, Дубровский заставил себя уснуть. Разбудил его громкий стук в дверь. Леонид открыл глаза, присел на кровати. Непотушенная керосиновая лампа излучала со стола желтый, тусклый свет.

— Кто там? — громко спросил Дубровский, протирая глаза.

— Это я, Макс! Ты что, спишь?

— Уже не сплю! Заходи, Макс!

Дверь со скрипом приоткрылась, и Макс Борог переступил порог комнаты.

— Сейчас только половина одиннадцатого. Я не думал, что ты так рано уляжешься спать, — оправдывался он, вглядываясь в сонное лицо Дубровского. — К тому же

у тебя горит свет, а твой сосед, как мне известно, в Таганроге.

— Ничего, ничего, Макс! Проходи, присаживайся.

Макс Борог неуверенной походкой подошел к столу, медленно опустился на стул.

— Ты где-то успел уже выпить? — спросил Дубровский.

— Да! Я этого не скрываю.

— Где же? И по какому поводу?

— Зашел в гости к одному чеху. У него нашлась бутылка шнапса. Мы ее вдвоем осушили. Жаль, что тебя не было.

— По-моему, вы и без меня с ней хорошо управились...

— Ты, Леонид, все шутишь. А мне гадко. На душе гадко.

— А что случилось?

— Вспомнили мы с приятелем Прагу. Вспомнили, как встретились там в мае прошлого года. То были тяжелые времена для чехов.

— Расскажи, я не могу припомнить.

— В мае было покушение на Гейдриха. А потом полились реки чешской крови. Сегодня мы с приятелем припомнили приказ Карла Германа Франка. Он тогда так написал в приказе. Слушай, Леонид, внимательно: «Предписываю в служебное и неслужебное время обязательно применять огнестрельное оружие при малейшем подозрении на оскорбительное отношение со стороны чеха либо при малейшем сопротивлении при аресте. Лучше десять чехов мертвых, чем один оскорбленный или раненый немец!» Вот как. Я этот абзац из его приказа наизусть помню. На всю жизнь он в моей памяти останется. Ровно год назад этот приказ вышел. Вот мы с моим другом, Фраптишеком, и выпили по этому поводу.

— А вы что в Праге делали? В отпуск, наверно, ездили?

— Нет. Я в ту пору в криминальной полиции служил. А потом, после покушения на Гейдриха, меня на фронт в полевую жандармерию назначили. Понятно, в Праге чехов на немцев стали менять.

— Постой, постой, Макс! Как это чехов на немцев менять стали? — не понял Дубровский.

— Это просто. Долго не могли обнаружить убийц Гейдриха,— продолжал Макс Борог.— За их поимку даже

десять миллионов крон обещали. А как их поймашь, если неизвестно, где они спрячутся. А немцы думали, что чехи в полиции их покрывают. Вот и решили, чтобы в полиции побольше судетских немцев было. Чехов — на фронт, а немцев — в полицию. Понял теперь?

— Теперь понял. Что ж, так и не поймали тогда убийц Гейдриха?

— Почему не поймали? Поймали. Только они живыми не дались. Кто в перестрелке погиб, а кто пулю в висок — и готово. Ты не думай, чехи тоже умирать умеют. Смотри за что, конечно.

— А за что бы ты мог умереть, Макс?

Осоловелыми глазами Макс Борог уставился на Дубровского. Какое-то мгновение он сидел молча, туго соображая, о чем его спрашивают. Потом икнул и погрозил Дубровскому пальцем.

— Если тихо, то можно! — членораздельно проговорил он.

— Что «если тихо»?

— Ты Ярослава Гашека знаешь?

— Конечно читал. А при чем тут Гашек?

— Я хочу напомнить тебе слова Швейка...

— Ну давай, Макс. Послушаю, как у тебя это получится.

— Так вот, однажды у Швейка спросили: «Здесь стрелять можно?» И знаешь, что бравый Швейк ответил?

— Нет. Не помню.

— Он ответил: «Если тихо, то можно!» Теперь тебе ясно, почему я так сказал?

— Теперь ясно.

— Вот и хорошо, Леонид. Спасибо тебе и твоей даме за то, что вы познакомили меня с хорошей русской девушкой. Она мне действительно понравилась. Давай встретимся с ними еще раз, а то мне одному неловко.

— Ну, раз такое дело, завтра же договорюсь с Алевтиной — и пойдем вместе в кино. Говорят, новый фильм стали показывать.

— Да-да! «Моя любовь» называется.

— Вот видишь, и название подходящее. Только бы Рунцхаймер другую работу нам не придумал.

— Нет. Я сейчас заходил к дежурному. Там телефонограмма есть от полицейкомиссара Майснера. На завтра Дылду к пятнадцати часам вызывают в Сталино. По

какому-то срочному и важному делу. Поэтому можешь считать, что вечер и ночь наши.

— Значит, договорились.

Со двора послышался радостный лай Гараса. Засидевшийся пес опрометью носился от гаража к воротам и опять к гаражу. В ответ ему откуда-то издалека тявкнула какая-то собачонка, но громкий лай Гараса заглушал все.

Под окном захрустел гравий. В луче тусклого света показался Рунцхаймер. Подойдя поближе, он заглянул в оконный проем:

— Господин Дубровский, а что, наш Алекс еще не вернулся из Таганрога?

— Никак нет, господин фельдполицайсекретарь! Я думаю, он сразу доложил бы вам о своем прибытии!— Леонид подошел к окну.

— Вероятнее всего, он сделал бы именно так. Но вы с кем-то разговариваете, и я решил, что это Алекс.

— О нет, господин фельдполицайсекретарь! Это я, фельдфебель Борог!— Макс вскочил со стула и отошел от стены, за которой Рунцхаймер не мог его разглядеть.

— А почему вы здесь?

— Просто так, зашел к господину Дубровскому поболтать перед сном.

— Ну что ж, каждый отдыхает как ему вздумается.

Подбежавший к окну Гарас встал на задние лапы и, упершись передними на подоконник, обляял Дубровского и Макса Борога. Поэтому ни тот ни другой не расслышали последних слов, произнесенных Рунцхаймером. Но оба одобрительно закивали в знак согласия.

— Спокойной ночи, господа!— произнес Рунцхаймер, отогнав от окна Гараса.

— Приятного сна, господин фельдполицайсекретарь!— почти одновременно проговорили Макс Борог и Дубровский.

Через несколько минут и Гарас, и его хозяин скрылись в своей обители.

— Не понимаю,— задумчиво проговорил Борог,— как можно любить собаку и так ненавидеть людей. Только добрый человек умеет любить животных.

— Знаешь, Макс, а я думаю, что Дылда не любит Гараса. Он почитает в нем силу и преданность. И гордится

им, как любой офицер может гордиться хорошим солдатом.

— Почему ты так думаешь, Леонид?

— Я уверен в этом. Доведись Гарасу, к примеру, сломать ногу, Дылда его лечить не станет. Он сам пристрелит его, чтобы не обременять себя лишними заботами.

— Пожалуй, ты прав, Леонид. Теперь я совсем по-другому понял самую любимую поговорку Рунцхаймера.

— Какую поговорку?

— Он часто любит повторять: «Хорошо, когда собака друг. Но каково, когда друг — собака!»

— Что ж, это к нему очень подходит! — улыбнулся Дубровский, уже слышавший ранее эту поговорку. — Таким образом, нам осталось определить, кто же из них собака.

Неожиданно он осекся на полуслове, поймав себя на мысли, что болтает лишнее и чересчур доверяется Максусу, который столь открыто высказывает свою неприязнь к немцам. И хотя Дубровский готов был поверить в искренность Макса Борога, внутренний голос предостерегал его. Правда, выдержка из приказа Карла Германа Франка, которую запомнил и процитировал Макс Борог, красноречивее всяких уверений говорила о кровной обиде чеха.

Тусклый свет керосиновой лампы еле освещал комнату. Крохотное пламя едва удерживалось на кончике фитиля.

Керосин кончается, а долить нечем, — сказал Дубровский. — Надо завтра наполнить лампу.

— А нам пора спать. Гаси свет и ложись. Я тоже пойду к себе.

Макс Борог направился к двери. Приоткрыв ее, он обернулся.

— Значит, завтра вечером пойдем в кино с нашими дамами?

— Обязательно, Макс. Как договорились.

Но не только в кино, даже встретиться с Алевтиной Кривцовой Дубровскому так и не довелось. На другой день, уже вечером, когда Леонид и Макс намеревались отправиться в город, вернулся Рунцхаймер. Еще не выходя из автомобиля, он крикнул подбежавшему с рапортом дежурному:

— Немедленно собрать по тревоге всю команду!

Выполняя приказ, дежурный объявил общее построение.

— Такого еще никогда не было, — сказал Макс Борог Дубровскому. — Видимо, случилось что-то важное.

Через несколько минут во дворе ГФП выстроились следователи и переводчики, водители грузовиков и охранники. Пробежав хмурым взглядом по лицам своих подчиненных, Рунцхаймер обратился к ним с краткой речью:

— В это напряженное время, когда по приказу фюрера наши доблестные войска готовят сокрушающий удар по врагу на Восточном фронте, гехаймфельдполицай семьсот двадцать один поставлена ответственная боевая задача. Концентрированными усилиями мы должны очистить тылы наших войск от партизанских банд, вражеских лазутчиков и диверсантов. Если мы не выполним эту задачу, то тем самым мы не выполним свой священный долг перед фюрером и фатерландом! — Он умолк. Вновь оглядел шеренгу, оценивая, какое впечатление произвели его слова. Потом, заложив руки за спину, прошелся вдоль строя. И вдруг вскинул голову и, приподнявшись на цыпочки, закричал низким фальцетом: — Но мы помним о своем долге, и мы с честью выполним его! Мы клялись в верности нашему фюреру Адольфу Гитлеру, который думает о нас и который приведет великую Германию к полной победе над ее врагами! — Опустившись на пятки, он продолжал: — И сегодня каждый из нас должен внести свою лепту в эту победу. Каждый на своем посту. Фюрер призывает нас безжалостно искоренять все, что мешает установлению нового порядка на этой освобожденной нами от большевизма земле. И мы сделаем все, что зависит от нас. Каких бы усилий это ни стоило.

Именно поэтому полицайкомиссар Майснер приказал в кратчайший срок перебросить нашу внешнюю команду из Кадиевки обратно в Сталино. Здесь мы уже сделали все, что было в наших силах. А там, в Сталино и его окрестностях, вновь поднимают головы партизаны. Не далее как вчера неподалеку от Сталино они вырезали семь метров подземного кабеля, который связывает ставку фюрера с командованием группы армий «Юг». И это в то самое время, когда ставка готовит решающий удар на советско-германском фронте.

Полицайкомиссар Майснер сообщил мне, что надеется на нашу команду, и приказал перебазироваться в Ста-

лино за сорок восемь часов. Четыре часа я потратил на обратный путь. Столько же потребуется, чтобы добраться туда. Таким образом, на все сборы в нашем распоряжении остается всего сорок часов, Но это предел. Я рассчитываю прибыть в Сталино хотя бы на час раньше назначенного срока. Вот почему я собрал вас по тревоге. Вот почему с этого момента я запрещаю кому бы то ни было отлучаться из расположения команды без моего ведома. Необходимо каждому собрать все документы, папки, протоколы допросов, за которые он отвечает. Неоконченные дела завершить этой же ночью. И помните, лучше расстрелять десять невиновных, чем упустить хотя бы одного бандита. История не простит нам слунтяйства и мягкотелости. Мы и так проявляем излишнюю доброту. Поэтому я призываю вас к твердости. Будьте безжалостны к врагам рейха, к врагам фюрера, а значит, и к нашим врагам.

Господ следователей и переводчиков прошу остаться. Остальные отправляются по своим службам готовить технику и имущество к перебазированию.

Словно кубики из пирамиды, рассыпались три ровные шеренги людей. Лишь чуть более десятка из них остались возле Рунцхаймера. Наиболее доверенных и приближенных Рунцхаймер пригласил к себе в кабинет.

— Господа,— обратился он к ним, когда все расселись,— полицейкомиссар Майснер сказал мне, что мы с честью справились с нашей задачей здесь, в Кадиевке. Он просил меня подготовить представление к наградам наиболее отличившихся. И я это сделаю сегодня же. Но, господа, это поощрение не только за ваши прежние заслуги, это своеобразный аванс на будущее. Полицейкомиссар Майснер надеется на вашу хорошую работу в Сталино. Он сообщил мне, что, к сожалению, не может в ближайшее время привлечь для работы в Сталино внешнюю команду фельдполицайсекретаря Брандта, которая так отличилась в Таганроге.

Люди Брандта действительно проявили мужество, находчивость и оперативность. В начале мая они схватили небольшую группу бандитов. В ходе следствия они кое-что выявили и сумели внедрить в партизанские отряды своих людей. И результат не заставил долго ждать. В руки внешней команды ГФП в Таганроге попал неплохо организованный партизанский отряд, насчитывающий бо-

лее двухсот человек. Судя по донесению Брандта, с которым меня ознакомил полицейский комиссар Майснер, этот отряд был хорошо вооружен. Во время ареста партизан люди Брандта обнаружили у них в тайниках большое количество винтовок, автоматов, пистолетов, гранат и патронов. Можете себе представить, что мог натворить такой отряд в Таганроге, если бы внешняя команда ГФП не обезвредила его вовремя.

Полицейский комиссар Майснер высказал предположение, что точно такие же партизанские отряды орудуют в Горловке и в Сталино. В этом шахтерском районе можно всего ожидать. Именно поэтому нас перебрасывают в Сталино, поближе к центру шахтерского края.

Почти всю ночь и весь следующий день сотрудники Рунцхаймера трудились в поте лица, готовясь к отъезду. Сам Рунцхаймер ездил за отчетами на биржу труда, инструктировал начальника русской вспомогательной полиции, подгонял следователей, которые не успевали закончить допросы, и тут же подписывал смертные приговоры. За сутки успели расстрелять более семидесяти человек. Многие из этих людей не были ни в чем виноваты, и беда их заключалась лишь в том, что они числились за ГФП-721.

Через тридцать шесть часов после возвращения Рунцхаймера из Сталино три крытых грузовика, переполненные сейфами, ящиками с документами и протоколами допросов, кроватями и матрацами, поверх которых восседали солдаты, выехали за ворота опустевшего двора и, рыча дизельными моторами, покатались к шоссе, ведущему в Сталино. На выезде из Кадиевки их обогнал «мерседес» Рунцхаймера. Рядом с водителем сидел Леонид Дубровский. Сам Рунцхаймер полулежа дремал на заднем сиденье. Гарас покоился у его ног.

13

Донецкая земля встретила Рунцхаймера и его команду проливным дождем. Еще в районе Горловки, на пути к Сталино, разглядывая мрачные терриконы, возвышавшиеся то по одну, то по другую сторону дороги, Дубровский приметил над горизонтом небольшую свинцовую тучу. Но по мере приближения эта туча росла и шири-

лась, хмурилась, расплзаясь по небу. Непроглядная хмарь опустилась на степь. Величественные терриконы уже не казались такими огромными.

Впереди показался город. Все стихло перед грозой. И вдруг рванул сильный, порывистый шквал. Он пронесся над пересохшей степью, поднимая с земли тучи пыли, разгоняя в разные стороны клубки перекати-поля, срывая зеленые листья с редких деревьев. Этот шквал упругого ветра с такой силой стеганул по машине, что Дубровскому на миг показалось, будто «мерседес» врезался в густую вязкую массу.

— В чем дело? — прозвучал над ухом сонный голос Рунцхаймера.

И словно в ответ по ветровому стеклу стукнули первые крупные капли, затем они расплзлись по пыльной поверхности неровными струйками, но в тот же миг были смыты целой лавиной дождя, обрушившегося на автомобиль.

Водитель притормозил, включил «дворники».

— Первый раз в жизни такое вижу, — сказал он.

— Молод еще. Поживешь побольше, не такое увидишь, — ответил Рунцхаймер. — Много влаги накопил всевышний, чтобы разом бросить ее на эту коварную землю. Такой дождь — хорошее предзнаменование. Скоро и германская армия вот так же обрушится на Советы. Мы прорвем фронт и неудержимо двинемся на Москву. Только падение Москвы может поставить точку в этой войне!

Я всегда преклонялся перед полководческим гением Наполеона. А он сказал в свое время, что если возьмет Киев, то возьмет Россию за ноги; если овладеет Петербургом, возьмет ее за голову; заняв Москву, поразит ее в сердце. Гениально. Не правда ли? А сегодня мы, немцы, держим Россию за ноги. Блокадой Ленинграда мы сдавили ей горло. Остается поразить ее в сердце — и война будет закончена. Вот почему мы готовим теперь удар в самом центре Восточного фронта. Вспомните мои слова, в ближайшие дни начнется решающая битва, которая положит конец этой войне.

Треск разорвавшейся молнии заглушил последние слова Рунцхаймера. Ее ослепительный свет вспорол свинцовое небо, осветил на мгновение степь. И разом могучий громовой раскат потряс землю.

— Глуши мотор! Переждем грозу! — приказал Рунц-

хаймер водителю, увидев, как загорелся грузовик, ехавший в каких-нибудь двухстах метрах впереди.

«Мерседес» остановился. К горящему грузовику бежали солдаты с других машин.

— Господин фельдполицайсекретарь, — обратился водитель к Рунцхаймеру, — разрешите пойти посмотреть?

— Сиди на месте. Там без тебя управятся. — И после недолгого молчания добавил: — Сейчас утихнет — и поедем дальше.

Между тем ярко-красное пламя охватило уже весь грузовик. Густой черный дым потянулся к тучам.

— Я тоже впервые вижу такое, — проговорил Рунцхаймер, ни к кому не обращаясь. — Знал, что молния может поджечь, но видеть не приходилось.

Мимо «мерседеса» пробежали солдаты, спешившие к месту пожара.

«Пожалуй, это действительно хорошее предзнаменование, когда молния поражает немецкий грузовик, — подумал Дубровский. Он глядел на танцующие языки пламени. — А что, если немцы и впрямь еще так сильны? Что, если этот мощный удар, о котором много разглагольствует Рунцхаймер, на самом деле будет неотразимым? Недаром же все газеты цитируют угрожающую речь Геббельса. И все-таки нет! Наши должны выстоять!»

Шквальный ветер утих так же неожиданно, как и начался. Зловещая, бушующая туча уползла дальше в степь, пронзая стрелами молний землю у горизонта. Но по-прежнему, не переставая, лил дождь, будто силясь погасить пламя на догорающем грузовике.

— Поехали! — приказал Рунцхаймер водителю.

«Мерседес» тронулся в путь по взмокшей дороге. Не прошло и десяти минут, как машина Рунцхаймера въехала в Сталино. Дождь все лил и лил, и потому улицы города были пустыни.

Вскоре «мерседес» остановился возле пятиэтажного каменного дома.

— Вот мы и приехали! — сказал Рунцхаймер. Он посмотрел на часы. — Одиннадцать тридцать. До шестнадцати часов еще целых четыре часа тридцать минут. Максимум через час наши грузовики будут здесь. Таким образом, я смогу доложить полицайкомиссару Майснеру, что его приказ выполнен раньше срока на целых три часа.

— Наверно, полицайкомиссар Майснер очень строг? — произнес Дубровский.

— Точность — это привилегия не только королей. Она присуща всей немецкой нации.

Дубровский промолчал и вслед за Рунцхаймером выбрался из автомобиля. Спасаясь от дождя, они быстро пересекли тротуар и, миновав автоматчика, стоявшего у подъезда, вошли в здание через большую массивную дверь.

— Интересно, что здесь было прежде? — как бы раздумывая вслух, спросил Дубровский, оглядываясь по сторонам.

— Здесь размещался советский банк, — ответил Рунцхаймер, не останавливаясь, и тут же добавил: — Вы подождите, пока подъедут наши. А я поднимусь к полицайкомиссару и доложу о прибытии.

— Будет исполнено, господин фельдполицайсекретарь! — отчеканил Дубровский по привычке.

К вечеру люди Рунцхаймера были размещены по комнатам на третьем этаже здания ГФП. И здесь Дубровского поселили вместе с Потемкиным, который повесил над своей кроватью фотографию немецкой кинозвезды, привезенную из Таганрога. Третью кровать занимал молодой украинец Грицко Рубанюк, служивший при штабе полицайкомиссара Майснера. Он-то и пригласил в первый же вечер Потемкина и Дубровского в казино, располагавшееся в подвале того же здания. Рубанюк оказался разговорчивым парнем и за ужином без умолку рассказывал новым знакомым о своих любовных похождениях.

— Девки здесь — во! — поминутно говаривал он, оттопыривая большой палец на правой руке.

Потемкин проявлял живой интерес к рассказчику. Дубровский же делал вид, что увлеченно слушает, а сам настойчиво думал о том, как найти связного, с которым можно будет направлять донесения капитану Потапову. Сразу же после ужина, несмотря на приглашение Рубанюка прогуляться по городу, он сказал, что устал после переезда, и отправился к себе в комнату. Потемкин тоже отказался от прогулки, и Рубанюк пошел искать приключений в одиночестве.

— Так что же там стряслось, в Таганроге? — спросил Дубровский, когда они вместе с Потемкиным вернулись в комнату.

— Забавная история получилась. Брандту просто подвезло. Он и не ведал, что в городе крупная банда орудовала. Вернее, знал, потому как листовки по городу кто-то распространял, случалось, и солдат убивали. Только поймать никого не удавалось. Ну, точь-в-точь как у нас в Кадиевке. И всему помог случай. Вспомогательная полиция задержала одного незарегистрировавшегося коммуниста, Афонов его фамилия. Поместили его в камеру, где и без того человек десять сидело. Среди них один румынский дезертир. Ну, да это не главное. А главное то, что Афонов оказался руководителем крупной, серьезно организованной банды. Его друзья на воле решили организовать ему побег из полиции во время прогулки. Камеры-то у них в подвале полиции размещаются. Вот и подговорил он своих сокамерников участвовать в этом побеге. И конечно, румына этого стал обрабатывать. Румыну-то за дезертирство расстрел грозил. Вот и пожалел его Афонов. А румын решил иначе. Решил поменять свою жизнь на жизнь сокамерников. И заложил всех. Капнул следовательно о подготовке к побегу. Да еще сказал, что друзья Афонова собираются напасть на полицию с оружием в руках. Даже время побега сообщил. Тут уж начальник вспомогательной полиции понял, что за птица у него в подвальной камере. Сообщил Брандту. А тот уж закрутил машину. Более двухсот человек выловили в Таганроге. И оружия у них было порядком, что тебе боевая часть. Такой переполох могли устроить генералу Рекнагелю, что не только у Брандта, у самого полицейского комиссара Майснера голова на плечах не удержалась бы. А теперь они что, теперь все герои. Ордена получают.

— Так если всех бандитов переловили, зачем же тебя туда посылали?

— Для помощи! У них там для допросов переводчиков не хватало. Вот меня и кинули на прорыв. Так сказать, для обмена опытом! — Потемкин рассмеялся злым, недобрый смехом.

— Теперь ясно. Глядишь, и тебе награда перепадет?

— Не-е-ет. Я там мало пробыл. Разве что здесь, в Сталино, отличиться придется. Есть такие данные, что таганрогская банда с местной связью поддерживала. Но пока точных сведений добыть не удалось. А я уверен, и в Сталино есть партизаны. Видел, на дороге перед городом грузовик сгоревший стоит? Небось их рук дело.

— Брось ты гадать на кофейной гуще. Этот грузовик у нас на глазах сгорел. Молния в него стукнула, вот он и вспыхнул как спичка.

— Да? Гроза была сильная. Мы в нее тоже попали. Только не думал я, что грузовик загорелся от молнии.

— Ладно, давай спать ложиться. Завтра в семь часов поднимут. А в восемь уже построение во дворе.

— Это мне известно. Мы же до Кадиевки здесь жили. Завтра посмотришь на шефа. Так себе, толстячок с голубыми глазами. Пенсне примечательное. Правда, на людей он поверх стекол смотрит. И о политике говорить любит. Хлебом не корми, дай поговорить про политику.

— Интересно!

— А чего интересного. Он же твоего мнения не спрашивает. Он сам во всем разбирается. А ты стой и выслушивай, чего он там пустомелет. Да еще поддакивай, не то на подозрение попадешь. Тут он быстро свое мнение о тебе составит. Хитер, бестия! Не то что наш Дылда.

— А разве Рунцхаймер не хитер?

— Нет, у того злости больше, а хитрости ни на грош. А этот вроде бы мягко стелет, да жестко спат. Он ведь меня как проверял, когда я впервые тут появился? Привел в санчасть, усадил за стол, пиши, говорит, биографию и клятву фюреру. Стал я писать. За другим столом следователь Квест допрашивает пойманного коммуниста. Минут через пять он этому коммунисту отточенные шомпола в суставы ног совать начал. Тот кричит благим матом, а Майснер стоит возле меня и смотрит, как я на это реагирую. Ничего, эту пытку я выдержал.

— А коммунист?

— Бог его знает что он болтал. Может, правду, а может, и нет. Мне-то что? В санчасти почти все признаются.

— При чем тут санчасть?

— Это камеры пыток здесь так называют. И шкаф медицинский там стоит, и матовое стекло на дверцах — все чин чином. Только вместо лекарств да клистирных трубок там плетки из проволоки, шомпола отточенные, иголки для ногтей. Подожди, сам все еще увидишь.

Дубровский уже разделся, забрался под одеяло. После грозы из открытого окна веяло прохладой.

— И сколько же здесь таких санитарных комнат? — спросил он после минутного молчания.

— На первом этаже помещается канцелярия, но и там одна такая комната есть. А на втором этаже, считай, все комнаты под санчасть оборудованы. Как доставят арестованного из тюрьмы — сразу на второй этаж. А там каждый следователь свою санчасть имеет. Днем по коридору пойдешь — будто в сумасшедшем доме побываешь. Из-за каждой двери вопли на все голоса разносятся.

— Ладно, не рассказывай перед сном, а то, чего доброго, ночью кошмары приснятся.

— Во сне это ничего, это быстро проходит. А вот когда наяву, это пострашнее.

Потемкин потушил керосиновую лампу и тоже лег.

А утром вновь ослепительно сверкало солнце. Будто и не было никакого дождя.

После утренней проверки и указаний на день полицейский комиссар Майснер отпустил всех, кроме внешней команды Рунцхаймера. Он молча прошелся вдоль шеренги, вглядываясь пристально в лицо каждого. Дубровский выдержал этот оценивающий взгляд. Напряжение было так велико, что хотелось зажмуриться, чтобы избавиться от пытливого пронизывающего взгляда. Но в следующий момент Дубровский еле сдержал улыбку, когда полицейский комиссар Майснер снял с головы фуражку и, достав из кармана белоснежный носовой платок, вытер вспотевшую лысину. Только после этого взгляд его перенесся на другого сотрудника.

«Неплохая примета, — подумал Дубровский, — он снял передо мной головной убор».

А полноватая фигура с одутловатым лицом, с усиками а-ля Гитлер на широкой верхней губе продолжала медленно двигаться вдоль шеренги. Наконец оглядев левофлангового, полицейский комиссар Майснер вышел перед строем на середину, вновь протер лысину белым платком и, водрузив на голову высокую фуражку с кокардой, заговорил мягким, вкрадчивым голосом:

— Господа, по докладам фельдполицейсекретаря Рунцхаймера я знаю, как славно потрудились вы в Кадиевке. Благодарю вас, господа! В ближайшие дни благодарность командования будет отражена в соответствующем приказе. Но, господа, война продолжается. После траурных дней Сталинграда наши враги во всем мире подняли голову. Вслед за ними поднимают голову и наши внутренние враги. Здесь, на освобожденной нами зем-

ле, начали активно действовать партизаны. Они хорошо вооружены и неплохо организованы. Но они просчитались. Мы еще крепко стоим на этой земле, и наш карающий меч не затупился...

Партизанская банда Афонова в Таганроге уже ликвидирована. Капитан Дитман вскрыл такую же банду в Амвросиевке. Настало время обезвредить партизан здесь, в Сталино. Они воспользовались тем, что мы рассредоточили свои силы, направив внешние команды ГФП в Кадиевку, Таганрог и Амвросиевку. Они решили, что в Сталино можно действовать беззаказно. Господа, я намерен показать им, как они ошиблись. Кое-что мы уже сделали до вашего возвращения. Но этого еще недостаточно.

Вот почему я вновь призываю вас отдать все свои силы на борьбу с нашими внутренними врагами, которые здесь, в тылу нашей армии, могут помешать доблестным солдатам фюрера одержать историческую победу. Надеюсь, вы меня поняли, господа.

Полицайкомиссару Майснеру на вид было не больше сорока—сорока двух, но чрезмерная полнота, говорившая о сидячем образе жизни, и огромная лысина делали его старше своих лет. Подозвав к себе Рунцхаймера, он дал ему какие-то указания и неторопливой походкой пошел к зданию ГФП.

Рунцхаймер, повернувшись лицом к строю, начал распределять задания. На долю Дубровского выпала передача документов, привезенных из Кадиевки, в канцелярию штаба ГФП-721. В помощь ему для переноски громоздких ящиков Рунцхаймер выделил двух солдат.

Так советский разведчик Леонид Дубровский познакомился с начальником канцелярии ГФП-721 фельдфебелем Георгом Вебером. Этот молодой, невысокий, худощавый немец придирчиво и дотошно пересчитывал каждый листок приказов и распоряжений по внешней команде Рунцхаймера, сверял и записывал в толстую тетрадь номера документов и только потом убирал их в специально отведенный шкаф. Все стены этой большой комнаты, в которой размещалась канцелярия, были уставлены различными шкафами и сейфами. И Георг Вебер с чисто немецкой педантичностью, не торопясь, без суеты, но довольно проворно определял надлежащее место для каждого документа.

Выкладывая перед Георгом Вебером очередную стопку

документов, Дубровский приметил на письменном столе листок с донесением из Таганрога. Пока фельдфебель записывал номера документов в свою тетрадь, взгляд Дубровского заскользил по строчкам.

«Группа тайной полевой полиции № 721

Передовой штаб 2

№ 236/43

СОДЕРЖАНИЕ: отличия и награждения служащих вспомогательной полиции.

Группе Рекнагеля в Таганроге.

В подавлении и обезвреживании партизанских банд Афонова наиболее отличились следующие нижеприведенные служащие вспомогательной полиции:

1. Стоянов Борис — начальник вспомогательной полиции.
2. Петров Александр — начальник политического отдела.
3. Ковалев Александр — специалист в политическом отделе.
4. Рязузов Сергей — специалист в политическом отделе.
5. Кашкин Анатолий — агент.
6. Бондарион Михаил — полицейский.

Из перечисленных лиц представлены к награде:

1. Начальник вспомогательной полиции Стоянов Борис, который уже 20 апреля 1943 года был награжден за заслуги орденом «служащих восточных народов» 2-го класса в бронзе без мечей, награждается орденом еще более высокой степени с мечами.

2. Петров Александр, Ковалев Александр награждаются орденами «служащих восточных народов» 2-го класса с мечами.

Весь состав вышеупомянутых лиц неустрашимо, с оружием в руках принимал активное участие в задержании и уничтожении бандитов, поэтому пожалование наград с мечами справедливо.

3. Рязузов Сергей, который отличался упорной работой и беспредельной преданностью, согласно распоряжению штаба 6-й армии получит продукты питания.

4. Кашкин Анатолий и Бондарион Михаил получают из фонда тайной полевой полиции каждый по одной бутылке водки в награду.

Сделано предложение, чтобы награждение и вручение наград производилось высшими военными чинами группы Рекнагеля, для чего и было приказано вспомогательной полиции собраться во дворе полицейского управления.

БРАНДТ».

— Славно поработали, — проговорил Дубровский, прочитав до конца донесение Брандта.

Георг Вебер оторвался от бумаг, поднял голову и вопросительно посмотрел на Дубровского. Потом, перехватив его взгляд, увидел донесение Брандта и, глубоко вздохнув, сказал:

— Вам тоже представляется такая возможность. В зависимости от усердия можете заработать орден или бутылку водки. Для этого в Сталино широченное поле деятельности. На днях местные бандиты перерезали линию подземного кабеля, который связывает ставку фюрера с командованием группы армий «Юг». Попробуйте выйти на них — не одну бутылку водки можете обрести.

— Спасибо за совет. Но я как-то не по этой части. Предпочитаю вести трезвый образ жизни.

— Похвально, только вряд ли вас здесь поймут. Разве что полицайкомиссар Майснер? Он, пожалуй, единственный трезвенник во всей нашей организации.

— А вы тоже поклоняетесь дурманящим напиткам?

— Я — как все. А что остается делать? Так что, если раздобудете спиртное, не забывайте.

— Учту и постараюсь составить компанию. На новом месте всегда приятно обретать друзей. А вы мне очень симпатичны. Если не секрет, откуда вы родом?

— Я из Эссена. Там прошло мое детство.

— О-о! Примите мое сочувствие. На днях газеты сообщали, что Эссен подвергся массированной бомбардировке. Говорят, что в налете участвовало более трехсот английских тяжелых бомбардировщиков.

— Да. Я читал об этом. И девятнадцать из них были сбиты нашими ночными истребителями.

— А ваши родители и теперь проживают в Эссене?

— Нет. Я рано осиротел. И возможно, поэтому сумел достичь многого. Меня воспитывал союз немецкой молодежи. В тридцать восьмом году я уже был знаменосцем на молодежном митинге в Нюрнберге. Шестьдесят тысяч

членов «Гитлерюгенд» собрались тогда на огромном стадионе. Под проливным дождем двигались мы через старый Нюрнберг. И чем сильнее хлестал дождь, тем громче мы пели: «Сегодня нам принадлежит Германия, завтра будет принадлежать весь мир!» А на стадионе раскинулось море знамен и транспарантов. К нам приехал сам фюрер. Адольф Гитлер стоял всего в двух шагах от меня. И когда он стал пожимать нам руки, он пожал и мою. Да-да! Вот полюбуйтесь! — Вебер левой ладонью осторожно поднял свою правую руку. — Эту руку пожимал сам фюрер! — воскликнул он.

Георг Вебер говорил с такой страстью и так убедительно, что Дубровский подумал: «Типичный гестаповец. Такой пойдет на что угодно ради своего обожаемого фюрера». И чтобы перевести разговор на другую тему, сказал:

— К сожалению, Нюрнберг тоже подвергся варварской бомбардировке англичан.

— Им это дорого обойдется. Скоро англичане ощутят силу нашего нового оружия. В самое ближайшее время ракеты полетят через Ла-Манш. Так что возмездие не за горами.

— Мне нравится ваша вера. Если бы все немцы были столь тверды и решительны...

Георг Вебер не дал Дубровскому договорить:

— Да-да! Я знаю, что вы имеете в виду. Достоин сожаления, но у некоторых действительно мозги вывихнулись после Сталинграда. Но скоро мы свернем шею всем этим нытикам, попомните мое слово. Надеюсь, вы, господин Дубровский, уверены в нашей конечной победе?

— Естественно. Это не вызывает у меня никаких сомнений. Надо лишь побыстрее покончить с Советской Россией, чтобы помочь Роммелю в Африке. Иначе англичане и американцы могут сбросить его в Средиземное море.

— Пожалуй, вы правы. Но предоставим решать эти вопросы верховному командованию германской армии. Я уверен, что в ставке фюрера позаботятся, чтобы этого не случилось. Однако мы отвлеклись от работы. Мне приятно с вами беседовать. Чувствуется, что вы мыслящий человек. До сих пор я был другого мнения о русских.

В знак благодарности за комплимент Дубровский почтительно склонил голову. В следующий момент он уже

достал из ящичка пачку документов и положил их на стол перед фельдфебелем Вебером.

Эта работа заняла почти весь день, если не считать небольшого перерыва на обед. Освободился Дубровский лишь около восьми часов вечера.

* * *

Солнце еще не успело спрятаться за крышами зданий, но уже не палило так нещадно, как днем.

Дубровский вышел на улицу. Захотелось отвлечься от невеселых дум. Он решил пройтись по городу. По тротуару брели притихшие люди с хмурыми лицами. Иногда слышалась громкая гортанная немецкая речь, и тогда люди, не останавливаясь, сторонились, пропуская солдат или офицеров германской армии. Изредка встречались и румыны. Но те вели себя тише, не так развязно, и на них горожане не обращали особого внимания.

Дубровский бродил уже более двух часов, сворачивая с одной улицы на другую, высматривая размещение различных штабов и немецких учреждений. Вскоре сумерки начали спускаться на город. Чтобы не плутать напрасно по незнакомым закоулкам, он остановил первых попавшихся девушек и спросил:

— Как ближе пройти на Смольянку?

— А вот прямо, — ответила одна из девушек. — Мы тоже идем в ту сторону.

— Тогда разрешите с вами...

— Пожалуйста.

Они двинулись вместе.

— Вы что, доброволец? — презрительно спросила все та же девушка.

— Почему же вы так решили?

— Да форма на вас ихняя, а по-русски говорите как мы. Вы же русский?

— Русский.

— Ну доброволец, значит.

— Выходит, что доброволец.

Чтоб сменить разговор, Дубровский сказал:

— Ну вот, мы вроде и познакомились.

— Но мы даже не знаем, как вас зовут.

— Леонид! — представился Дубровский.

— А меня Лена,— сказала одна из девушек, протягивая руку. Ее подруга назвалась Валентиной.

— Валя! Такая молоденькая и уже замужем? — спросил Дубровский, заметив колечко на руке девушки.

— Что вы! Мне еще и двадцати нет.

— В наше бурное время некоторые успевают и к восемнадцати замуж выскочить.

— Почему «выскочить»? Наверно, влюбляются, а потом уж и замуж выходят.

— А вы еще ни в кого не влюбились?

— Я — нет.

— А вы, Лена?

— Не знаю,— смущенно ответила девушка.

— Есть у нее один парень,— вмешалась в разговор Валентина.— У немцев на пекарне работает.

— Доброволец?

— Не доброволец он,— обиженно заговорила Лена, метнув на подругу недобрый взгляд.— Он в плен попал, вот и согласился на пекарне работать.

— Я тоже сначала в плен угодил. А теперь вот служу переводчиком. А вы, наверно, с родителями здесь живете?

— Нет, мы одни.

— На что же вы живете? — сочувственно спросил Дубровский.

— Работаем.

— Где?

— Тут, на одной кухне... Уборщицами.

— У немцев, значит.

— Как и вы. А у кого теперь можно работать?

Валентина пытливо посмотрела Леониду в глаза, перехватила его добрый, участливый взгляд и вдруг спросила:

— Вы нас осуждаете?

— Нет, почему же? Ведь жить-то надо. К тому же с работы вас и в Германию не отправят.

— Мы знаем. А вы давно в этом городе?

— Всего два дня. Кроме вас, еще ни с кем не успел познакомиться.

— Значит, нам повезло. Мы первые! — рассмеялась Елена.

— Надеюсь, и мне повезло. Я был бы рад снова встретиться с вами.

— Когда?

— Хоть завтра.

— Мы подумаем,— сказала Елена.

— А как же я узнаю, что вы надумали?

— Знаете что, приходите завтра вечером в городской парк,— предложила Валентина.— Если мы надумаем, то придем обязательно. А если нет, значит, не судьба.

— Я даже не знаю, где в этом городе парк.

— О! Это пустяк. Очень легко найти.

Валентина стала бойко объяснять, как пройти к городскому парку. Дубровский ее не перебивал.

— Ну, теперь поняли?

Он кивнул.

— Только мы не договорились о времени.

— Мы с Леной кончаем работать в восемь часов. В парке можем быть в половине девятого. Подождите минут десять.

— Ждите не ждите — это не разговоры,— разочарованно произнес Дубровский.— А мне так хочется встретиться с вами еще.

Он с мольбой заглянул в серо-голубые глаза Валентины, обратил внимание на румянец, вспыхнувший на щеках.

— Так мы же и не отказываемся,— уже мягче и обнадеживающе ответила она.— Мы подумаем и придем.

— Хорошо, я буду ждать вас до девяти часов у входа в парк. А в девять начало фильма. Если успеете, сходим в кино.

— А какой фильм? Откуда вы узнали, что в девять часов начало, если вы только приехали? — насторожилась Валя.

— Просто читать умею! — рассмеялся Дубровский.— Весь город обклеен афишами. Фильм называется «Средь шумного бала». В главной роли Цара Леандр. Это неплохая актриса. Так что не опаздывайте.

— Ладно, уговорили. А теперь будем прощаться. За углом уже наша улица. И нам не хочется, чтобы нас кто-нибудь видел вместе с вами.

Дубровский не стал спорить. Он попрощался с девушками. Больше ему понравилась Валентина. Она казалась более сдержанной, чем Елена, серьезнее, да и внешне она была привлекательней.

На другой день Дубровский освободился раньше обычного и за час до назначенного времени пришел в парк. Решив рискнуть, он заранее приобрел три билета в кинотеатр на девятичасовой сеанс и теперь задумчиво прогуливался по тенистым аллеям парка. Ему было над чем поразмыслить. Сегодня на утреннем построении полицайкомиссар Майснер во всеуслышание объявил о том, что фельдполицайсекретарь Рунцхаймер освобождается от должности и после сдачи дел отправляется в Германию к новому месту службы.

Нет, Дубровский не переживал за Рунцхаймера. Он больше раздумывал о себе. Все-таки положение личного переводчика Рунцхаймера открывало перед ним немалые возможности. А с этого дня он становился рядовым переводчиком тайной полевой полиции, которого может использовать любой следователь. Эта перспектива и радовала, и огорчала. Радовала потому, что наконец-то он избавлялся от всемогущего шефа с явными признаками садизма, и огорчала ввиду того, что отныне он лишился солидного источника, из которого черпал достоверную информацию. Одновременно его продолжала мучить мысль о возможной гибели Пятеркина, о недоставленном Потапову донесении, о необходимости срочно найти выход из создавшегося положения.

Ровно в восемь тридцать Дубровский уже стоял у входа в парк. Девушки опоздали всего на пять минут.

— А вот и мы! — сказала Валентина, подходя к Леониду. — Давно ждете?

— А где же ваше «здравствуйте»? — спросил тот.

— Ой! Извините. Мне показалось, что мы и не расставались. Я ведь все время думала о вас.

— Что, понравился? — спросил он.

— Нет, не то. Я думала: приходите сегодня в парк или нет?

— А вы, Леночка?

— И я думала.

— Ну, раз пришли, значит, все в порядке, — заключил Дубровский.

— Поживем — увидим.

На щеках Валентины вновь запылал румянец. Она смущенно потупила взор, будто разглядывая камешек, который перекатывала по земле носком своего потрепанного, видавшего виды башмачка.

— Вот и прекрасно. Пошли в кино, а то ведь так и опоздать можно.

— Пойдемте. А вы думаете, мы достанем билеты? — спросила Валентина, обрадованная переменой темы разговора.

— Конечно достанем, — серьезно проговорил Дубровский, извлекая из кармана билеты. — Вот они. Двадцать первый ряд. Шестое, седьмое и восьмое место...

— Ну, тогда все в порядке. — Валя облегченно вздохнула. — А то мы с Ленкой, наверно, год уже в кино не были. Помню, последний раз кинофильм «Истребители» видела.

— А здесь, у немцев, неужто ни разу не ходили? — недоуменно спросил Дубровский.

— Не-ет! Денег жалко. Да и не с кем.

— Тогда я рад вдвойне, что пригласил вас в кино. Вскоре они уже сидели на своих местах, наблюдая, как быстро заполняется кинозал.

— А двадцать первый ряд — это к счастью, — сказала Лена.

— Почему? — не понял Дубровский.

— Очко, значит. Без перебора.

— Неужто вы в очко играете?

— Не-ет. Это у нас во дворе мальчишки играли. От них я про это узнала.

— То-то. Не пугайте меня раньше времени.

Неожиданно в зале погас свет. На экране засверкали титры. Началось еженедельное кинообозрение. Возникли Бранденбургские ворота. Адольф Гитлер в черном кожаном реглане вышел из шикарного автомобиля и картинно вскинул руку. Начался военный парад. По обе стороны Унтер-ден-Линден стояли толпы народа, впереди инвалидные коляски: ветераны войны приветствовали боевую смену. Печатая шаг, проходили brave молодцы — воспитанники «Гитлерюгенд», катились танки, мотопехота. Потом Гитлер обходил строй колясок, дружелюбно беседовал с инвалидами.

В течение пятнадцати минут экран убеждал зрителей в скорой победе над всеми врагами великой Германии. Немецкие танки врывались в охваченные пламенем населенные пункты, гремела артиллерия, с закатанными по локоть рукавами шли по полям сражений загорелые, запыленные немецкие парни. Граншей и артиллерийские

позиции усеяны трупами русских, всюду исковерканные орудия. Изаможденные лица военнопленных.

И на море не сладко врагам великой Германии. Тревога на немецкой подводной лодке. Слаженные действия экипажа. На горизонте корабль под английским флагом. Маленький бурун за перископом. Корабль приближается, растет на экране. Залп. Пенистый след торпеды. Взрыв у самого борта. И вот уже уходящий под воду корабль, вздыбленная к небу корма — и множество людей беспомощно плавают на поверхности.

Не забыт и тыл, обеспечивающий победу фронту. Голубоглазые блондинки — чистокровные представительницы арийской расы — собирают посылки для фронта. Согбенная старушка принесла теплые сапоги покойного мужа, маленькая девочка с пухленькими щечками отдает свою любимую гуттаперчевую собачку. И снова фронт. С полевого аэродрома взлетают «юнкерсы» с бомбами. И вот уже сыплются бомбы на города и населенные пункты. Будто смерч пронесется по далекой земле, заволакивая ее клубами пыли и дыма.

Дубровский почувствовал, как Валентина крепко жала его руку.

— Вот и наш Сталинград так же, — прошептала она.

Но в это время экран вновь вспыхнул титрами. Начался художественный фильм «Среди шумного бала». И хотя этот фильм посвящался жизни великого русского композитора, он тоже был сделан на немецкий лад. Полногрудая немка фрау Мекк выводит в люди Петра Ильича Чайковского. По фильму получалось, что если бы не фрау Мекк, то никогда столь блистательно не проявился бы талант русского композитора.

— Галиматъя какая-то! — сказал Дубровский, когда они вышли из кинотеатра. — И подумать только, до чего примитивно все сделано.

— А что, у Чайковского действительно была фрау Мекк? — спросила Валя.

— Наверно, была. Да мало ли у него их было!.. Возле великих людей всегда почитательницы вьются. Видел я однажды, как Лемешев из Большого театра выходил. Поклонницы чуть на кусочки его не разорвали, все автографы вымаливали. С большим трудом он от них отбился. А у Чайковского, думаете, меньше их было? Ничуть! Вон как Россию прославил. На весь мир прогремел.

— А немцы в сорок первом его дом под Москвой осквернили,— с грустью сказала Валентина.

— Откуда вы это взяли? — спросил Дубровский.

— В наших газетах было написано. Только не помню, как этот город называется.

— В Клину его дом, и музей там же,— напомнил Дубровский.

— Да-да! Точно. Город Клин! — оживилась Валентина.— Там еще фотография была напечатана.

— Вот вам и культурный народ,— вмешалась в разговор Елена.— А вы еще им служите,— сказала она, укоризненно глянув на Дубровского.

— Но если не ошибаюсь, ведь и вы у них работаете.

— У нас другого выхода нет. Иначе пошлют в Германию. Да и есть надо. Только на работе и кормимся.

— А мне, думаете, слаще? И у меня не большой выбор: или лагерь военнопленных, или служба в качестве переводчика. Не захотел пухнуть с голоду в лагере, вот и согласился у них работать.

— Сейчас многие так. Иван Козюков тоже...— с грустью проговорила Валентина.

— А-а! Это Леночкин приятель? — воскликнул Дубровский, припомнив разговор с девушками во время знакомства.

— Он самый! — с достоинством ответила Елена.

— Ну что ж, познакомили бы и меня с ним. Четверо — это уже компания.

— Ой, правда, Ленка! — оживилась Валентина.— Давай познакомим его с Иваном. Вот увидишь, они подружатся.

— Можно и познакомить,— согласилась та.— У Ивана, кроме нас, никого друзей нет.

На другой день, вечером, как и договорились, подруги пришли в городской сквер вместе с Иваном Козюковым. Был он худощав, среднего роста, с целой россыпью веснушек на бледном лице. Протягивая Дубровскому руку, он настороженно разглядывал его немецкую форму. Но Валентина представила Дубровского как своего друга, и это несколько успокоило Козюкова. Когда же они вчетвером присели на пустую скамейку, Леонид рассказал Ивану и девушкам о том, как попал в плен.

Выслушав нехитрую историю, Иван Козюков оживился и стал рассказывать о себе:

— Родился в двадцать втором году. Третьего июня сорок второго уехал на фронт. Был командиром пулеметного взвода. И двух месяцев не провоевал. В конце июля часть попала в окружение под Воронежем. Неравный бой... Ранение.. Подобрали немцы. Очнулся у них в лазарете. Так и оказался в плену.

— А как на пекарню попал? — спросил Дубровский.

— Случай помог. Отбирали из лагеря на работу и меня выкликнули. Думал, в Германию повезут, а они в пекарню определили. Только надолго ли? Боюсь, как бы в добровольцы не заставили пойти.

— А ты согласился бы? — вырвалось у Валентины.

Козюков чуть склонил голову, исподлобья посмотрел на нее, перевел взгляд на Дубровского и как-то нерешительно пожал плечами. Помолчав немного, тихо, вполголоса, добавил:

— Хлеб для них печь — это одно дело. А с винтовкой против своих я бы не смог.

— Вот и я так же думаю, — поддержал его Дубровский.

— Нет, добровольцем я не пойду, — уже решительно проговорил Козюков. — Уж лучше опять в лагерь.

— В лагерь я тебя не пущу! — испуганно выпалила Елена.

— А в добровольцы? — спросил Иван.

— И в добровольцы тоже.

— Что же прикажешь делать?

— Тебя никто в добровольцы пока не тянет. А будут предлагать — тогда и решим, как быть.

Дубровский молча слушал их перепалку. Он уже понял, что судьба Козюкова не безразлична Елене. И чтобы установить с ними дружеские отношения, он по-приятельски похлопал Ивана по плечу:

— Чего спорите раньше времени? Возникнет необходимость, может, и я чем-нибудь смогу помочь.

— Ой, правда? — обрадовалась Елена.

— Конечно. У меня есть знакомые среди немцев. Пристроим Ивана так, чтобы в добровольцы не взяли. Мы же теперь друзья? Значит, должны помогать друг другу.

— Спасибо вам, Леонид, — сказала с нежностью Валентина и погладила его руку.

— А у меня завтра день рождения! — выпалила Елена.

— Сколько же вам исполнится? — спросил Дубровский.

— Ровно двадцать.

— Счастливая, — мечтательно проговорила Валентина. — А мне двадцать будет только в декабре. Еще дожить надо...

Дубровский и Козюков рассмеялись.

— Чего вы смеетесь? — обиделась Валентина.

— Смеемся, что и ты будешь счастливая в декабре, — ответил Дубровский. — К великому сожалению, не знаем, какого числа.

— Восемнадцатого.

— Эту дату я запомню. Если не будем вместе, письмо пришлю.

Перед расставанием договорились отметить день рождения Елены.

— Знаете, Леонид, — смущенно сказала Валентина, — если у вас есть гражданский костюм, то можно завтра вечером посидеть у нас дома. Правда, Ленка?

Та молча кивнула.

— А то нам перед соседями неудобно, если вы в немецкой форме придете, — пояснила Валентина.

— Я понял. Осталось выяснить, где вы живете.

— Иван знает. Договоритесь с ним. Вместе и приходите часов в восемь.

Попрощавшись с девушками, Дубровский отправился провожать Ивана Козюкова. Оказалось, что тот работает всего в трех кварталах от здания, где располагался штаб тайной полевой полиции. По дороге Иван признался Леониду, что неравнодушен к Елене.

— Хорошая девчонка. И товарищ настоящий.

— А ты давно ее знаешь? — спросил Дубровский.

— Почти полгода уже.

— А Валентину?

— И Валентину тоже. Они вместе дружат.

— Валентина тебе нравится?

— Она хорошая. Правда, несмышленная еще, все стесняется. А с Ленкой мы как муж и жена живем, — доверительно сказал Козюков. — Только расписываться пока не торопимся.

— Почему так?

Иван замялся, но потом ответил уклончиво:

— Немецкие документы, они ведь сейчас хороши. А расписываться на всю жизнь надо.

— Что ж, логично.

Теперь Иван Козюков показался Дубровскому не таким уж простым и бесхитростным парнем, каким казался всего минутой назад. Они условились встретиться завтра вечером. Леонид пообещал раздобыть бутылку вина, а Иван заверил, что принесет свежий хлеб.

И действительно, когда они увиделись на другой день, у Ивана как-то неестественно оттопыривалась куртка. Со стороны могло показаться, что у этого молодого парня уже обозначился живот.

— Что это с тобой? — удивился Дубровский.

— Целая буханка, — лукаво проговорил Козюков. — На, потрогай, тепленькая еще.

Только теперь Дубровский уловил аромат свежеевыпеченного хлеба.

— Молодец! Слово держать умеешь, — сказал он. — И я не подвел. Целую бутылку французского вина выменял у чеха на сигареты.

— Вот Ленка обрадуется! Настоящий пир в ее день рождения устроим. Наверно, и девчонки что-нибудь приготовили.

Небольшой квадратный стол выглядел празднично. Кроме бутылки вина и целой горки тоненьких ломтиков белого хлеба на столе на глубокой тарелке дымилась молодая картошка, присыпанная укропом; одна-единственная селедка, разделанная на маленькие дольки, отливала синевой на фоне белых кружочков лука. Яблоки и сливы лежали на небольшом хромированном подносе. А букет ярко-красных и бордовых георгинов торчал из обыкновенного трехлитрового бидона, возвышаясь над всем столом.

Елена и Валентина, радостные и возбужденные, пригласили парней к столу и, пока те усаживались на табуретки, исподволь наблюдали, какое впечатление производит на них приготовленный стол. Перехватив пытливым взгляд Валентины, Дубровский всплеснул руками:

— Ба-а, да здесь барский стол! По нынешним временам и у немцев не часто такое бывает.

— Какой же барский, когда масла к картошке достать не смогли, — смущенно проговорила Елена.

— Была бы соль, а масло не обязательно. И так все съедем, — успокоил ее Дубровский.

Он взял бутылку вина и, так как штопора у девушек не было, вогнал пробку в бутылку обыкновенным карандашом. Потом разлил розовый, прозрачный напиток в граменные стаканы и, взяв свой в правую руку, встал.

— Милая Леночка, — сказал он с расстановкой, как бы взвешивая каждое слово, — сегодня, в этот радостный для тебя и для нас день, еще грохочут пушки, льется людская кровь, пылают города и села. Желая тебе здоровья и многих лет жизни, мне хочется пожелать еще, чтобы к следующему дню твоего рождения, когда тебе исполнится двадцать один, без перебора, — улыбнулся Дубровский, — закончилась эта стрельба, чтобы только трели жаворонков да соловьиное пение тревожили твой слух. Желаю тебе много счастья... — Дубровский запнулся, посмотрел на Ивана Козюкова и повторил: — Желаю вам большого, настоящего счастья.

Поняв намек, Елена смутилась, потупила взор, на ее щеках заиграл румянец. А непонятливая Валентина перебила Дубровского:

— Так хорошо говорили — и вдруг на «вы» перешли. Мы же теперь друзья. Давайте друг к другу на «ты» обращаться.

— Предложение принимается! — воскликнул Дубровский. — За твоё счастье, Леночка!

Он чокнулся с каждым и залпом осушил стакан. Валентина поперхнулась. Поставив стакан, она прокашлялась и сказала:

— Какое горькое. И как его только люди пьют?

Все рассмеялись.

Выяснилось, что она впервые в жизни попробовала вино.

— Ничего, еще научись, — успокоил ее Дубровский. — Я тоже поперхнулся, когда первый раз пил.

— А сколько вам было? — спросила Валентина.

— Почему «вам», а не «тебе»? Сама же на «ты» предлагала.

— Ну, ладно. Тебе сколько было лет?

— Случилось это на выпускном вечере, когда десятилетку закончил. И было мне тогда семнадцать лет.

— А сейчас сколько? — не унималась Валентина.

— Теперь уже двадцать три. Видишь, какой я взрослый.

— А когда у тебя день рождения?

— Двадцать третьего февраля. В День Красной Армии я родился, — соврал Дубровский.

— А к тому времени война кончится?

— Думаю, что нет.

— Говорят, немцы к наступлению готовятся.

— Но Красная Армия, наверно, тоже готовится.

Над столом повисла тишина. Каждый думал о чем-то своем. Леонид взял бутылку и молча разлил вино по стаканам. Иван Козюков первым нарушил тишину:

— Сегодня у Лены день рождения. Пусть она скажет, о чем сейчас мечтает. Мы все выпьем за это, и я уверен, что ее мечта сбудется.

— Я хочу, чтобы наши скорее вернулись в Донбасс... — робко сказала Лена.

— И я тоже с удовольствием пью за это, — перебил ее Козюков. — Молодец, Леночка!

Леонид был рад этому тосту, но не выдал своих чувств.

— Леонид, а ты тогда с немцами уйдешь? — настороженно спросила Валентина.

— Поживем — увидим, — ответил он и ободряюще подмигнул ей. — Главное — друг за друга держаться. Помогать во всем.

— Это верно, — поддержал его Иван Козюков.

Часам к десяти «пир» был закончен. Девчата убрали со стола. Лишь большой букет георгинов в бидоне остался на прежнем месте. Уже прощаясь, девушки и Козюков почувствовали, что какая-то невидимая нить связывает их теперь с Леонидом Дубровским. Расстались они друзьями. Иван решил переночевать у Елены, а Леонид отправился домой один, предварительно договорившись со всеми о завтрашней встрече в парке.

На пороге здания ГФП он повстречал Георга Вебера. Было еще не так поздно. Вебер вышел подышать свежим воздухом.

— А-а, дружище! — воскликнул он, увидев Дубровского. — Рад обрадовать. Тебе есть письмо из Малоивановки. Не знал, что у тебя там родственники.

Дубровский насторожился, но тут же овладел собой и сказал спокойно:

— Это не родственники. Просто хорошие знакомые. Познакомились случайно на дорогах войны, вот и переписываемся. А где письмо?

— В канцелярии. Утром возьмешь.

— А сейчас нельзя?

— Если угостишь сигаретой, можно и сейчас.

— С удовольствием! — Дубровский вытащил из кармана пачку сигарет и протянул ее Георгу Веберу. — На, возьми все. У меня еще есть.

— Благодарю, Леонид. Принимаю в знак нашей дружбы.

Георг Вебер вернулся в свою служебную комнату и вышел оттуда с небольшим конвертом. Чтобы не выдать своего волнения, Леонид не стал задерживаться. Он взял письмо, сунул его в карман и, распрощавшись с Вебером, пошел в общежитие.

Перешагивая через две ступеньки, он быстро поднялся на третий этаж. Несмотря на поздний час, соседей по комнате не оказалось. Дубровский торопливо вскрыл конверт, извлек исписанный неровным почерком листок бумаги.

Самарская сообщала, что живут они с сестрой не плохо, хотя и трудновато с продуктами. Давно не получали от него весточки. Часто его вспоминают. А в самом конце письма было главное: «Недавно к нам заходила сестра Виктора Пятеркина. Она сообщила, что Виктор сильно болен и к нам больше не придет. Отпишите ей. Может, она вам ответит, что с ним. Зовут ее Таисия Андреевна. Живет в Горловке».

Далее следовали название улицы и номер дома. У Дубровского пересохло в горле. «Значит, с Пятеркиным что-то случилось. Неужели он не дошел до Потапова? Нет, раз известно, что больше он не придет, значит, он был на той стороне. Конечно. Иначе откуда взялась эта Таисия Андреевна у Самарских? — Мысли быстро сменяли одна другую. — Что делать? Надо навеститься в Горловку. Выяснить обстановку. Возможно, там есть указания от Потапова. В Горловку надо послать Валентину. Она же говорила, что всегда может отлучиться с работы на несколько дней».

Утром он еще раз обдумал создавшееся положение и, понимая, что самому ему вырваться в Горловку не удастся, окончательно решил отправить туда Валентину. С этим намерением он и явился в городской парк, где у самого входа его уже поджидала Валентина.

— А где же Леночка? — спросил Дубровский, пожимая ей руку.

— Они с Иваном домой пошли. У Лены что-то голова разболелась. А мы с тобой погуляем немножко?

— Конечно погуляем. А может, в кино успеем?

— Нет, лучше побродим на воздухе.

Дубровский взял ее под руку. Они прошли в парк.

— Леонид, а почему ты сегодня опять в гражданском костюме? — неожиданно спросила она.

— Потому что в гражданском костюме я тебе больше нравлюсь.

Валентина с благодарностью заглянула ему в глаза и на мгновение прижалась к нему плечом.

— А что я должна сделать, чтобы поправиться тебе?

— Глупенькая, ты мне и так очень нравишься. Но у меня есть к тебе одна просьба.

— Какая?

— Мне просто необходимо, чтобы кто-нибудь съездил в Горловку. Это совсем близко. Ты, Валюша, смогла бы это сделать?

— В Горловку? Могу.

— Тогда завтра же и отправишься. Пропуск тебе нужен?

— Я и сама возьму. Все равно с работы отпрашиваться надо. Скажу, что сестра там живет, проведать хочу. А Лена за меня отработает.

— Хорошо, вот адрес! — Дубровский достал письмо и показал Валентине адрес. — Запомни его на память. Спросишь там Таисию Андреевну. Скажешь ей, что ты от Борисова. Если будут спрашивать, где я работаю, скажешь, что не знаешь.

— А я и правда не знаю.

— Вот и хорошо. Придет время — узнаешь.

Валентина молча кивнула.

— Когда вернешься, придешь в восемь вечера сюда, к парку. Я каждый день наведываться буду. Ну а если не дождешься, значит, занят, не смог прийти. Тогда приходи на другой день. Договорились?

— Хорошо! Ты, Леонид, не беспокойся, я все сделаю.

Через несколько дней Валентина вернулась радостная и возбужденная. Она была счастлива, что хоть чем-то помогла Леониду. Доволен был и Дубровский. По рассказу Валентины, ее очень тепло встретили в Горловке.

— Эта женщина передала тебе привет от Владимира Ивановича. Она сказала, что этот Владимир Иванович бла-

годарит тебя за то, что ты послал ему с Пятеркиным, — продолжала нашептывать Валентина.

— А что-нибудь еще про Пятеркина она говорила? — перебил ее Леонид.

— Сказала только, что его больше нет.

Дубровский стиснул зубы.

— Неужели погиб мальчонка? — проговорил он после минутного молчания.

— Не знаю...

Они уже далеко ушли от городского парка и стояли вдвоем возле двухэтажного, жилого дома в каком-то пустынном переулке, и случайным прохожим казалось, что это влюбленная парочка не может расстаться.

— Спасибо тебе, Валюша! Большое тебе спасибо.

— Что ты, Леонид! Можешь всегда на меня рассчитывать. Только ты меня перебил. Я еще не успела тебе передать основную просьбу Владимира Ивановича. Таисия Андреевна сказала, что он благодарит тебя за Светлану. Эта Светлана очень ему помогла. И теперь Владимир Иванович просит, чтобы ты подыскал еще таких же людей. Это сейчас очень важно.

У Дубровского перехватило дыхание. Сердце учащенно забилось. «Значит, дошел Пятеркин, значит, не напрасными были труды, раз Светлана Попова оказалась в руках Потапова». Еле сдерживая волнение, Дубровский проговорил:

— Ясно, Валюша! И еще раз большое тебе спасибо!

Он провел рукой по мягким, шелковистым волосам девушки, заглянул ей в глаза и нежно поцеловал ее в губы.

Она вскинула голову. Глаза ее сияли от счастья.

14

В здании тайной полевой полиции ни на один день не прекращались допросы. Кое-кто не выдерживал диких пыток и называл имена товарищей. Так полицейскому комиссару Майснеру стало известно имя руководителя городского подполья. А вскоре гестаповцы раздобыли и его словесный портрет.

— Так вот он какой, капитан Гавриленко! — раздумчиво проговорил Майснер, вглядываясь через пенсне в нарисованное на бумаге лицо молодого мужчины. — Я дорого заплатил бы за то, чтобы побеседовать с ним в моем ка-

бинете. Надеюсь, вы доставите мне это удовольствие? — спросил он у высокого голубоглазого немца, который стоял навытяжку и подобострастно пожирал взглядом своего шефа.

— Господин полицейкомиссар, думаю, что это не так сложно. Имея такой портрет, захватить его не представляет большого труда. Я сегодня же прикажу размножить эту картинку и раздам ее всем сотрудникам ГФП и полиции, — сказал Карл Диль — следователь по особо важным делам.

— Если, как вы говорите, кабель действительно перерезали его люди, то можно предложить населению десять тысяч оккупационных марок за его голову.

— Я думаю, следует повременить, господин полицейкомиссар. Мы только заставим его насторожиться, заставим изменить свой облик и тем самым усложним поиск.

— Пожалуй, вы правы. Но нашим сотрудникам следует сказать, что тот, кто доставит Александра Гавриленко в ГФП, получит денежное вознаграждение.

— Да, господин полицейкомиссар! Это не помешает.

— Хорошо, дорогой Карл. Тогда действуйте от моего имени. Да поможет вам бог. В случае успеха вы будете представлены к награде.

Благодарю вас, господин полицейкомиссар! — Карл Диль почтительно склонил голову.

— Можете идти.

Когда унтершарфюрер Карл Диль вышел из кабинета, адъютант пригласил к полицейкомиссару Леонида Дубровского.

— Рад поближе познакомиться с вами, — сказал Майснер, разглядывая Дубровского поверх стекол пенсне. — Я много слышал о вас от Рунцхаймера. Он рассказывал мне, что в Кадиевке вы прекрасно справлялись с биржей труда. Припомните, сколько молодых восточных рабочих вы отправили в Германию?

— Немногим более полутора тысяч, господин полицейкомиссар, — отчеканил Дубровский.

— Не так уж много. Впрочем, для Кадиевки это, пожалуй, достаточно. А из Сталино мы намереваемся отправить не менее двадцати тысяч. Но пока собрали всего пять. Это крайне мало. Даже стыдно говорить. Видимо, там, на бирже труда, не все в порядке. Я поручаю вам проверить списки отобранных. Познакомьтесь с методами

работы биржи труда и наведите там должный порядок. Если потребуется, мы можем организовать облавы в городе. Мы пойдем на крайние меры. Но двадцать тысяч молодых рабочих должны быть отправлены в Германию до середины июля. О ваших действиях будете докладывать лично мне.

— Слушаюсь, господин полицайкомиссар!

— Но эта работа не освобождает вас от помощи следователям. Вы по-прежнему будете помогать им во время допросов.

— Я вас понял, господин полицайкомиссар.

Майснер снял пенсне, протер носовым платком стекла и, водрузив его на свой мясистый нос, вновь посмотрел на Дубровского.

— Скажите, вы бывали в Сталино раньше? — неожиданно спросил он.

— Нет. Я впервые в этом городе.

— Тогда откуда у вас здесь знакомые?

— Какие знакомые, господин полицайкомиссар?

— Мне докладывают, что вы встречаетесь с какой-то девушкой и еще с русским военнопленным.

— Но, господин полицайкомиссар, Рунцхаймер не раз говорил мне, что каждый сотрудник ГФП должен вербовать себе агентов, должен работать с населением. Я действительно познакомился здесь с двумя девицами, которые работают в немецкой столовой, и с одним русским парнем, работающим в пекарне. Я прошупываю этих людей и считаю, что скоро их можно будет завербовать, привлечь к работе на нас. Вы же сами говорили на построении, что, чем больше мы будем иметь агентов среди местных жителей, тем легче будет вылавливать врагов великой Германии.

— Да-да! Вы правильно поняли мой призыв. Я рад, что вы проявляете самостоятельность. Это похвально. Среди русских не часто встречаются такие.

— Я давал клятву и теперь выполняю свой долг.

— Но в русской армии вы тоже давали клятву!

— О том, что со мной произошло, я рассказывал господину Рунцхаймеру. Если вам будет угодно, я могу повторить все сначала.

— Нет-нет! Это излишне. Рунцхаймер информировал меня об этом. Но согласитесь, что лишний вопрос никогда не помешает делу. Я привык знать все о своих сотрудни-

ках. Сегодня вы мне объяснили, и я доволен. Вы почти месяц здесь, в Сталино, и пока я не имею к вам никаких претензий. А что вы можете сказать о Потемкине? Вы, кажется, живете с ним в одной комнате?

— Да! Мы живем с ним вместе. По-моему, он хороший работник. Правда, не в меру жесток, но такова обстановка. Если мы не справимся с нашими врагами, тогда это делают они.

— Bravo! Господин Дубровский, вы свободны. Да! И еще. Прежде чем решите вербовать ваших новых знакомых, посоветуйтесь со мной.

— Слушаюсь, господин полицейкомиссар! Раньше я не решался зайти к вам сам. Но ваша воля для меня закон. Я обязательно посоветуюсь с вами, если увижу, что эти люди могут быть нам полезны.

— Желаю успеха, господин Дубровский.

Леонид уже протянул руку, чтобы открыть дверь, когда она распахнулась и в кабинет Майснера вбежал взволнованный адъютант.

— Господин полицейкомиссар, — воскликнул он с порога, — только что по радио передали сообщение из главной квартиры фюрера! Сегодня утром наша армия перешла в решительное наступление на Восточном фронте...

— Где? На каком участке? — нетерпеливо перебил его полицейкомиссар.

— Под Курском...

Майснер быстро встал, подошел к висевшей на стене карте. Дубровский не ожидал такой подвижности от этого чрезмерно жирного человека. Он на минуту задержался в дверях, поглядывая на карту, возле которой топтался полицейкомиссар.

— Я так и думал! Именно здесь, под основание этого клина, ударят наши армии! Здесь окончательно решится судьба России! Вы слышите, Дитрих? Это говорю я, а я разбираюсь в политике. — Он вытащил носовой платок и вытер багровую, вспотевшую шею.

Дубровский вышел за дверь. Его тоже охватило волнение. Сообщение из главной квартиры фюрера пришло как-то неожиданно. Тревожно колотилось сердце. Захотелось хоть с кем-нибудь поговорить. Узнать, как относятся немцы к этому известию. Он решил повидать фельдфебеля Вебера, с которым в последние дни у него установились доверительные отношения.

— Георг, вы уже слышали? — спросил он, зайдя в канцелярию и изображая счастливую улыбку.

— Что вы имеете в виду?

— Сообщение из главной квартиры фюрера о нашем наступлении.

По тому, как резко Георг Вебер оторвался от бумаг, разложенных аккуратно на его столе, по тому, как вопросительно вскинул белесые брови, Дубровский понял, что тот ничего еще не знает.

— Об этом только что передали по радио. Наши войска рано утром начали наступление на Курском выступе.

— Наконец-то! Мы долго ждали этой минуты, — сказал Георг Вебер. — Теперь русские дорого заплатят за Сталинград. Мы начисто срежем этот выступ, и германская армия неудержимо двинется на восток. А как вы думаете, Леонид?

— Думаю, что вы правы. Фюрер взвесил все. Наше командование сосредоточило несметные силы на этом участке Восточного фронта.

На какое-то мгновение взгляды их встретились. Дубровскому показалось, что Вебер его не слушает. В его потускневших глазах сквозила тоска. Но, тут же овладев собой, он сказал с задором:

— Леонид, вы еще вспомните мои слова! Это начало конца русского сопротивления. Война с Россией закончится нашей победой еще в этом году. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер! — ответил Дубровский, вскинув руки, и, поняв, что разговор окончен, вышел из канцелярии.

Всю последующую неделю он жадно ловил вести с фронта. Сообщения из главной квартиры фюрера передавались по радио три раза в день. Геббельс вещал на весь мир о том, что русская оборона прорвана в некоторых местах на десятки километров. Фашистская Германия ликовала. Командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн доложил Гитлеру, что его войска разгромили русские армии, прикрывавшие Курск с юга. «Советская армия уже не в состоянии обороняться», «Русские не выдержали натиска новейших германских танков» — пестрели заголовки немецких газет.

И чем больше Дубровский вынужден был проявлять свою радость по поводу триумфального наступления немецких войск, тем тоскливее становилось у него на сердце. Еще бы! В подтверждение успехов гитлеровской

армии, о которых на все лады трезвонила крикливая геббельсовская пропаганда, он увидел в Сталино нескончаемые колонны фашистских танков. Покрытые толстым слоем пыли, они громыхали по улицам города, устремляясь на юг.

Откуда мог знать Дубровский, что в этой спешной переброске немецких танков на юг есть и его заслуга. Всего несколько дней назад из расположения советских войск вернулась Светлана Попова, которая доставила командованию немецкой армии копию оперативной карты Южного фронта русских. Одного взгляда на эту карту было достаточно, чтобы понять, что именно здесь, на юге, советские войска изготовились к наступлению.

Русская оперативная карта была немедленно доставлена командующему группой армий «Юг» фельдмаршалу Манштейну. Не раздумывая долго, Манштейн снял из-под Белгорода две танковые дивизии «Викинг» и «Мертвая голова» и бросил их в спешном порядке на защиту Донбасса.

Правда, через две недели фельдмаршал Манштейн пожалует об этом. Начавшееся ранним утром контрнаступление русских на белгородском направлении заставит его срочно вернуть эти дивизии под Белгород.

А еще через несколько дней тон сообщений из главной квартиры фюрера резко изменился. В них появились раздраженные нотки о необходимости выравнивания линии фронта. Стали перечисляться населенные пункты, вынужденно оставленные германскими войсками. Сотрудники ГФП-721 помрачнели, притихли в недоумении. Ликуя в душе, Леонид Дубровский изобразил скорбную мину.

Он по-прежнему встречался с Валентиной и ее друзьями Леной и Иваном Козюковым, с которыми мог поделиться своими мыслями. Неожиданно в Сталино и его окрестностях появились листовки со сводками Советского информбюро. Они были написаны от руки или напечатаны на пишущей машинке.

На одном из утренних построений полицайкомиссар Майснер, потрясая в воздухе целой стопкой таких листовок, распекал сотрудников тайной полевой полиции за неумение работать. Поминутно вытирая платком запотевшую шею, он кричал:

— В эти дни, когда цвет нации проливает кровь на полях сражений, вы должны в поте лица трудиться на

своим посту, чтобы обеспечить победу немецкого оружия! А вместо этого у вас под носом распространяются листовки с большевистскими воззваниями, расхищается военное снаряжение! А не далее как вчера неподалеку от Сталино пущен под откос наш воинский эшелон. И это в то самое время, когда русские перешли в наступление и германское командование напрягает силы, чтобы сдержать их.

Стоя в строю, Дубровский опустил голову, потупив взор в землю. Он боялся встретиться взглядом с полицайкомиссаром Майснером, боялся выдать охватившее его волнение. «Значит, не все упущено, значит, жмут наши. Теперь уже не зимой, а летом немцы вынуждены отступать», — раздумывал он, вслушиваясь в отрывистую речь шефа.

Всего несколько дней назад шеф, самодовольно улыбаясь, восхвалял генерала Гота и его 4-ю танковую армию, генерала Кемпфа с его оперативной группой, которые так искусно прорвали русскую оборону и скоро достигнут Курска. А сейчас в ярости брызжет слюной, распекая своих подручных.

Дубровский понимал, что под Орлом и Белгородом решается судьба всей летней кампании и от ее исхода будет зависеть многое. Именно поэтому хотелось как можно больше сделать здесь, в немецком тылу. И он был счастлив, что нашлись люди, которые слушают Москву, которые переписывают и распространяют сводки Советского информбюро.

Сразу же после построения он отправился к дежурному по штабу, чтобы доложить об уходе на биржу труда по поручению полицайкомиссара Майснера. В этот день с повязкой дежурного на рукаве был Александр Потемкин.

— Здравствуйте, Алекс! Как прошла ночь? — спросил Дубровский, входя в комнату.

— Ничего. Вроде бы все в порядке.

В это время за дверью послышался шум, топот ног, а через мгновение в комнату дежурного втолкнули двух мужчин. У них на руках были наручники. Вслед за ними вошли два тайных агента полевой полиции.

— Кто такие? — спросил у них Потемкин.

— Энтот, что помоложе, и есть Гавриленко. Командир партизанский, — сказал один из агентов, переводя дух. — На трамвайной остановке взяли. Вот и оружие при них было.

Он вытащил из карманов два пистолета ТТ и выложил их на стол перед Потемкиным.

— Та-ак, попался, гусь лапчатый, — проговорил тот, подходя к задержанному, которого назвали Гавриленко. — А ну подними руки!

И когда Гавриленко поднял над головой скованные кисти рук, Алекс резко ударил его ногой в пах. От боли Гавриленко согнулся, присел на корточки.

— Погоди, погоди корчиться, — сказал Потемкин. — Ну-ка встань!

Превозмогая боль, Гавриленко медленно выпрямился. На его исхудавшем лице с запавшими глазами появилась презрительная гримаса. На лбу проступили капельки пота.

— Чегой-то тяжелое у тебя в кармане? — спросил Потемкин, запуская руку в карман его брюк. — А-а! Еще один пистолет, — ехидно сказал он, показывая окружающим небольшой браунинг. — До зубов вооружился, бандюга! Ничего, теперь твоя песенка спета.

Коротким, но быстрым движением он ударил Гавриленко рукояткой пистолета по голове. Взмахнув скованными руками, тот беззвучно повалился на топчан, стоявший возле стены.

— Ты что разбуянился? — спросил Дубровский. — Он ведь полицейскому ссору живой нужен.

— Ничего, сейчас отойдет. Я ведь не сильно. — И, обращаясь к агентам, доставившим задержанных, сказал: — А ты молодец, Филатьев. Такую птицу поймал. Награды тебе не миновать.

— Это Шестопалов его опознал, — кивнул тот на второго агента. — Стоит, понимаешь ли, на трамвайной остановке и спокойненько беседует вот с этим...

— А твоя фамилия? — спросил Потемкин у второго задержанного, который, опустив голову, молча стоял чуть поодаль.

— Новиков.

Гавриленко пришел в себя и, приподнявшись, присел на топчане. По его шее, за воротник рубахи, стекала тоненькая струйка крови.

Леонид Дубровский с силой сжал кулаки. Он готов был наброситься на Потемкина, но вместо этого, сдерживая гнев, спокойно сказал:

— Алекс, немедленно доложите полицейскому ссору о задержанных! Иначе эту радость доставлю ему я.

Он решительно повернулся к двери. И этот жест не ускользнул от Потемкина.

— Послушай! Побудь минуточку здесь, я сам сбегаю к Майснеру, — примирительно обратился тот к Дубровскому.

— Давай! Только побыстрее, а то я тороплюсь на биржу труда.

Схватив со стола пистолеты, Потемкин выбежал из комнаты. Не прошло и минуты, как он вернулся в сопровождении адъютанта полицейского комиссара Майснера.

— Гавриленко, к полицейскому комиссару! — выкрикнул адъютант и чуть потише добавил: — Филатьев и Шестопалов, тоже пройдите к шефу. А этого, — кивнул он на второго, — пока в подвальную камеру.

Когда Гавриленко встал и направился к двери, Потемкин остановил его жестом. Вновь ощупал его карманы и, ничего не обнаружив, подтолкнул в спину.

Дубровский собирался выйти вслед за Гавриленко, но Потемкин придержал его за рукав:

— Погоди немножко.

— Я же тороплюсь.

— Ничего, успеешь! — рассмеялся Потемкин. Он снял телефонную трубку, вызвал конвойного и, когда тот явился, отправил Новикова в камеру. Только после этого он обратился к Дубровскому: — Тебе что, не понравилось, что я этого типа ударил?

— Откровенно говоря, это было ни к чему. Ему еще на допросах достанется. А попади ты ему в висок — и допрашивать некого было бы.

— А я уж думал, что ты его пожалел. А ты знаешь, кто это?

— Если верить этим агентам, партизанский командир.

— Командир-то командир, но ведь он еще и чекист. Капитан НКВД. Этим я бы своими руками душил. Но ничего. Полицейский комиссар сейчас на хорошем взводе. Он ему сам по первое число выдаст.

— А почему на взводе? Все из-за этих листовок пишуют?

— Какие там листовки! — отмахнулся Потемкин. — Мне сейчас адъютант сказал, что звонили из штаба генерала Холидта. Сообщили о начавшемся русском наступлении на широком фронте.

Дубровский еле-еле сдержал радостную улыбку.

— Неужели так обернулось? — хмуро проговорил он.

— Да-а, дела-а! — протянул Потемкин. — Еще неизвестно, чья возьмет.

— Ну, нам-то с тобой отступать некуда. Как говорят, все мосты сожжены. Если живыми к ним попадемся, петля обеспечена.

— Постараемся не попадаться. Будем обеспечивать себе жизнь на Западе! — Потемкин достал из кармана золотые часы и повертел их перед глазами Дубровского.

— Откуда у тебя это?

— У Гавриленко взял.

— Когда ты успел? Я даже ничего не заметил.

— Уметь надо, господин Дубровский! — ехидно улыбнулся Потемкин, убирая часы обратно в карман. — И вам бы пора научиться. А не то так и останетесь при своем пикувом интересе.

Дубровский брезгливо поморщился и, не говоря ни слова, вышел из комнаты дежурного.

До биржи труда было не более двадцати минут хода. Дубровский был возбужден. Всю дорогу он думал о начавшемся наступлении Красной Армии, и лишь временами память возвращала его к капитану Гавриленко, жизнь которого была теперь в смертельной опасности. Невольно вспомнил он и Ольгу Чистюхину, работавшую на бирже труда. Эта веселая, жизнерадостная двадцатилетняя девушка ведала бланками биржи труда, на которых заполнялись справки об освобождении от угона в Германию.

Еще две недели назад, проверяя списки завербованных для отправки в Германию и контролируя работу сотрудников биржи, он обнаружил недостачу этих бланков. Из дальнейших разговоров с Ольгой Чистюхиной он понял, что она, злоупотребляя своим служебным положением, выдавала фальшивые справки родным и знакомым. Вынудив девушку признаться в этом, Дубровский пообещал держать в тайне ее проделки, но одновременно заручился ее обещанием выдавать подобные справки тем, кого он назовет.

Сегодня Дубровский впервые договорился с ней о свидании. Ему хотелось узнать, с кем связана эта девушка. Быть может, с ее помощью удастся установить связь с подпольем Сталино, в существовании которого он теперь не сомневался.

Вечером он встретился с Ольгой Чистюхиной в центре города, и та привела его в гости к своей подруге. Пили чай с сухарями, шутили. Видно было, что девушки радовались сообщениям о наступлении Красной Армии.

...Уже несколько дней продолжались допросы Александра Гавриленко. Менялись переводчики, менялись следователи. Заболевшего Карла Диль подменил Макс Борог.

Из рассказов Макса Дубровский знал, что Гавриленко, припертый к стенке показаниями провокаторов, не отрицает, что является капитаном Советской Армии, что заброшен в немецкий тыл для подрывной деятельности, но начисто отвергает свою принадлежность к руководству подпольем и потому якобы не может назвать ни одной фамилии.

— Ты знаешь, Леонид, скорей бы уж поправился этот Карл Диль! — признался Макс. — Мне так надоела эта грязная работа.

— А чем ты занимался до Гавриленко?

— О, это секрет. Но тебе я могу сказать. Вместе с моими друзьями из армейской разведки я готовил к переходу на ту сторону крупного агента.

— Стоящий парень?

— О-о! Пауль Мюллер — это птица большого полета, хотя сам он маленький белобрысый паренек с голубыми глазами и арыйским носом. К тому же очень приметный. У него нет двух пальцев на правой руке.

— Чем же он может быть полезен?

— Свободным передвижением. Обыкновенный старший лейтенант возвращается из госпиталя после ранения. Побродит на той стороне и вернется с ценными данными. Штабу армии нужно ведь только то, что сконцентрировано перед нашим фронтом. А направления передвижения войск увидеть не так уж сложно.

— А разве мы собираемся наступать на этом участке?

— Мы — нет. Но русские собираются. И командованию хотелось бы знать направление главного удара.

— Значит, ты уже закончил его подготовку и поэтому тебя перебросили на Гавриленко?

— Не совсем так. Я должен еще снабдить его кое-какими материалами. Но заболел Карл Диль, и теперь у меня двойная забота. Майснер не освободил меня от той, а уже заставил заниматься этой. А ты еще спрашиваешь, где я пропадаю вечерами.

— Да, нелегко тебе сейчас приходится. А у меня тут хорошие девушки появились. Могу познакомить, когда будешь посвободнее.

— Обязательно познакомь. Та, в Кадиевке, мне очень понравилась. Надеюсь, что и здесь они не хуже.

— Хорошо! Когда освободишься — скажешь.

Они сидели в казино вдвоем за столиком и допивали бутылку итальянского вермута. Макс Борог осушил свой стакан, причмокнул от удовольствия и сказал:

— Скоро мы будем только вспоминать итальянское вино. Историческая ось Берлин — Рим треснула по самой середине. Послушай, Леонид, здесь нас никто не слышит, и я могу сказать тебе откровенно! — Макс почти прильнул к уху Дубровского. — Союзники захватили Сицилию и высадились в Италии, в ближайшие дни итальянцы сложат оружие. Русские армии стремительно наступают в летнее время. Тебе не кажется, что это начало конца тысячелетнего рейха?

— И ты доволен?

— Конечно! Я же чех. Я на всю жизнь запомнил приказ Карла Германа Франка.

— Какой приказ?

— А вот послушай. «Предписываю в служебное и неслужебное время обязательно применять огнестрельное оружие при малейшем подозрении на оскорбительное отношение со стороны чеха либо при малейшем сопротивлении при аресте. Лучше десять чехов мертвых, чем один оскорбленный или раненый немец!»

— Знаю, Макс! Об этом ты уже говорил мне. — Дубровский огляделся по сторонам.

Поблизости никого не было, лишь за дальними столиками сидели несколько унтер-офицеров.

— Я ничего не придумал. Это действительно приказ Франка. Поэтому я ненавижу немцев и хочу, чтобы их быстрее побили. И не криви душой, ты ведь думаешь точно так же, — глухо сказал Макс Борог.

— Но германская армия еще так сильна...

— Ну ладно, хватит об этом! — предложил Макс, скрывая улыбку. — Завтра нас переводят отсюда в другое помещение. Ты знаешь об этом?

— Говорят, в какую-то школу.

Макс Борог махнул рукой.

— Был я там сегодня. Видел. Еще ничего не готово. В подвальных комнатах даже не вставлены решетки.

— Значит, перенесут переезд на пару дней.

— Вряд ли. Наше здание передается штабу армейского корпуса. А он уже прибыл и спешно выгружается на станции.

— Тогда поживем немного под открытым небом! — рассмеялся Дубровский.

Макс Борог захохотал.

Но на другой день ГФП-721 действительно перебралась в школьное здание. Встали раньше обычного, и всю первую половину дня сотрудники тайной полевой полиции занимались перевозкой имущества. А после обеда, не теряя времени, следователи приступили к допросам. На этот раз Дубровский был назначен в помощь Макс Борогу. Полицейский, доставивший Гавриленко в бывший школьный класс, засучил рукава и достал из-за голенища сапога длинный резиновый шланг. Макс Борог уселся за пишущую машинку, а Дубровский остался стоять в двух шагах от Гавриленко, который присел на краешек табуретки.

Вид его вызвал сострадание. Под левым глазом синяк с желтым отливом. Верхняя губа неестественно вздулась. Рубашка была разодрана до живота.

— Макс, это ты его так? — спросил Дубровский.

— Нет. Это еще Карл Диль. А я собираюсь его сегодня выпороть, если он по-прежнему будет дурачить мне голову. Но давай начинать. В прошлый раз он не отрицал, что заброшен в тыл германской армии для подрывной работы, и говорил, что впервые попал в Сталино. Спроси у него, подтверждает ли он это?

Дубровский перевел.

— Да, это так, — устало проговорил Гавриленко.

— А подтверждает ли он, что его настоящая фамилия Гавриленко?

— Да. Я — Гавриленко.

— А вот один местный житель, который находился с ним в камере, признал в нем Александра Шведова, проживавшего ранее в Сталино. Что он на это скажет?

Дубровский в точности перевел вопрос. Гавриленко как-то сник, но тут же поднял глаза на следователя и уверенно произнес:

— Я не видел в камере ни одного знакомого и не

представляю, кто мог сказать вам такую глупость. Я не Шведов. Я — Гавриленко.

— А где вы проживали в Сталино?

— Нигде. Я недавно появился в этом городе.

— Откуда вы знаете Новикова?

— Я его впервые увидел. Он стоял на трамвайной остановке, и я спросил его, как проехать на шахту Петровского. В этот момент нас арестовали.

— И у обоих обнаружили одинаковые русские пистолеты?

— Это случайность.

— А Новиков говорит, что знает вас давно.

— Видимо, его так избивали, что он стал наговаривать и на меня, и на себя.

— Понятно. Леонид, прикажи полицаяу, пусть он его выпорот.

— Макс, ты не сделаешь этого. Он и без того сильно избит.

— А что я могу? Он должен кричать, иначе за дверь услышат, как мы тут мирно беседуем. Тогда и мне перепадет от шефа. Нет уж, лучше пусть Гавриленко покричит.

Дубровский вдохнул и передал полицейскому распоряжение следователя. Тот подошел к Гавриленко, взял его за руку, подвел к стоявшей у стены парте. Потом он заставил его задрать на голову рубаху и лечь на парту животом вниз. Резиновый шланг со свистом рассек воздух и опустился на оголенное тело чуть ниже лопаток. На спине осталась багровая полоса. Но лишь слабый стон вырвался из груди Гавриленко.

— Пусти! Разве так бьют? — Дубровский подскочил к полицейскому, выхватил у него резиновый шланг. — Отойди. Вот как надо.

Он высоко поднял шланг и, казалось, с силой опустил его на спину Гавриленко. Но в самый последний момент, приседая, придержал руку и прошептал:

— Кричите же громче, черт вас возьми!

Его слова возымели действие. Гавриленко закричал во весь голос.

В этот момент дверь открылась. В комнату вошел полицейский комиссар Майснер. Макс Борог вытянулся за столом по стойке «смирно». Дубровский опустил резиновый шланг.

— Что здесь происходит? — сердито проговорил Майснер.

— Я допрашиваю этого бандита, а он молчит, господин полицейский комиссар. Этот человек отрицает почти все. Его забросили к нам в тыл, а он отказывается назвать, кто его прятал. Он не признает своего настоящего имени, скрывает, кто на него работал.

— Тогда всуньте ему шомпола в колени. Но прежде я хотел бы поговорить с ним еще раз.

— Слушаюсь! Господин полицейский комиссар, прикажете доставить его к вам?

— Нет. Я буду разговаривать с ним здесь. Господин Дубровский, скажите ему, пусть подойдет.

— Встаньте! — зло крикнул Дубровский, рванув за плечо арестованного.

Гавриленко, поживаясь, нехотя поднялся с парты, расправил плечи.

— Подойдите к столу, — приказал Майснер. Он пристально вглядывался в невысокую, исхудавшую фигуру Гавриленко, в его заплывшее синяками лицо. — Садитесь, Гавриленко! — властно, но мягким, вкрадчивым голосом предложил он. И когда арестованный опустился на табурет, сказал: — Я надеюсь, вы понимаете, что ваша жизнь в опасности. Но все зависит от вас. Вы можете сохранить ее, если согласитесь работать с нами. Немцы — народ сентиментальный. Мы умеем прощать наших врагов.

Дубровский еле успевал переводить.

А полицейский комиссар продолжал:

— Я предлагаю вам сотрудничество. И каковы бы ни были ваши идеалы, жизнь стоит того, чтобы поступиться ими. Мы не потребуем от вас многого. Единственное, чего мы ждем, — это обращение к народу. Вы скажете, что заблуждались и не поняли идей национал-социализма, что теперь вы осознали свои ошибки и готовы помогать немцам устанавливать новый порядок на вашей земле. Мы опубликуем ваши высказывания в местной газете и попросим вас выступить на городском митинге. Вот и все. Ну и конечно же вы назовете нам всех, кто содействовал вам в подрывной работе.

— А что будет, если я откажусь?

— Вас повесят. Глупо было бы объяснять вам, как это делается. Важно другое. Даже после вашей смерти вы все равно для русских останетесь предателем. Поверь-

те, мы позаботимся об этом. Ваши родственники будут уничтожены вашими же единомышленниками. Сталин не прощает предательства.

Гавриленко вопросительно посмотрел на Майснера.

— Да-да! Неужели вы думаете, что русские простят ваших родных, когда прочитают в наших газетах ваше покаянное письмо.

— Но я не напишу такого письма, — решительно проговорил Гавриленко.

— Тогда вы недооцениваете наши способности. Вы наивно думаете, что мы не в состоянии сами составить такое письмо и опубликовать его за вашей подписью. Поверьте, мы делали это уже не раз и всегда попадали в точку.

«Нет уж, на этот раз у вас ничего не выйдет, — подумал Дубровский, продолжая переводить разглагольствований полицейского комиссара Майснера. — Если только этот человек не сломится, если выстоит, я немедленно сообщу на ту сторону о его достойном поведении на допросах».

К радости Дубровского, все угрозы Майснера не возымели действия. Гавриленко не согласился сотрудничать с немцами. Полицейский комиссар удалился ни с чем, посоветовав арестованному подумать до завтра. Вскоре Макс Борог закончил допрос, отпустил полицейского и приказал Дубровскому отвести Гавриленко в подвальную камеру.

Леонид Дубровский спустился с арестованным в подвал, где их встретил немецкий ефрейтор, охранявший заключенных. В это время дверь одной из камер открылась. Из нее вышли двое рабочих с мастерками в руках и ведром, перепачканным цементом. Дубровский мигом вспомнил вчерашний разговор с Максом Борогом, который сказал, что в камерах еще не вставлены решетки.

Он подошел почти вплотную к Гавриленко и внятно прошептал:

— Цемент на окнах не успел застыть. Вытащите решетку и бегите, пока не поздно. — И тут же, переходя на немецкий, властно сказал ефрейтору: — Поместите его сюда и больше никого к нему не сажайте. Пусть подумает в одиночестве над тем, что сказал ему полицейский комиссар Майснер.

— Хорошо! — ответил ефрейтор.

Он указал Гавриленко на распахнутую дверь в камеру, из которой только что вышли рабочие.

Весь вечер Дубровский с нетерпением ждал наступления темноты. А когда ночной мрак опустился на землю и в безлунном небе ярко засветили южные звезды, он вышел на улицу и, обогнув угол школьного здания, прошел мимо подвальных окон. Все решетки были на месте, лишь одна из них, как ему показалось, стояла чуть косо. С тревогой в сердце он отправился спать. Но еще долго подвыпивший Потемкин не давал уснуть, приставал с рассказами о какой-то красивой женщине, с которой провел этот вечер. Наконец и он уgomонился. В душном воздухе повисла напряженная тишина.

Проснулся Дубровский от громкого топота ног по коридору. Хлопали двери.

— Тревога! — прокричал кто-то и стукнул в дверь его комнаты.

Быстро одевшись, он вслед за Потемкиным выскочил в коридор и помчался на построение. Солнце не успело еще взойти, но на улице было светло. Водители грузовиков прогревали моторы. К выстроившейся шеренге сотрудников тайной полевой полиции подбежал полицейский комиссар Майснер. Из его коротких отрывистых фраз Дубровский узнал о побеге Гавриленко. Через несколько минут грузовики с гестаповцами выехали в разные части города на поиски беглеца.

Только к обеду вернулись они в ГФП-721, но с пустыми руками. Гавриленко исчез бесследно.

На совещании, которое полицейский комиссар Майснер собрал в своем кабинете, присутствовали все, кто участвовал в допросах Гавриленко. Решался вопрос о мерах, необходимых для его поимки. Следователь Карл Диль, вышедший в этот день на работу, сказал:

— Господин полицейский комиссар, я имею достоверные сведения, что Гавриленко — это его подпольная кличка. Его настоящая фамилия Шведов, Александр Шведов, господин полицейский комиссар. Он коренной житель Сталино. Мне известен адрес, где проживает его мать. Я предлагаю арестовать ее и опубликовать об этом в газете, что, в случае если он не явится в ГФП-721, она будет расстреляна.

— Это глупо, дорогой Карл. Вы плохо знаете русских, — перебил его Майснер. — Коммунисты не верят ни в бога, ни в черта. Что ему мать? Он никогда не придет к вам сам. Его надо перехитрить.

— Но как?

— Для этого я и собрал вас здесь. Нужно найти какой-то крючок, на который он клюнет. Подумайте, господа. А пока, Диль, объявите его вновь в розыск. Сообщите об этом вспомогательной полиции.

Дубровский сидел на совещании и думал, что полицейский комиссар в любую минуту может спросить, почему беглеца поместили именно в ту камеру. Но Майснера не интересовал этот вопрос. Он знал, что во всех камерах решетки были поставлены лишь в тот день, и проклинал в душе тех, кто заставил его так поторопиться с переездом из одного здания в другое.

Неожиданно Дубровскому пришла в голову мысль показать перед Майснером свое усердие. Он вспомнил про золотые часы, отобранные Потемкиным у Шведова. «Но если предложить этот план, то мать Шведова может действительно рассказать, где он скрывается, — подумал он. — Нет, этого не произойдет. Ведь Шведов узнал на допросе, что немцам известно его подлинное имя. Значит, он ни за что не пойдет к матери и постарается не поддерживать с ней связь. Все правильно. И Потемкину достанется от шефа. А я пойду с часами и предупрежу мать об опасности».

— Господин полицейский комиссар, у меня родилась идея, — сказал он твердо, вставая со стула и вытягиваясь перед начальством.

— Пожалуйста. Интересно, что вы придумали.

— Я присутствовал при обыске этого человека, когда его доставили в ГФП. Тогда дежурным был Алекс. Он изъял у Шведова золотые часы... Я думаю, что мать Шведова должна помнить часы своего сына. Если позволите, я готов отправиться к ней с этими часами. Скажу, что друг ее сына и хочу отдать ему часы, но не знаю, где он теперь находится. Быть может, в этом случае она скажет, где он?

Дубровский умолк, но продолжал стоять. Полицейский комиссар Майснер задумался на минуту.

— Это довольно банально, — проговорил он наконец, — но, быть может, это и есть тот самый крючок, на который он может попасться. Во всяком случае, попытаться можно. Пригласите сюда Алекса! — приказал он адъютанту.

Потемкина ждать долго не пришлось. Через несколько

минут он уже стоял навытяжку перед полицейским комиссаром.

— Алекс, как мне стало известно, вы не упускаете возможности поживиться за счет германской армии?

Не понимая, в чем дело, Потемкин продолжал молчать, недоуменно поглядывая то на полицейского комиссара, то на присутствующих.

— Я спрашиваю, вы брали золотые часы у Шведова?

— Я не знаю никакого Шведова, господин полицейский комиссар.

— Ну, у этого, у Гавриленко? — поправился Майснер.

Лицо Потемкина вытянулось. Он знал, что если сознается, то ему не миновать наказания. Но это наказание — пустяк по сравнению с тем, что его ожидает, в случае если Майснер прикажет обыскать его вещи и там обнаружат злополучные часы. Решив сознаться, он набрал полную грудь воздуха и выпалил:

— Да, господин полицейский комиссар! Я извлек у арестованного Гавриленко золотые часы, но не успел еще сдать их на склад. Было много работы, господин полицейский комиссар.

— Хорошо, мы потом разберемся, чем вы были так заняты. А сейчас вы должны переодеться в гражданский костюм и пойти с этими часами к матери Гавриленко. Впрочем, следователь Карл Диль сам объяснит вам, зачем вы пойдете.

— Будет исполнено, господин полицейский комиссар! — с готовностью выпалил Потемкин, радуясь, что на этот раз гроза, кажется, миновала.

— Вы свободны, господа!

Майснер встал. За ним поднялись и остальные.

Как и предполагал Дубровский, мать Шведова ничего не знала о сыне. По распоряжению полицейского комиссара Майснера за ее квартирой было установлено круглосуточное наблюдение. Но и это не дало никаких результатов. Александр Шведов исчез для немцев бесследно.

Хмурые низкие тучи приплыли со стороны Азовского моря. Мелкий, надоедливый дождь второй день полоскал землю.

Дубровский пришел на свидание с Валентиной Безруковой в точно назначенное время. Валя, поевшая, стояла под деревом у самого входа в городской парк, прикрывшись рваной плащ-накидкой.

— Здравствуй, Леонид! Ты слышал новость? — спросила она, протягивая руку.

— Смотря какую?

— Сегодня Красная Армия освободила Орел и Белгород. Наступление продолжается.

— Откуда ты это взяла?

— Мне один паренек сказал. Он сам слушал Москву по радио. Еще он сказал, что в Москве сегодня будет победный салют.

Валентина радостно смотрела на Дубровского.

— У нас об этом пока ничего не известно. Вернусь к себе, постараюсь послушать сообщение из главной квартиры фюрера. Может быть, скажут что-нибудь.

— Вот было бы здорово, если бы все подтвердилось! — мечтательно прошептала Валентина. — А мы собрались в кино. Сегодня первый день новый фильм показывают. «Три брата Штрауса» называется.

— Нет, в кино нам сегодня не с руки. Дела поважнее есть, — мрачно сказал Дубровский. — Я даже гражданский костюм надел.

— Что случилось? И почему гражданский?

— Когда я в форме, ты разрешаешь провозить тебя только до угла. Боишься, соседи увидеть могут. — Дубровский огляделся по сторонам и, не заметив никого поблизости, добавил: — Мне кое-что записать нужно, а писать нигде. Не могу же я под дождем строчить. Единственная надежная крыша — у тебя дома. Поняла?

— Да, конечно. Ленка теперь не скоро вернется. Мы с ней договорились, что она прямо в кино придет, — с грустью проговорила Валентина. И непонятно было, то ли она сожалеет, что не придется посмотреть новый фильм, то ли переживает, что обманула подругу.

— Тогда не будем терять времени. Пошли, — предложил Дубровский.

Он обнял ее за талию, другой рукой приподнял над собой край ее плащ-накидки. Они направились в сторону дома, обходя лужи, перепрыгивая через ручьи, мчавшиеся вдоль тротуаров.

Несколько кварталов шли молча.

— Леонид, о чем ты задумался? — спросила Валентина.

— Думаю, как помочь Ивану Козюкову.

— А что с ним?

— Пока ничего. Но я сегодня узнал, что немцы на днях начнут собирать добровольцев из числа военнопленных. Ивану не так просто будет уклониться от этого набора.

— Но ты же обещал ему помочь?

— Да. Только как это сделать?

Леонид вновь умолк. Молчала и Валентина.

Через некоторое время он спросил в раздумье:

— А не махнуть ли ему через фронт, к своим? Как ты считаешь, решился бы он на такой шаг?

— Немцев он ненавидит. Он даже сам говорил, что, если бы не Ленка, ушел бы на ту сторону.

— Разве Лена против?

— Нет. Он ее очень любит и не хочет оставлять.

— Загребут в добровольцы, все равно придется оставить. А то и в лагерь угодить недолго.

— Это верно.

— А я бы ему пропуск достал. С пропуском он до фронта без особого риска доберется.

— Леонид, поговори с ним сам. Я считаю, что для него это единственный выход. Наверно, и Лена поддержит. Любит же она его.

Пока они шли к Валентине, дождь перестал. Но оба успели промокнуть. Дубровский снял влажный пиджак, повесил на спинку стула.

— Леонид, ты отвернись, я переоденусь, — стыдливо попросила девушка.

— Хорошо, я буду писать, а ты делай что хочешь.

Он достал из кармана бумагу, карандаш и уселся за стол. Комнатка была маленькой. Кроме стола, двух узких железных кроватей и комода, ничего не было. За единственным окном по-прежнему плыли хмурые тучи.

Дубровский глубоко вздохнул и начал писать:

«1. На днях к вам отправлен крупный специалист Пауль Мюллер. Едет после ранения из госпиталя в форме старшего лейтенанта. Блондин с голубыми глазами, арийским носом. На правой руке нет двух пальцев. Опасен.

2. Шестопалов Тимофей, Филатьев Петр. Оба работали до войны в депо на ст. Морозовка. Сейчас — агенты

ГФП в Сталино. Поймали и доставили в ГФП Александра Шведова. Последнему удалось устроить побег».

— Вот я и переделалась! — сказала Валентина, подходя к Дубровскому.

— Молодец, быстро справилась. А теперь дай-ка мне те листочки, которые я давал тебе раньше.

— Сейчас.

Валентина выбежала из комнаты. Через минуту она вернулась и положила перед Леонидом скомканные листки бумаги.

— Где же ты их прятала?

— А тут рядом, в чуланчике.

Дубровский расправил клочки бумаги, прочел не торопясь и вновь принялся писать:

«3. Дыня Александр. Романова Мария ранена. Рублева Мария. Попались в ночь на 19 июля 1943 г. при переходе фронта в районе Елизаветовки, Ворошиловгр. обл. Принадлежат к 130-й разведроты 51-й армии. Были доставлены в ГФП Сталино, затем в лагерь. Кроме своей части, ничего не сказали.

4. Бондаренко Яков. Из гор. Ромны. Тайный агент ГФП в Сталино, в Авдеевке, в Дебальцево. Вместе с казаками принимал участие в массовых расстрелах.

5. Танковые части, проследовавшие две недели назад на юг, вновь перебрасываются на север.

6. В Макеевке арестована молодежная подпольная группа. Выдал член группы Демин. Имя не установлено.

7. Летчик лейтенант Квасов. Спасся на парашюте. Доставлен в ГФП-721. Подвергался зверским пыткам — никого не назвал. На допросе выбили глаз. Геройски погиб в муках».

Дубровский закрыл глаза, подпер голову рукой. Он вспомнил, как случайно вышел во двор ГФП, когда там истязали окровавленного человека. Полицайкомиссар Майснер стоял, заложив руки за спину, и подавал команды. По его приказанию летчика Квасова привязали за руки к хвосту огромной лошади, которую заставили бегать по кругу. Квасов уже не мог кричать. Лишь временами из его груди вырывались глухие стоны. Лошадь, наострив уши и пугливо озираясь по сторонам, все бегала по кругу, ударяя задними копытами по лицу и груди умирающего летчика.

А полицайкомиссар ликовал, раскатисто смеялся.

— Этот уже не будет бомбить германские города, — сказал он, приказывая жестом остановить лошадь.

Когда лейтенанта Квасова отвязали, он был уже мертв. Слезы навернулись на глазах Дубровского. И чтобы не выдать себя, он ушел со двора. Несколько дней прошло, а он все не мог забыть эту картину.

Написав донесение, Леонид аккуратно свернул маленький листочек. Получилась тонкая трубочка величиной чуть меньше сигареты. Он положил ее в нагрудный карман пиджака, поднялся со стула и, подойдя вплотную к Валентине, опустил руки на ее плечи. Девушка вскинула голову, с нежностью заглянула ему в глаза. Леонид почувствовал, как, приподнимаясь на цыпочках, она потянулась к нему. Он понял этот порыв, обнял и, склонившись, прильнул к ее губам.

— Ты любишь меня? — спросила она, едва успев перевести дыхание.

Он молча кивнул и прижал ее голову к своей груди.

— Послушай, как бьется мое сердце. Я никогда не думал, что найду свое счастье на дорогах войны.

— А я тебя очень, очень люблю, — прошептала Валентина.

Она сказала это каким-то необычным голосом, но с такой неподдельной искренностью, что Дубровский не в силах был промолчать.

— И я. Я тоже тебя люблю. Закончится эта проклятая война, и мы будем вместе. Ты хочешь этого?

— Да, да, да.

Он вновь поцеловал ее и, чуть отстранив, но еще не выпуская из своих объятий, сказал:

— Береги себя...

Он хотел еще что-то добавить, но за дверью послышался топот, и в комнату вошли Елена и Козюков.

— Вот они где! — воскликнула Елена. — А мы из-за вас целых пятнадцать минут под дождем мокли. Думали, вы нас искать будете.

— А почему вы в кино не пошли? — спросила Валентина.

— Билетов не было.

— А вы слышали, что немцы оставили Орел и Белгород? — вмешался в разговор Иван Козюков.

— Я знаю, а Леонид не верит, — сказала Валентина.

— Нет, это точно. Сами немцы передали сейчас об

этом. Сказали, что сокращают линию фронта. Видно, войск у них не хватает.

— Войск действительно не хватает, — ответил Ивану Леонид. — Поэтому в ближайшие дни они вновь будут вербовать добровольцев в германскую армию из числа военнопленных. Это я знаю точно.

Радостное выражение слетело с лица Ивана Козюкова. Он как-то сник, нахмурился. Помрачнела и Елена.

— Что же делать, Иван? — спросила она и перевела взгляд на Дубровского.

— Я думаю, пора Ивану перебираться на ту сторону, — ответил тот. — Другого пути у него теперь нет.

— Но ты обещал... — В глазах Елены застыл вопрос.

— Насчет помощи я свое слово сдержу. Достану ему пропуск для свободного передвижения.

— Тогда надо уходить, Иван! — решительно проговорила Елена.

— Конечно пойду. Только как еще там примут.

— А это, друг, от тебя самого зависит. Впрочем, если решишься, дам тебе записку. Доставишь по назначению — гарантирую хороший прием.

— Иди, Иван, я тебя буду ждать! — Елена обвила его шею.

— Обязательно пойду. Другого пути у меня действительно нет. Пора искупать вину перед Родиной.

— Пропуск для поездки в Алчевск я тебе завтра через Валентину передам. А от Алчевска до Ворошиловграда недалеко. Сообразишь, как через фронт перебраться. Записку мою тоже у Валентины возьмешь. Впрочем, я задержался, пора идти. Проводи меня немного, я еще кое-что рассказать тебе должен.

Он подошел к Валентине, поцеловал ее в щеку, достал из кармана маленький, свернутый в трубочку листок бумаги.

— На, Валюша, спрячь, — шепнул он ей на ухо. — А завтра отдай эту записку Ивану да помоги ему зашить ее хорошенько. Вечером, как всегда, придешь к парку. Я тебе пропуск для него принесу.

— Хорошо, Леонид! — Валентина зажала записку в своем кулачке.

— Пошли, Иван! — Дубровский попрощался с Еленой и направился к двери. — Так вот, — начал он, когда они оказались на улице, — запомни. К нашим попадешь, ска-

жешь, чтобы доставили тебя в штаб любой части. А там попросишь связаться с Соколом и передать, что прибыл человек от Борисова.

— Соколу от Борисова, — шепотом повторил Иван.

— Правильно. А уж когда тебя к Соколу доставят, ему и передашь мою записку. Ясно?

— Все понял.

— Тогда топай домой. Или ты к Елене еще вернешься?

— К Ленке пойду. Побуду с ней. Неизвестно теперь, когда еще свидимся. Я ведь завтра же в ночь и уйду к нашим.

— Тогда до свидания, Иван. Счастливо тебе добраться. И не раздумывай больше.

— Да я и сам хотел... Если бы не Ленка, давно бы ушел. Спасибо тебе, Леонид. Побереги здесь Ленку.

— Не сомневайся, Иван.

Они обнялись на прощание и разошлись в разные стороны.

Дубровский шагал не торопясь. Дождь уже прекратился, но по-прежнему низкие, хмурые тучи плыли над городом, чуть не цепляясь за терриконы, возвышавшиеся над степью. В наступающих сумерках торопливо сновали редкие прохожие. На одном из перекрестков он увидел Ольгу Чистюхину. Она шла в сопровождении двух мужчин и, заметив Дубровского, отвернулась, показывая всем видом, что не узнала его.

Один из мужчин задержал на Дубровском недолгий пристальный взгляд и шепнул о чем-то второму. И пока тот, второй, повернув голову, изучающе оглядывал Дубровского, Леонид опознал первого. Это был Шведов. Да, да. Тот самый Гавриленко-Шведов, которому он посоветовал бежать из подвальной камеры ГФП.

От неожиданности Дубровский замедлил шаг. Те трое уже перешли на другую сторону улицы, а он все смотрел им вслед. Нет, сомнения быть не могло. Он узнал этого человека по овалу лица, по пытливому, с прищуром, взгляду. «Так вот ты какая, Ольга Чистюхина! Вот почему не хватает у тебя немецких бланков!»

Всю дорогу до ГФП он думал об этой девушке и твердо решил: ни своим видом, ни разговорами не показывать ей, что знает одного из ее знакомых.

Но через несколько дней, когда он проверял на бирже труда подготовленные списки людей, подлежащих отпра-

ке в Германию, Ольга Чистюхина сама подошла к нему и шепнула:

— Господин Дубровский, вам просили передать привет и большую благодарность.

— От кого?

— Ну, не здесь же... Подарите мне сегодня вечер, и я вам кое-что расскажу! — Она приподняла руку, бросила взгляд на часы. — Через сорок минут мы кончаем работу. Я подожду вас около выхода, слева.

— Хорошо! Проводите меня.

— А я предпочла бы посидеть с вами у моей подруги. Помните, мы с вами ходили к ней в гости?

— У Марии Левиной?

— Да.

— Ладно. Только недолго. У меня вечером еще есть дела.

— Я вас не задержу.

Оставшееся до конца рабочего дня время Дубровский машинально перелистывал списки, а сам думал о предстоящем разговоре с Ольгой Чистюхиной. «Видимо, Шведов тоже узнал меня. Но зачем он рискует этой девчонкой? Впрочем, какой же тут риск? Они знают, что именно я помог ему бежать из камеры. Следовательно, действуют они наверняка. Интересно, что же мне предложат?»

Когда Дубровский пришел в условленное место, Ольги еще не было. Он обернулся. Она быстрым шагом догнала его, а поравнявшись, взяла под руку.

Шагая под тенью развесистых тополей, Дубровский спросил:

— От кого же мне привет и благодарность?

— А разве вы сами не догадываетесь?

— Представьте себе, нет.

— Припомните, с кем вы меня видели однажды вечером на перекрестке?

— С какими-то двумя мужчинами, которых встретил впервые.

— Но вас один из них узнал. Когда-то вы оказали ему большую услугу.

— Какую именно?

— Потерпите несколько минут. Сейчас мы придем, и я вам все объясню.

Мария Левина оказалась приветливой и гостеприимной хозяйкой. Усадив гостей за стол, она поставила пе-

ред ними большую вазу с яблоками. Дубровскому показалось, что Мария была заранее предупреждена о его приходе. Поминутно поправляя рукой спадавшую на лоб челку каштановых волос, она без боязни поведала о своей радости по поводу освобождения города Белгорода.

— Мы ведь с Ольгой родились и выросли в этом городе. Вместе окончили два курса индустриального института, — сказала она.

Вскоре Мария застенчиво извинилась за то, что должна ненадолго уйти, и торопливо выбежала из квартиры.

— Что-нибудь случилось? — спросил Дубровский у Ольги.

— Нет, ничего. Просто нам лучше поговорить вдвоем.

— И Мария знает, о чем будет этот разговор?

— Нет. Она думает, что я влюблена и хочу с вами побыть наедине.

— Прекрасно. Так о чем же вы мне хотели рассказать?

— Вы помните Шведова?

— Какого Шведова?

— Которому вы помогли бежать из гестапо.

— Он сам рассказал вам об этом?

— Естественно. Вы же мне ничего такого не говорили.

— Ну, допустим, помог. И что из этого следует?

Ольга Чистюхина пытливо заглянула в глаза Дубровского и, помолчав немного, сказала:

— Мы долго обсуждали ваш поступок и пришли к выводу, что вы заслуживаете внимания...

— Кто это «мы»? И какого внимания заслуживаю я?

— Если вы не будете меня перебивать, то все сейчас поймете.

— Хорошо!

— Так вот. Здесь действует подпольная организация. От ее имени я беседую с вами. Мы не собираемся выяснять, что привело вас на службу к немцам. Пусть это останется на вашей совести. Мы не знаем, чем вы руководствовались, распорядившись поместить Шведова в ту камеру и подсказав ему о решетке и о побеге. Возможно, в вас заговорила совесть? А может, вас испугали успехи Красной Армии и вы решили искупить вину перед Родиной? Повторяю, сегодня нас это мало интересует. Когда-нибудь откроетесь сами. Но, оказав услугу товарищу Шведову, вы могли бы помогать нам в дальнейшем.

— А не слишком ли опрометчиво вы поступаете?

— Нет. Мы так не думаем. Ведь кроме помощи Шведову вы помогаете и мне.

Вскинув брови, Дубровский вопросительно посмотрел на Ольгу.

— Да-да! Не удивляйтесь. Вы же не донесли на меня, когда узнали о недостатке бланков на бирже труда!

— На какую же мою помощь вы рассчитываете?

— Сегодня нам важно ваше принципиальное согласие. В дальнейшем вы будете поддерживать связь только со мной. Я буду передавать вам наши просьбы, и только мне вы будете сообщать интересующие нас сведения.

— А какие гарантии?

— Советскому командованию будет известно о вашей помощи.

— Я не о том. Где гарантия, что ваши товарищи меня не выдадут немцам при определенных обстоятельствах?

— Вас здесь никто не знает. А нам, при определенных обстоятельствах, как вы только что выразились, выгоднее молчать, нежели называть ваше имя. Ведь, находясь на свободе, вы сможете помочь нам больше, чем оказавшись в одной камере с нами.

— Это логично.

— Так вы согласны?

— Да! Попробую помогать вам по мере сил и возможностей. Начну прямо теперь. Я не спрашиваю, к какой организации вы принадлежите, но думаю, что вам небезынтересно было бы знать, что в тайной полевой полиции известно о существовании в Сталино партизанской организации.

— Откуда вы знаете, что такой отряд существует?

— Вот видите, я назвал это организацией, а вы совершенно точно определили, что это отряд.

— Не будем играть в кошки-мышки. Нас действительно интересует, откуда немцам известно о существовании такой организации.

— Несколько дней назад в тайную полевую полицию доставили двух членов этой организации. Их задержали между Макеевкой и Харцызском. Они пробирались к фронту. Один из них признался, что шли в Ростов с донесением к майору Передельскому.

Ольга нахмурилась. Немного помолчав, она глухо проговорила:

— Возможно, такой отряд существует. Правда, мне о нем ничего не известно. Быть может, это ложные показания?

По тону, каким она это сказала, Дубровский понял, что попал в точку.

— Вы помните фамилию того, который назвал майора Передальского? — отрывисто спросила она.

— Нет. Я не знаю ни того ни другого.

— Откуда же у вас такие сведения?

— Мой сослуживец, следователь ГФП, поделился со мной итогами своей работы. Он чех и впервые услышал фамилию Передальский. Вот и спросил меня, бывают ли у русских такие фамилии. А насчет партизанского отряда подтверждает и другой человек...

— Кто? — резко перебила его Ольга.

— Немецкий дезертир, бывший гренадер СС Ганс Унгаде, который, если ему верить, поддерживал связь с этой подпольной организацией.

— Что еще говорит этот Ганс?

— Теперь уже ничего не скажет. Вчера утром его расстреляли.

— Спасибо за информацию. Было бы хорошо, если бы вы держали нас в курсе мероприятий тайной полевой полиции по борьбе с «партизанскими бандами». Так, кажется, у вас называют советских патриотов?

— Вы не ошиблись. И еще, передайте товарищу Шведову, что за домом его матери установлена слежка.

— Спасибо. Она там уже не живет.

Дубровский мельком взглянул на часы.

— Однако я заговорился с вами. А я ведь предупреждал, что у меня есть еще дела.

— Хорошо, сейчас вы уйдете, а я подожду Марию. Но давайте договоримся. Впредь будем встречаться здесь.

— Когда?

— Как только возникнет необходимость. На бирже труда договариваемся о встрече и после окончания работы идем сюда.

— Я согласен. Только не вместе.

— Что «не вместе»?

— Приходим сюда порознь.

— Да, конечно. Не будем давать пищу для разговоров сотрудникам биржи труда.

— Тогда до встречи. Желаю успехов.

Дубровский попрощался с Ольгой и вышел на улицу.

Связь с городским подпольем обрадовала и вместе с тем насторожила Дубровского. Теперь он сможет помогать этим отважным людям, а при случае может рассчитывать и на их помощь. Одновременно в душу закралось и беспокойство. «Имел ли я право соглашаться на них работать? Но сведения, которые я могу им сообщить, предостерегут их от неожиданных акций тайной полевой полиции. Да и встречи с Ольгой Чистюхиной не столь уж обременительны. Мы и так довольно часто видимся с ней на бирже труда».

С этими мыслями Дубровский подошел к зданию ГФП, быстро взбежал по ступеням и, миновав часового у двери, очутился в прохладном вестибюле, где Александр Потемкин разговаривал с Максом Борогом. Завидев Дубровского, Макс Борог приветливо улыбнулся и подозвал его.

— Ты слышал, Леонид, русские овладели городом Тростянец, — вполголоса проговорил он. — Они перерезали важную железнодорожную линию Сумы — Харьков. Я не удивлюсь, если через несколько дней главная квартира фюрера сообщит о вынужденном отводе германских войск из Харькова.

— Ну, до этого еще далеко, — вмешался в разговор Потемкин. — Сегодня утром из Таганрога приезжал фельд-полицайсекретарь Вилли Брандт. Помнишь, Леонид, я ездил помогать ему по делу таганрогской банды. Так вот он мне сказал, что фельдмаршал Манштейн снял с Миус-фронта танковые дивизии «Мертвая голова», «Викинг» и «Рейх» и бросил их на север, к Харькову. Там, видимо, готовится мощный контрудар.

— Эти танковые дивизии проследовали туда уже несколько дней назад, а русские все наступают, — возразил ему Макс Борог.

— Я считаю, что в ближайшие дни германское командование предпримет надлежащие меры и русские будут остановлены, — задумчиво проговорил Дубровский. — Во всяком случае, для уныния еще нет достаточных оснований. Ведь даже Харьков — это еще не вся Украина. А Украина, господа, в наших руках. Извините, я должен пойти в канцелярию.

Дубровский оставил Макса Борога с Потемкиным и направился к Георгу Веберу, с которым у него в послед-

нее время установились довольно тесные приятельские отношения.

— Здравствуй, Георг! — воскликнул он, переступая порог его кабинета.

Георг Вебер оторвал взгляд от бумаг, разложенных на столе, и, поздоровавшись, жестом предложил Дубровскому присесть на стул, стоявший по другую сторону его письменного стола.

— У тебя ко мне дело? — спросил он, когда Дубровский сел.

— Нет. Я весь день проторчал на бирже труда и зашел к тебе поболтать. Какие новости?

Георг Вебер пожал плечами.

— Разве в этих отчетах, — он кивнул на бумаги, лежавшие перед ним, — бывают новости? Здесь написано то, что известно всем в ГФП. На вот почитай, если хочешь.

Дубровский взял из его рук стиснутые скрепкой листы бумаги с машинописным текстом. Взгляд его побежал по строчкам.

«Фельдполицайдиректору полевой полиции группы войск «Юг»
господину АРЛЬТУ

Относительно: Деятельность тайной полевой полиции в зоне 6-й армии за июль 1943 г.»

В первом пункте отчета, озаглавленном «Общие вопросы», говорилось о чрезмерной загрузке внешних команд ГФП излишними проверками русских служащих, работающих в различных частях и учреждениях германской армии.

Во втором разделе — «Краткая оценка оперативной обстановки» — сообщалось об активизации партизанских действий в тылу 6-й армии и о мерах, принятых внешними командами ГФП, по борьбе с бандами. Один из абзацев привлек особое внимание Дубровского.

«Благодаря сообщению румынского солдата внешняя команда ГФП-721 в Таганроге напала на след и обезвредила крупную банду, возглавляемую Василием Афоновым. Банда насчитывала около двухсот человек и подразделялась на четырнадцать групп. Оперативными мерами внешней команды в Таганроге было изъято сто восемьдесят шесть человек. Участники банды поджигали немецкие грузовые машины, убивали солдат германской армии, взо-

рвали склад с боеприпасами, вели антигерманскую агитацию. Все сто восемьдесят шесть человек расстреляны.

По сообщению тайного агента, группа ГФП-721 напала в Сталино на след банды, которая, как показало предварительное расследование, насчитывает в своем составе 70 человек и относительно хорошо вооружена. Она подразделяется на несколько — предположительно, на семь — групп, которым поручены специальные области деятельности. Бандой руководит все еще скрывающийся русский под псевдонимом Доля, или Донской. Банда занимается, как подтверждается, антигерманской пропагандой и шпионажем. Два участника этой банды имели намерение перейти линию фронта, чтобы передать донесение в Ростове майору Передальскому, но были арестованы и доставлены в ГФП-721.

Для выполнения своих заданий члены банды пользовались похищенными немецкими грузовиками и поддельными немецкими документами, по которым они получали в воинских частях бензин и продовольствие. До сих пор удалось арестовать одиннадцать участников банды. Остальные объявлены в розыск. Расследование пока не окончено.

Арестованный в Сталино капитан Красной Армии Шведов Александр был направлен для создания партизанской организации «Донбасс». Со своим двоюродным братом Новиковым Дмитрием, арестованным одновременно, он создавал бандитские отряды в Сталино, Макеевке и Петровке. Отряд в Петровке, которым руководит бежавший из плена капитан Наумов Петро, имеет подразделения в шахте № 121, Лидиевке и Рудченкове. Руководители банд в Лидиевке и Рудченкове были обезврежены еще в мае этого года вместе с другими двадцатью тремя бандитами.

Нынешние расследования позволили также выявить склад с оружием, в котором был пулемет, 26 винтовок, 15 кг взрывчатки. Арестованные бандиты наряду со шпионажем занимались также враждебной Германии пропагандой. Руководящий центр в Сталино планирует подрывы железной дороги, покушение на офицеров германской армии. По имеющимся данным, банда в Сталино установила связь с руководителем банд в Приднепровье майором Мавринец и руководителем банд в Запорожье капитаном Крымовым. Группа ГФП-706 была уведомлена. Шведов

бежал из-под стражи в ночное время, воспользовавшись плохо оборудованной решеткой в окне камеры».

Дубровский обратил особое внимание на следующие два пункта.

«Положение и настроение населения.

Обстоятельства, влияющие на настроение населения, о которых докладывалось в прошлом месяце, имели место и в июле. В областях восточнее Днепра на настроения оказывает сильное воздействие отступление немецких войск и возможность того, что русские могут дойти до Днепра.

В промышленной области и в Сталино отход немецких войск вызывает почти повсеместную радость, поскольку надеются на лучшую жизнь под большевистским господством.

Аресты.

В июле в зоне 6-й армии были:

2703 человека проверены;

1937 человек арестованы, из них:

416 — казнены;

381 — переведены в лагеря военнопленных;

234 — переданы в СД;

96 — переданы военным судам;

270 — переданы ортскомендатурам, полевым комендатурам, частям, контрразведке и другим службам (использование в работе в иных целях);

99 — освобождены;

441 — еще находятся под арестом.

В бою или при оказании сопротивления шесть человек были убиты».

Дочитав до конца, Дубровский еще некоторое время держал перед глазами последний листок отчета, опасаясь, как бы не выдать своего волнения. Потом, глубоко вздохнув, он сложил листочки, вернул их Георгу Веберу и равнодушно проговорил:

— Да, ты прав. Здесь действительно ничего нового. Разве что таганрогское дело. Кое-что я о нем слышал, но не знал подробностей.

— Счастливчик Вилли Брандт, ходит именинником. Полицайкомиссар ставит его теперь всем в пример. Этот румынский солдат сделал ему хороший подарок.

— Говорят, у этой банды был целый арсенал оружия?

— Да. Они были неплохо вооружены и намеревались

поднять восстание в Таганроге, когда русские подойдут к городу.

— Значит, они ожидали наступления русских на этом участке фронта? Тут есть над чем призадуматься, Георг.

— Вряд ли это возможно. Слишком большое количество войск бросили русские под Орел и Белгород. Они не в состоянии наступать сразу на нескольких фронтах.

— Но под Харьковом наступают. Сегодня передали по радио, что наши вынужденно оставили город Тростянец.

Георг Вебер поднялся из-за стола и подошел к развешанной на стене карте. Дубровский последовал за ним.

— Думаю, это тактическое выравнивание линии фронта. Правда, создается угроза окружения наших войск в районе Харькова, — задумчиво сказал Вебер, глядя на карту.

На этом они расстались.

Теперь Дубровский знал имя руководителя городского подполья в Сталино. «Доля... Донской... Доля... Донской, — мысленно повторял он. — Я должен предупредить Ольгу. Быть может, это и есть их руководитель. Уж не на него ли я буду работать?»

Прошло несколько дней. Дубровский вновь появился в квартире Марии Левиной. На этот раз ему отворила Ольга Чистюхина.

— Где же наша милая хозяйка? — спросил Дубровский.

— Уже убежала. Она ведь на самом деле думает, что я влюблена и не хочет быть третьей лишней.

Дубровский рассмеялся.

— Присаживайтесь! — предложила Ольга.

На столе, как и прежде, возвышалась хрустальная ваза с яблоками.

— В следующий раз я обязательно принесу цветы, — пообещал Дубровский. — Любовник без цветов — это неправдоподобно.

— И я специально оставлю эти цветы для Марии! — рассмеялась Ольга.

Присев к столу, Дубровский поведал Чистюхиной о двух тайных агентах ГФП-721, которым, по его сведениям, было поручено внедриться в партизанский отряд. Он обрисовал их словесные портреты, назвал их настоящие имена и вдруг спросил:

— А как здоровье товарища Донского?

— Он чувствует себя прекрасно, — спокойно проговорила Ольга и, неожиданно вздрогнув, спросила: — Откуда вам известно это имя?

— Скорее фамилия. А имя его Доля. И это известно не только мне. В тайной полевой полиции его считают руководителем городского подполья в Сталино. А как считаете вы?

— У вас неплохо осведомлены.

— Я впервые слышу такое имя — Доля.

— Это кличка. К счастью, насколько я поняла, в тайной полевой полиции еще неизвестно его настоящее имя. Откровенно говоря, я и сама не знаю, как его зовут.

— А я и не спрашиваю.

— Хорошо. Еще меня просили поинтересоваться настроением у немцев. Как они восприняли наступление Красной Армии на Миусе?

— Разве такое наступление началось?

— Наши люди вернулись после задания и рассказали, что по всему фронту началось крупное наступление советских войск.

— Я думаю, это преувеличено. Наверно, слышали обычную артиллерийскую дуэль. Во всяком случае, у нас об этом наступлении ничего не известно.

Только вернувшись в ГФП, Дубровский узнал от Макса Борога о начавшемся наступлении советских войск на миусском направлении.

— Знаешь, Леонид, германское командование, видимо, не ожидало такого. Мне сказали, что более пяти тысяч стволов русской артиллерии и минометов крушили нашу оборону на Миусе. А русская авиация буквально придавила к земле наши войска. Если так пойдет дальше, бошам несдобровать.

Они сидели вдвоем в комнате, где жил Дубровский. Леонид — на своей кровати. Макс Борог примостился рядом. По выражению его лица, по тому, как назвал он бошами немцев, Дубровский понял, что в глубине души чех радуется новому наступлению советских войск.

— А я вот двадцать минут назад проводил свою даму и ничего не знал, что делается на фронтах.

— Ты прав. Лучше ухаживать за женщинами, чем думать о том, что нас ждет впереди. Как хорошо было в Кадиевке с твоими знакомыми... А здесь ты только даешь обещания, но ни с кем не знакомишь меня.

— Обязательно познакомлю, Макс. Потерпи несколько дней, и я представлю тебя одной прелестной девочке. За окном рассыпалась дробью автоматная очередь. За ней вторая. Послышались частые, отрывистые пистолетные выстрелы. Дубровский вместе с Максом выскочили из комнаты и бросились вниз по лестнице. По улице в наступающих сумерках бежали несколько полицаев с белыми повязками на рукавах.

Из подъезда торопливо выходили сотрудники ГФП-721. Рядом с Дубровским оказался и Георг Вебер.

— Леонид, что случилось? — спросил он, дохнув на Дубровского винным перегаром.

— Ничего особенного. Видно, полицейские кого-то ловят. А ты, Георг, стал приобщаться к спиртному? Помнится, говорил, что только ты не пьешь в этой организации.

— Раньше не пил. А теперь вот начал. Шнапс помогает создать настроение.

— А у тебя бывает плохое?

— Иногда. Нечасто, но иногда.

— Если хочешь, я тебя угощу. У меня еще осталась бутылка шнапса с прошлой выдачи. Пойдем ко мне.

— Нет. На сегодня мне хватит. Спасибо, Леонид. Но придержи свой шнапс. Может быть, завтра выпьем.

Георг Вебер повернулся и нетвердой походкой пошел в ГФП. Вслед за ним потянулись и остальные.

17

Утром 24 августа немецкое радио передало важное сообщение из главной квартиры фюрера. Скорбным голосом диктор сообщил о новом сокращении линии фронта, в результате которого германские войска были вынуждены оставить город Харьков. Это известие ошеломило самого полицейского комиссара Майснера. Он долго ходил перед строем сотрудников ГФП-721, не находя слов для своего обычно пространного выступления. Наконец сняв фуражку и протирая платком шею, он изрек:

— Господа, в это тяжелое для всей немецкой нации время мы не должны терять самообладания. Нам нужно еще тверже и решительнее искоренять коммунистическую заразу на вверенной нам территории. Наши временные неудачи на фронте враги рейха расценили как нашу сла-

бость. Бандиты так обнаглели, что разъезжают по городу на немецких мотоциклах и в форме наших унтер-офицеров.

Вчера при проверке документов на одной из центральных улиц Сталино неизвестный мотоциклист в форме фельдфебеля сухопутных войск выстрелом из автомата убил солдата патрульной службы и ранил второго. К сожалению, поблизости не нашлось никого, кто помог бы задержать бандита. Мы немедленно перекрыли все дороги, ведущие из города. Я уверен, что бандит не успел выскользнуть из Сталино. И сегодня с девяти утра по всему городу проводится операция по изъятию.

Мы намерены выловить дезертиров, которые, к нашему общему стыду, появились в германской армии. Все свободные от дежурства сотрудники ГФП подключаются к прочесыванию улиц в центре города. В этой облаве примут участие и войска, и русская вспомогательная полиция. Сейчас мой заместитель зачитает вам, кто с кем и на каких улицах проводит это мероприятие. Вся операция заканчивается ровно в полдень.

Сухопарый, длинноногий Тео Кернер, стоявший рядом с полицейским комиссаром Майснером, сделал шаг вперед и, развернув свернутые в трубочку листы бумаги, начал выкликать фамилии и названия улиц.

Леонид Дубровский стоял в строю и, ожидая, когда Тео Кернер назовет его фамилию, думал о том, что сегодня вечером ему не удастся навестить Валентину Безрукову. По опыту работы в ГФП он уже знал, что после подобных облав допросы задержанных затягиваются обычно далеко за полночь.

Однако, сверх ожидания, в этот день в тайную полевую полицию доставили всего лишь восемь пойманных дезертиров германской армии, которых немцы предпочитали допрашивать без участия переводчиков. А около сорока местных жителей, прихваченных для выяснения личности, были отправлены по приказу полицейского комиссара Майснера в русскую вспомогательную полицию, где их поджидали свои следователи. Поэтому после облавы всю вторую половину дня Дубровский провел на бирже труда, выверяя последние списки подготовленных к отправке в Германию людей. А вечером, переодевшись в гражданский костюм, он отправился к Валентине Безруковой. По дороге он купил три больших алых гладиолуса.

«Салют в честь освобождения Харькова!» — пронеслось у него в сознании. На душе потеплело от этой мысли. Он взял цветы и понес их, как знамя, в почти вытянутой руке.

— Это тебе, Валюша! — сказал он, улыбаясь, как только переступил порог ее комнаты.

— Ой какие огромные! — воскликнула она, принимая букет из его рук. — Спасибо, Леонид! Я таких никогда не видела. Садись, будем ужинать. У меня есть помидоры, есть соль. Жалко, хлеба нет.

— Я уже поел. А ты ужинай. Вот что я прихватил с собой! — Он достал из кармана баночку французских сардин и положил на стол.

— А можно, я их оставлю до Ленкиного прихода? Она ведь тоже голодная. Глядишь, и хлеб принесет.

— Конечно можно, глупенькая. Скажи, а как она себя чувствует?

— По Ивану скучает. Волнуется за него. Ты думаешь, он дошел?

— Наверно, дошел.

Валентина убрала банку сардин в ящик комода, достала оттуда же помидоры и присела за стол против Дубровского.

— Валюша, ты ешь, а я, пока Лены нет, запишу кое-что.

Валентина молча кивнула. Дубровский достал из кармана листок бумаги, ручку и, задумавшись на мгновение, принялся писать.

Елена пришла домой, когда Дубровский и Валентина уже пили чай.

— А наши Харьков освободили! — сказала она с порога.

— А мы уже знаем! — ответила в тон ей Валентина. — Садись чай с нами пить. Ты хлеб принесла?

— Да, немножко.

— Давай его сюда. Леонид сардины принес. Сейчас попробуем.

Валентина подбежала к комоду, извлекла из ящика баночку и, вернувшись к столу, протянула сардины Дубровскому:

— На! Открой чем-нибудь.

Леонид не торопясь достал из кармана бренок большой

перочинный нож и аккуратно вскрыл банку. Елена уже нарезала хлеб.

— Нате пируйте, девочки, — сказал он.

— Представляю, как там наши сейчас радуются. В Москве, наверно, салют был, — сказала Валентина.

Елена глубоко вздохнула.

— Интересно, где Иван об этом узнал? На той стороне или еще на этой?

— Думаю, что на той, — успокоил ее Дубровский. — Уже больше двух недель прошло. И знаешь, вовремя он ушел. Ведь немцы почти всех военнопленных, которые на свободе работали, в добровольческие батальоны сгребли. Неминуемо и он бы туда угодил.

— Это я понимаю. И все же боязно за него.

— Живы будем — не помрем, — пошутил Дубровский. Посерьезнев, добавил: — А Иван с головой. Неужто не перемахнул через фронт? Там он теперь. О нас беспокоится.

— Хорошо бы... — с надеждой вымолвила Елена.

Вскоре Дубровский распрощался с подругами и ушел. ...Кроме Потемкина он с удивлением увидел за столом в своей комнате и Георга Вебера.

— А вот и Леонид пришел. Садись выпей с нами, — предложил тот.

— Долго же тебя не отпускала твоя дама, — с издевкой сказал Потемкин.

— Не так уж и долго. Сейчас только половина одиннадцатого. — Дубровский придвинул к столу маленькую скамейку и присел на нее. Перед ним оказалась плоская тарелка, заваленная окурками. На столе возвышались две начатые бутылки пшнэпса. На клочке газеты лежали толстые ломтики сала, огурцы и куски серого хлеба.

— Откуда такое богатство? — удивился Дубровский.

— Если не хочешь услышать ложь, никогда не спрашивай. Жди, пока скажут, — ответил Георг Вебер. — Лучше выпей. На вот стакан. Из него Макс Борог пил.

— А где он?

— Сейчас не знаю. Полчаса назад заходил. Тебя спрашивал. Посидел с нами немного и ушел.

Георг Вебер налил в стаканы прозрачную жидкость, поставил бутылку.

— По какому поводу будем пить? — спросил он.

— А бог его знает! Давайте за жизнь, — сказал Потемкин, поднимая свой стакан.

— Нет, это банально. Хотя на войне и существенно, — ответил Георг Вебер. — Давайте выпьем за фюрера. За великого фюрера великой Германии.

Все встали, со звоном сдвинули стаканы и, не поморщившись, выпили шнапс до дна. Первым опустился на стул Георг Вебер. За ним присели и остальные. Все-таки Вебер был чистокровным немцем, и русским переводчикам не пристало садиться раньше него.

Молча съели по кусочку сала. Дубровского подмывало спросить, не слышал ли кто сообщения из главной квартиры фюрера. Но, поразмыслив, он решил подождать.

Потемкин первым нарушил молчание.

— Сегодня вечером девку одну доставили с биржи труда. Она, стерва, бланки для бандитов крада. Освобождала кого хотела от поездки в Германию.

Дубровский насторожился.

— А какая она из себя?

— Да так. Девка как девка. Ничего примечательного. Тебе-то что?

— Я там почти всех знаю. Ходил туда частенько по поручению шефа. Интересно, кто из них занимался такими делами?..

— Завтра выяснишь, Леонид, — вмешался в разговор Георг Вебер. — Алекс тоже ничего не знает. А я знаю.

— Что ты знаешь?

— Знаю, что ее фамилия Чистюхина. По документам знаю.

Дубровский не шелохнулся. Но сердце забилося чаще. «Неужели Ольга? А как она себя поведет? Будет молчать или проговорится? Что предпринять? Главное, спокойствие. Возьми себя в руки и не показывай вида, что тебя это взволновало». Чтобы разрядить обстановку, спросил:

— А какие вести с фронта?

— Я видел сводку для завтрашних местных газет, — сказал Георг Вебер. — Из главной квартиры фюрера сообщили, что продолжается выравнивание линии фронта. А от Харькова осталось одно географическое понятие. Как сообщает германское информационное бюро, советские войска заняли необитаемый город. Там полностью все разрушено. В Харькове русские не найдут ни одной фабрики, ни одного завода. Все жилые дома стоят без крыш. Та-

ким образом, господа, можете себе представить, что это за город. Фюрер приказал применять тактику выжженной земли. Я-то знаю, что это значит.

— Но согласитесь, Георг, ведь населению где-то надо жить?

— Всех жителей эвакуируют в Германию. Им там будет лучше.

— Я не думаю. Покинуть дом, вещи, которые нажились годами...

— А кого это интересует? — перебил Дубровского Вебер. — Сейчас война. Все переносят ее тяготы. Русские же на редкость выносливы, господа. Вы это знаете лучше меня. И они меня меньше всего беспокоят. Какая разница, будет у них кров или нет? Важно, чтобы они работали. Сейчас меня беспокоят итальянцы. Эти макаронники допустили высадку союзных войск в Сицилии. Это обстоятельство потребует нового напряжения сил. Германское командование вынуждено считаться с этим. Теперь мы не можем ожидать дополнительных резервов из центральной Европы. Но мы еще сильны здесь, в России. Я думаю, русским дорого обойдется эта попытка летнего наступления. Мы, немцы, умеем наслаждаться местью. Мы прольем реки крови, но не покинем эту землю. Русские свиньи будут помнить нас долго.

— Господин фельдфебель, — переходя на официальный тон, оборвал его Дубровский, — не забывайте, что мы тоже русские. И, как вы знаете, честно служим немцам и новому порядку. Поэтому мне не понятны ваши обобщения.

— Ха-ха! Неужели вы думаете, что мы и вас пустим в наш немецкий рай? Мы вас терпим, пока вы нам нужны. Это не мои слова! Это сказал фюрер!

— Георг, вы просто пьяны, — брезгливо поморщился Дубровский.

— Может быть, я и пьян, но я сказал правду. Так мыслят все немцы.

Он с грохотом отодвинул стул и, пошатываясь, направился к двери. Над столом повисла тишина.

— Видимо, действительно так думают все немцы, — задумчиво проговорил Дубровский.

— Брось, Леонид! Выпил человек лишнее. Да еще расстроился. Пойми, что они могут сделать без нас в России? — примпрительно сказал Потемкин.

— В России-то, может быть, мы им и нужны. А вот понадобится ли мы им в Германии?

— Ну, до Германии еще далеко. Считай, половина России у них в руках.

Дубровский смерил Потемкина недоуменным взглядом.

— Так за Уралом разве Россия? Там одна тайга. Зверя много, а людей нет. Разве что заключенные?

— Вот я и думаю, как бы нам с тобой туда не угодить со временем, — горько усмехнулся Дубровский.

— Не-е-е, до этого не дойдет. Попомнишь мои слова. Давай лучше допьем, чтоб зла не оставлять.

Он разлил по стаканам остаток шнапса.

Дубровский вышел из-за стола и, подойдя к своей кровати, стал раздеваться.

По железному оконному карнизу мелкой дробью забарабанил дождь. Дубровский с головой забрался под одеяло. Здесь, в темноте, было его царство. Тут никто не видел выражения его глаз, лица. Можно было улыбнуться своим мыслям или, наоборот, погрузиться...

Лежа под одеялом, Дубровский старался не слушать пьяную болтовню Потемкина. Он пытался до мелочей взвесить создавшееся положение. «Если Ольгу Чистюхину взяли только лишь за справки биржи труда, тогда ей нет никакого смысла впутывать в дело и меня. Может отговориться, что, мол, помогала знакомым. За это могут отправить в лагерь. Но это еще не самое страшное. Во всяком случае, вряд ли будут пытаться. Обычное злоупотребление. Пусть даже уголовное дело. Можно чем-то помочь. А вот если ее взяли вместе с другими подпольщиками, тогда ситуация меняется. Для немцев это уже бандиты. Тогда... — Он прекрасно знал изощренные, садистские методы следствия в гестапо. Неприятный холодок пробежал по спине. — Тогда из нее вытянут жилы. Может назвать меня. А не стоит ли бежать отсюда, пока не поздно? Подожди! Решение принимать еще рано. Сначала надо выяснить обстановку. Макс Борог наверняка должен быть в курсе дела. Быть может, он и искал меня в связи с этим?»

Дубровский готов был пойти к Максиму Борогу, но в последний момент заставил себя успокоиться. «Нельзя давать повод для лишних вопросов. Надо не показывать вида, что меня интересует судьба Чистюхиной. А утром схожу в домоуправление, где проживает Левина. Прове-

рю домовую книгу, будто ищущего кого-то. Невзначай спрошу, давно ли проживает здесь Мария Левина. Если она арестована, люди скажут... Во всяком случае, их поведение кое-что может мне подсказать. Тогда обратно в ГФП не вернусь. А ежели нет, повоюем еще на этом поприще».

...Утреннее построение закончилось на редкость быстро. Полицайкомиссар Майснер у всех сотрудников на виду хлопнул дверцей «опель-капитана» и укатил в штаб командующего 6-й армией. Еще до того как встать в строй, Макс Борог сказал Дубровскому:

— Леонид, я заходил к тебе вчера вечером.

— Что-нибудь случилось, Макс? — сдерживая волнение, спокойно спросил Дубровский.

— Нет, ничего. Просто я стал теперь посвободнее. Вспомнил твое обещание, вот и зашел.

— Какое обещание?

— Ты собирался познакомить меня с хорошей девушкой.

— Сначала я должен договориться с ними о времени. И потом я не знаю, когда ты свободен.

— Мне хотелось бы сегодня провести вечер в женском обществе.

— Я готов. Но тогда мне надо в рабочее время отлучиться хотя бы на час, чтобы договориться с ними.

— Иди сейчас. Только скажи дежурному, что я послал тебя в город по делу. Возвращайся прямо ко мне. Я часок потяну с допросом. Познакомлюсь пока с документами. Сегодня ты весь день будешь работать со мной. Закончим к шести часам. На семь назначай встречу.

— Хорошо, Макс! Мы славно проведем время! — обрадованно проговорил Дубровский.

Он даже не предполагал, что так легко сможет вырваться утром с работы. Он ломал себе голову, как это сделать, а тут на тебе... Дубровский немного приободрился.

Подходя к дому Марии Левиной, он увидел ее у ворот.

— Мария! — окликнул он.

Она остановилась и приветливо улыбнулась.

— Здравствуйте, Леонид!

— Здравствуйте. Куда путь держим?

— К подружке зайти хочу.

— А вы не слышали, что с Ольгой?

— Вы уже знаете?

Она перестала улыбаться, опустила глаза.

— Знаю, что ее арестовали. Но с кем и за что?

— Это вам лучше знать. Вы же с ней вместе служите.

— Откуда вы взяли?

— Ольга рассказывала, что познакомилась с вами на бирже труда.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

— А я думала, что и вы оттуда. Во всяком случае, она о вас хорошо говорила. Вероятно, что-нибудь со справками. Больше-то она ничем не занималась.

— Да-а-а... — задумчиво протянул Дубровский.

Он понял, что Мария не знает о подпольной деятельности Ольги Чистюхиной. Таким образом, опасения были напрасны. Члены подпольной группы, видимо, остались на свободе.

— Мы хотим что-нибудь придумать, чтобы выручить Ольгу, — сказала Мария. — Она так много сделала людям добра.

— А как вы можете ей помочь?

— Один наш общий с Ольгой знакомый, узнав об аресте, обещал помочь. Он знает полицейского, который за деньги отпускает людей из лагеря. Правда, берет этот тип дорого.

— Сколько?

— Десять тысяч.

— Марок? — удивился Дубровский.

— Нет, рублей.

— Ну это еще куда ни шло. Можно и наскрести. Только ведь она не в лагере, а в гестапо.

Мария побледнела.

— Ой, мамочка родненькая! За что же ее туда? Неужто из-за этих проклятых бланков?

— Вы же сами сказали, что больше она ничем не занималась. Возьмите себя в руки и не волнуйтесь. Я постараюсь выяснить, где Ольга содержится. А вы не упускайте из виду того полицейского. Может случиться, Ольгу переведут скоро в лагерь. Тогда он пригодится. Это хорошо, что вы собираетесь ей помочь.

— Да, мы хотим. Но я немного побаиваюсь мужа. Он ведь ничего не знает. Он только вчера приехал из Таганрога.

— О чем не знает?

Мария смутилась.

— Ну-у... Не знает, что Ольга давала знакомым справки биржи труда.

— Тем лучше. Незачем его посвящать в эти дела, — посоветовал Дубровский. — А нам с вами надо будет встретиться через день-другой. К тому времени я попытаюсь все выяснить.

— Хорошо, заходите к нам. Вы ведь знаете, где я живу?

— Знаю. Но мне бы не хотелось видеться с вашим супругом.

— А как же тогда?

— На Пятой линии есть кинотеатр. Приходите туда завтра вечером. В половине восьмого я вас буду ждать возле входа.

— Ладно, приду.

— Если я почему-либо не смогу быть, не поленитесь, придите на другой день в это же время.

— Хорошо!

— И еще! На всякий случай, где бы вас ни допрашивали по поводу Ольги, вы меня не знаете и никогда не видели. Ясно?

Мария вздохнула, кивнула в знак согласия.

— Так будет лучше. Со стороны я вам больше могу быть полезен. До свидания.

Он повернулся и неторопливой походкой пошел обратно. Спешить было некуда. Требовалось еще придумать благовидную причину, по которой сегодня вечером девушки не могут встретиться с Максом Борогом. Неожиданно Дубровского осенила мысль. Он даже улыбнулся своей находчивости.

— Послушай, Макс, — воскликнул он, входя в комнату, где перед папкой с бумагами сидел за столом Борог, — чертовщина какая-то! Пошел договариваться с девушкой, а ее, оказывается, еще вчера вечером доставили к нам в ГФП.

— Кто такая?

— Ольга Чистюхина. Работала на бирже труда. Я с ней там и познакомился, когда ходил на биржу по заданию шефа.

— Любопытно. А передо мной как раз ее дело. Конечно, я бы с большим удовольствием познакомился с ней в другой ситуации. Но что делать, служба есть служба.

— Скажи хоть, что натворила эта девица?

— Пока я вижу только фиктивные справки биржи труда об освобождении от трудовой повинности. Но эти справки дают право избавиться от поездки в Германию.

— Макс, она местная жительница! У нее много подруг. Возможно, кому-нибудь из них она и оказала такую услугу. Нельзя же за это жестоко наказывать.

— Здесь не только подруги. У нее были и друзья. Вот две справки на имя каких-то Дагаева и Дубенко. Их задержали во время облавы на вокзале. В русской вспомогательной полиции они предъявили эти справки. А проверкой установлено, что на бирже труда им справок не выдавали. Когда же стали выяснять, то оказалась виноватой Ольга Чистюхина. Это она использовала свое служебное положение и без соответствующего учета выдавала справки кому вздумается. Если это только глупость, без дурного умысла, тогда еще полбеды. А если за этим что-то кроется, сам понимаешь, чем это пахнет...

— Я рад, Макс, что дело попало к тебе. Ты честный человек и сам увидишь, что все это выведенного яйца не стоит.

— Оно попало и к тебе тоже. Я уже сообщил в канцелярию, что беру тебя переводчиком по этому делу! — Он глянул мельком на ручные часы. — Через десять минут нашу даму доставят сюда, и ты будешь иметь удовольствие лично побеседовать с нею.

— Таким образом, я сдержу свое слово и познакомлю вас, — пошутил Дубровский.

— Думаю, что теперь это уже ни к чему. Попробую поискать других фрау.

— Ты считаешь, ей угрожает серьезное наказание?

— Придется сделать скидку на знакомство с тобой. Но защитить от возмездия ее невозможно. Все зависит от того, как она поведет себя на допросе. В лучшем случае мы отправим ее в лагерь, а потом в Германию. Пусть сама отработает за тех, кого освободила от этого путешествия. Такой исход тебя устраивает?

— Я был бы тебе признателен, Макс.

— Тогда договорились. Я отпущу полицейского, а ты сам будешь бить ее шлангом по голой заднице... Можешь не сильно. Только попроси ее, чтобы кричала погромче.

— Макс, но ты же джентльмен!

— Именно поэтому я не желаю, чтобы потом били по голой заднице меня. Ты же знаешь привычку шефа прогу-

ливаться по коридору и слушать за дверью, как ведутся допросы. Думаю, эта дама за свое спасение простит тебе такое некорректное обращение. Главное, шепни ей, чтобы громче кричала. Ты же имеешь опыт.

Дубровский насторожился.

— О чем ты, Макс?

— Думаешь, я не слышал, что ты сказал тогда Шведову?

— Ничего подобного не было, Макс. Ты же не знаешь русского языка.

— Брось, Леонид! Я не выдам тебя бошам. Я понимаю твои национальные чувства, когда хочется помочь земляку. А насчет языка ты ошибаешься. Славянские корни очень схожи. Так что я, как умная собака, почти все понимаю, только сказать не могу.

— И все же ты ошибаешься, Макс. Я ничего не говорил тогда Шведову.

— Хорошо, Леонид, пусть это будет на твоей совести. Я не собираюсь тебя уличать. Наоборот, я еще больше тебя уважаю за это. Только обидно. Я тебе доверяю, а ты мне — нет.

Они сидели друг против друга за письменным столом следователя. Правда, Дубровский присел на табуретку, предназначенную для арестованных, а Макс Борог восседал на своем законном стуле. За дверью послышался топот кованых сапог. Не прошло и минуты, как огромный верзила с повязкой полицейского на рукаве втолкнул в комнату перепуганную Ольгу Чистюхину.

В первый момент, увидев Дубровского, она виновато улыбнулась. Но тут же улыбка исчезла с ее лица, она испуганно посмотрела на Макса Борога.

— Садитесь! — сказал он вежливо, показывая жестом на табурет, с которого поднялся Дубровский.

Отпустив полицейского, Макс Борог устался на Чистюхину. Некоторое время он разглядывал ее молча. Взгляд его скользнул по растрепанным русым волосам, спадавшим на плечи девушки. Остановился на пухлых щеках, на подбородке с маленькой ямочкой.

Допрос начался с обычных формальностей: фамилия, имя, год рождения, вероисповедание, откуда родом.

Дубровский спокойно переводил вопросы, подбадривая Ольгу лишь участливым взглядом. Потом Борог спросил:

— Откуда ты знаешь Александра Дубенко и Владимира Дагаева? Почему выдала им справки, освобождающие от поездки в Германию?

Выслушав перевод, Ольга как-то съежилась и, глядя исподлобья, ответила:

— Они же местные. Я с ними в школе училась, вот и захотела помочь.

— Она их совсем не знает, — перевел Дубровский. — Ей деньги нужны были. А те по сто рублей за справку пообещали.

— Леонид, она же сказала иначе. Почему ты неправильно переводишь?

— Потому что доверяю тебе, Макс. Так же, как и ты доверяешь мне.

— Хорошо, — улыбнулся Макс Борог, — я докажу тебе, что ты во мне не ошибся.

Дубровский ободряюще подмигнул Ольге, сказал:

— Ты их вовсе не знаешь. Увидела в первый раз, когда они предложили тебе по сто рублей за каждую справку. Ради денег и выдала.

Она понимающе чуть приметно склонила голову.

— Сколько же всего продала она таких справок? — спросил Макс Борог.

Ольга пожала плечами.

— Не считала. Может быть, восемь или десять.

Дубровский перевел точно.

— Но проверкой установлено, что на бирже труда исчезло девяносто семь бланков. Спроси у нее, Леонид, как она объяснит это?

— Я не знала, что эти бланки так строго учитываются. Меня никто об этом не предупреждал. Поэтому я не считала бланки.

— Макс, оказывается, ее не предупреждали о строгом учете бланков. Она не придавала этому никакого значения. И случилось, что, допустив ошибку при заполнении, рвала эти бланки в клочья и бросала в корзину для мусора, — объяснил Дубровский, выслушав Ольгу.

— Я готов поверить, но пусть она покричит. Возьми в шкафу резиновый шланг и клади ее на парту.

Дубровский открыл шкаф, взял шланг и, вернувшись к девушке, глубоко вздохнул:

— Ольга, не обижайся. Я и так делаю все, что в моих силах. Сейчас ты снимешь кофточку и ляжешь на ту

парту. — Он кивнул в сторону парты. — Я буду бить не сильно, а ты кричи во весь голос. Это надо для твоего спасения.

Появившаяся было презрительная усмешка слетела с ее лица. Она послушно подошла к парте, сняла кофточку и, стыдливо прикрывая рукой бюстгалтер, легла на живот.

Дубровский взмахнул шлангом и опустил его на ее спину. Хотя он ударил и не в полную силу, но все же так, чтобы пониже лопаток осталась малиновая полоса.

Ольга взвизгнула.

— Сильнее, бей сильнее! — закричал Макс Борог.

Дубровский обернулся, не веря своим ушам.

Макс Борог приложил к губам указательный палец и вдруг закричал еще громче:

— Бей ее сильнее! Пусть она скажет правду!

Дубровский еще несколько раз опустил шланг на спину Ольги Чистюхиной. После каждого удара на гладкой коже девушки вспыхивали малиновые полоски. Ольга кричала во всю силу. Ей действительно было больно. «Последний удар — и хватит», — подумал Дубровский, поднимая руку со шлангом. В это время за спиной послышался грохот отодвигаемого стула. Он резко обернулся...

Возле распахнутой двери стоял Тео Кернер — заместитель Майснера. Вытянувшись в струнку, Макс Борог по всей форме доложил ему.

— Кончайте, Борог! — лениво проговорил тот. — Через час мы все выезжаем на облаву. Поступили сведения, что ночью в районе Сталино спустились несколько русских парашютистов. Надо прочесать вокзал и городской рынок.

— Прикажете прекратить допрос?

— Да. Надеюсь, она призналась?

— Здесь все ясно. Ее соблазнили деньги. Эти парни заплатили ей по сто рублей за каждую справку.

— Что вы намерены предложить по этому делу?

— Я напишу на ваше усмотрение: первое — поместить ее в лагерь, второе — с ближайшим эшелоном отправить на работу в Германию. Пусть погнет спину на шахтах в Руре вместе с этими парнями.

— Я согласен. Принесите мне на утверждение. Мы слишком бездарно расходует время на подобные мелочи, тогда как русские парашютисты и партизанские банды садятся нам на голову. Я уже говорил об этом полицей-

комиссару Майснеру. Он со мной согласился. Впредь такие дела будет вести вспомогательная полиция.

Тео Кернер повернулся на длинных ногах и скрылся за дверью.

* * *

В обычном лагере для заключенных охранную службу несла полиция. От Марии Левиной Дубровский узнал фамилию полицейского, который брался за десять тысяч рублей освободить Ольгу Чистюхину. Потребовалось время, чтобы друзья Ольги смогли собрать эту сумму. Необходимо было также подготовить надежную квартиру, где Ольга Чистюхина могла бы укрыться после побега. Марии Левиной удалось уговорить своего мужа, и тот согласился предоставить ей комнату на некоторое время. Дубровский рассчитывал, что девушке не придется долго скрываться.

Анализируя ход событий на фронте, Дубровский считал, что в первых числах сентября гитлеровцы вынуждены будут оставить Сталино. Это чувствовалось по всему. Советская Армия наступала теперь на нескольких направлениях. 27 августа из главной квартиры фюрера сообщили, что германские войска вынужденно отходят к Новгород-Северскому. Сотрудники ГФП-721 помрачнели. Многие вымещали свою злобу на заключенных. Полицайкомиссар Майснер с особым удовольствием выносил смертные приговоры советским патриотам. Да только ли патриотам! За малейшую провинность людей увозили к заброшенным шахтам и там сбрасывали в пропасть.

Но кое-кто призадумался. Узнав, что советские войска перешли в наступление на Центральном фронте, Потемкин даже прослезился. Размазывая тыльной стороной ладони слезы на щеках, он признался Дубровскому:

— Немцам больше не верю. Сволочи. Болтали о скорой победе, о решительном наступлении, а сами бегут. Если так и дальше пойдет, куда мы двинемся? В Германию нас могут и не пустить.

— Пошевели мозгами, Алекс... Возможно, что-нибудь и придумаешь, — сказал Дубровский.

Они сидели вдвоем в своей комнате. Было без десяти одиннадцать. Луна заглядывала в распахнутое окно. Дубровский только пришел со свидания с Валентиной Безруковой.

— Я уже и так все мозги наизнанку вывернул. Кому охота самому в петлю лезть?

— Так уж сразу и в петлю. Ты же умный мужик, Алекс. Учителем немецкого языка в школе работал. Подумай.

Потемкин пристально глянул на Дубровского. В его потускневших глазах появился проблеск надежды.

А через два дня в ГФП-721 произошло чрезвычайное происшествие. Во время допроса пленного советского лейтенанта следователь Рудольф Монцарт вышел на несколько минут из комнаты. С арестованным остался лишь переводчик Потемкин. В его присутствии пленный лейтенант выпрыгнул в окно и сбежал, благо допрос производился на первом этаже.

Стоя навтыяжку перед полицейским комиссаром Майснером, Потемкин сбивчиво объяснял:

— Я всего на секунду подошел к столу. Посмотрел в протокол допроса. А он... Не знаю, как это... Только сидел на табуретке. Смотрю, уже нет. Я к окну. Открыто оно было. Жарко очень... К окну подскочил. Вижу, он бежит. Пока пистолет вытаскивал, он к углу подбегал. Два раза выстрелил, да, видно, промахнулся. Пощадите, господин полицейский комиссар! Такого за мной никогда не было.

— Ступайте, Алекс, я подумаю, как вас наказать, — раздраженно сказал Майснер. — В такое тревожное для германской армии время вы допустили непростительную оплошность.

— Я оправдаю ваше доверие, господин полицейский комиссар. Я постараюсь.

— Ступайте, ступайте...

Когда Потемкин ушел, Майснер обратился к находящимся в его кабинете Рудольфу Монцарту, Дубровскому и агентам Шестопалову и Филатьеву:

— Видите, к чему приводит расхлябанность?.. А обстановка усложняется с каждым днем. Сегодня утром русские ворвались в Таганрог. Возможно, вскоре нам придется оставить и Сталино. В связи с этим ГФП-721 должна перебазируется в Днепропетровск. Я назначаю вас в передовую команду. Старшим будет фельдфебель Монцарт. Подготовьте там надлежащее помещение. Время выезда я сообщу дополнительно... Видимо, отправитесь вечером или этой ночью. Так что потрудитесь никуда не отлучаться из штаба.

Вместе с остальными Дубровский покинул кабинет шефа.

А Ольга Чистюхина все еще находилась в лагере. Ее побег откладывался со дня на день. Подпольщики никак не могли наскрести необходимую сумму. Сам Дубровский передал Марии Левиной все имевшиеся у него деньги. Но и этого было мало. Не хватало восьмисот рублей, а полицейский ни за что не соглашался на меньшее. Боясь, что в спешке эвакуации гестаповцы могут уничтожить заключенных в лагере, Дубровский решил на крайний шаг. Он занял у Макса Борога недостающие деньги.

Сегодня, 30 августа, он должен был передать эти деньги Марии Левиной, которая накануне сообщила ему, что побег намечается на 1 сентября. Теперь же распоряжение полицайкомиссара Майснера и его приказ, запрещающий отлучаться из штаба, ломали все его планы. «Что делать с деньгами? Их во что бы то ни стало надо передать Марии. Как быть?» — раздумывал Дубровский.

Он пошел к себе в комнату. Александр Потемкин в одиночестве восседал за столом наедине с бутылкой шнапса. Он хмуро из-под бровей поглядел на Дубровского.

— Опять валиться хочешь? — спросил тот.

— А что остается делать? Сейчас передали, что немцы оставили Таганрог.

— Видно, и в Сталино мы недолго задержимся, — скрывая радость, проговорил Дубровский.

Потемкин метнул на него недоверчивый взгляд.

— Да-да! Это не я, это Майснер сказал. Меня даже назначили в передовую команду. Сегодня ночью выезжаю в Днепропетровск.

— А меня еще кара ждет за этого пленного лейтенанта.

— Как же ты его проглядел? — Дубровский усмехнулся.

— Я его отпустил. А стрельбу поднял, когда уже Монцарт за дверьми топал, — сказал Потемкин и вопросительно, изучающе посмотрел на Дубровского.

— Понятно.

— Не вздумай донести. Тебе все одно не поверят... А я тебя на другом подловить могу.

Но Дубровский и не собирался доносить.

— Значит, на всякий случай вину искупаешь? — спросил он.

— А хоть бы и так. Случай представится — подтвердишь, коли цел останешься. Да и сам лейтенант за меня скажет слово, ежели что...

И вдруг Дубровский решил.

— Послушай, Алекс, не волки же мы. Нам друг друга поддерживать надо.

— К чему клонишь?

— Просьба у меня к тебе одна.

— Какая такая просьба?

— Деньги мне надо передать одной женщине. Восемьсот рублей. А Майснер запретил отлучаться из штаба.

— Зачем ты ей отдаешь? Уезжай себе по-спокойному.

— Да не ее это деньги. Это за сапоги она передать должна. Словом, какое тебе дело? Хочешь другу помочь, сходи. Не желаешь, без тебя обойдусь.

— Ты, Леонид, не сердчай на меня. Для друга я на все готов. Выпьем сейчас, и схожу. — Он достал из карманов несколько яблок. Положил их на стол. Налил шнапса в стаканы и сказал: — Давай за дружбу. За то, чтобы наша нигде не пропадала.

Как ни противно было Дубровскому, а выпить пришлось.

Поставив стакан, он достал и пересчитал деньги, протянул их Потемкину:

— На, Алекс. Адресок я тебе сейчас напишу.

Дубровский оторвал клочок газеты. Карандашом написал на полях адрес.

— Это не так далеко. Минут двадцать ходу, не больше.

Он объяснил, как лучше найти квартиру Левиных.

— Спросишь Марию Левину. Скажешь, от Леонида. И передашь деньги. Она все знает.

— Ладно, сделаю. Только ради тебя иду, ради нашей дружбы.

Потемкин поднялся из-за стола, направился к двери.

— А если ее не будет дома? — спросил он, обернувшись.

— Дома она, дома. Меня ждет.

— Ладно.

Оставшись один, Дубровский не торопясь уложил в небольшой чемоданчик свои вещи. Потом присел к столу

и принялся писать Валентине Безруковой. Он хотел поставить ее в известность о неожиданном отъезде.

Только вчера они вместе провели весь вечер. Он написал последние сведения о группе «Донец», которая готовила немецких агентов для заброса в тылы Советской Армии. Об этом сообщил ему Макс Борог. Валентина бережно взяла исписанные им листочки бумаги, спрятала их за лифчик и с нескрываемым восхищением заглянула ему в глаза.

— Леонид, я люблю тебя и восхищаюсь тобой.

Он сжал ее щеки ладонями, поцеловал в пухлые губы.

— И я очень люблю тебя. Ты даже не представляешь, какая ты прелесть. Мы обязательно будем вместе. Береги себя. А теперь слушай меня внимательно. Что бы ни случилось, не уходи из Сталино. Со дня на день наша часть может покинуть город. А ты дождись русских. Когда они придут, найди штаб любой части. Скажи, что тебе нужен Сокол. А когда тебя с ним свяжут, передашь ему все мои бумажки. Скажешь ему, что это от Борисова.

— Сделаю, Леонид! Обязательно сделаю все, что ты просишь. А ты не забудешь меня? — Она заглянула ему в глаза, пытаясь прочесть его мысли.

— Глупенькая, конечно нет! Я тебе письма писать буду. А Сокол поможет вам с Леной устроиться на работу.

— Леонид, я такая счастливая! Ты даже не представляешь, какая я счастливая! — сказала она на прощание. — Только береги себя. Ведь я тебя люблю. Когда кончится война, мы с тобой поженимся? Правда?

— Правда! Если доживем до этого дня.

— Даже представить трудно, какой это будет радостный день. Мне не верится, что такое может случиться...

— Будет, Валя, обязательно будет!

Вспоминая этот разговор, Дубровский разложил на столе листочек бумаги и написал сверху: «Дорогая, милая Валюша!» Хотелось, чтобы письмо получилось как можно теплее. Поэтому он не торопился, обдумывая каждое слово. Сообщил, что неожиданно вынужден выехать в Днепропетровск и непременно будет писать ей оттуда.

Дописав письмо, он вышел на улицу. Почтовый ящик висел на соседнем доме. По улице с грохотом катились огромные немецкие грузовики, доверху заполненные снарядами ящиками. Они ехали в сторону фронта.

«Видно, туго приходится немцам на этом участке, — подумал Дубровский. — Хорошо жмут наши. Наверно, скоро будут и здесь». Издалека докатился отчетливый гул артиллерийской канонады. Он рос и ширился, охватывая всю округу. И казалось, даже хмурые терриконы радовались этому гулу, катившемуся с востока.

Не успел Дубровский зайти в свою комнату, как к нему заглянул Рудольф Монцарт:

— Господин Дубровский, ложитесь спать. Выезд назначен на шесть часов утра.

Леонид посмотрел на часы. Стрелки показывали десять. Спать еще не хотелось. Да и не мог он лечь спать, не дождавшись Потемкина.

18

Мария Левина только что села ужинать вместе с мужем. На столе дымилась небольшая кастрюля с вареной картошкой. На тарелке горкой лежали крупные свежие помидоры. В дверь постучали.

— Я сейчас. Это тот полицейский, — сказала она мужу, поднимаясь из-за стола, и вышла в прихожую.

— Кто там?

— Это я, Аленкин! — послышалось за дверью.

Щелкнула задвижка.

На пороге стоял невысокий мужчина с одутловатым, испитым лицом. На рукаве тужурки красовалась широкая повязка полицейского. Мария уже встречалась с ним однажды и сразу признала.

— Здравствуйте! Проходите, пожалуйста.

— Здравствуйте. Я ведь ненадолго. Если приготовили деньги, давайте. А нет — я пойду.

— Нет, нет, заходите. Деньги есть.

Полицейский двинулся в комнату. Мария заперла дверь, догнала его.

— Знакомьтесь. Это мой муж. Он в курсе дела.

— Аленкин! — глухо проговорил полицейский.

— Левин! — представился муж Марии. — Присаживайтесь к столу.

— Спасибо! Я уже вечерял. А присесть можно. — И, обращаясь к Марии, добавил: — Завтра мое дежурство в лагере. Я с дружками все обговорил, приготовил. А вы все тянете с денежками. Больше я ждать не могу.

— А ждать больше не надо, — торопливо сказала Мария. — Девять тысяч двести рублей я вам отдам сейчас, а остальные восемьсот с минуты на минуту принесет мой товарищ.

Она подошла к шкафу, вытащила из-под белья пачку замусоленных, но аккуратно сложенных кредиток и протянула их полицейскому:

— Натe считайте.

Он взял деньги и принялся их пересчитывать, перебирая заскорузлыми пальцами.

В дверь вновь постучали. Полицейский насторожился.

— Ничего, ничего. Это наш друг принес остальные. Он тоже в курсе дела, — успокоила его Мария.

Она выбежала в прихожую и, будучи уверенной, что это Дубровский, радостная и возбужденная, не спрося, открыла дверь. В прихожую шагнул незнакомый мужчина в немецкой военной форме, но без погон.

— Мария Левина здесь живет?

— Да. Это я, — испуганно прошептала она.

— Здравствуйте. Я от Леонида. Принес вам деньги.

— Спасибо! Проходите! А где он сам?

— Его внезапно послали в командировку, — сказал Потемкин, заглядывая в комнату. — А мы с ним друзья. Вот он и попросил меня передать вам.

Потемкин отдал Марии небольшую пачку кредиток и, вдруг узнав полицейского, спросил:

— А ты, Аленкин, что здесь делаешь?

Тот растерянно поднялся со стула, рассовывая по карманам полученные деньги. Это не ускользнуло от цепкого взгляда Потемкина.

— Я так. Зашел посидеть к знакомым...

— Проходите. Присаживайтесь, — обратилась Мария к Потемкину, пытаясь разрядить обстановку.

— Можно и присесть. А выпить у вас не найдется?

— Нет. Не держим. Водка нынче не по карману, — вставил хозяин дома.

— На нет и суда нет. А вы не стесняйтесь. Я ведь большой друг Леонида. Во все его дела посвящен.

— А какие у нас дела. Особых дел-то и нету. Просто сидим разговариваем, — как можно спокойнее проговорила Мария.

— Ну, ладно, я пойду. Времени уже много, — сказал Аленкин, протягивая руку хозяйке.

Мария незаметно сунула ему в руку деньги, принесенные от Дубровского.

И это не выпало из поля зрения Потемкина.

Из квартиры Левиных они вышли вместе. Молча спустились по лестнице. Только оказавшись на улице, Потемкин сурово спросил:

— За что деньги взял?

— Да так, пустяковина...

— Ты, Аленкин, не крути. Ты ведь меня знаешь. Подобру не сознаешься, у нас в ГФП заговоришь. Сам догадываешься, там шутки шутить не любят.

— Ладно, не каркай. Могу с тобой поделиться. Сколько возьмешь?

— Это смотря за что? Выкладывай как на духу.

— Да за девку одну. Из лагеря пообещал отпустить.

— Кто такая?

— Чистюхина Ольга. На бирже труда работала. Сколько тебе дать?

— А ты сколько взял?

— Пять.

— Врешь. Таких цен теперь нету.

— Ей-богу, пять.

— Ну а точнее.

Аленкин глубоко вздохнул:

— Десять!

— Это уже ближе к истине, — весело проговорил над его ухом Потемкин. Затем примирительно изрек: — Так вот, пять отдашь мне.

— Побойся бога, Алекс. Мне ведь еще с ребятами из охраны поделиться надо. А самому что останется?

— Не прибедняйся, и тебе хватит. Гони деньги!

Аленкин вытащил из кармана пачку денег, нехотя отсчитал Потемкину.

— Теперь все! — сказал полицейский, вытирая рукавом пот со лба.

— Не горюй. И тебе немало выпало, — похлопал его по плечу Потемкин.

Они расстались на перекрестке. До здания ГФП-721 надо было пройти еще четыре квартала. Нащупав в карманах крупную сумму денег, Потемкин радостно улыбнулся. Но вдруг улыбка исчезла с его лица. Он вспомнил о Дубровском. Всю дорогу, которую прошел вместе с Ален

киным, он думал о том, что часть этих денег от Дубровского. Потемкин призадумался.

«Так вот ты какой, Леонид Дубровский! Видно, крупная птица... И все шито-крыто. А меня за пленного лейтенанта еще наказание ждет. Нет уж, дудки! Пожертвую пятью тысячами, но выйду чистым».

Не поднимаясь к себе в комнату, Потемкин заглянул к полицейскому комиссару Майснеру. Было позднее время, и тот уехал домой. Тогда он спустился к дежурному. В эту ночь дежурил по ГФП-721 следователь Карл Диль. Потемкин поведал ему обо всем, что узнал в этот вечер.

До войны Карл Диль около десяти лет прослужил в политическом отделе криминальной полиции. Ему-то не надо было подсказывать, как действовать в подобных случаях. Немедленно оперативная группа во главе со следователем Вальтером Митке была отправлена за четой Левиных и полицейским Аленкиным. Одновременно Карл Диль созвонился с дежурным по лагерю и распорядился, чтобы Ольгу Чистюхину тотчас же доставили в ГФП.

А Дубровский, так и не дождавшись Потемкина и решив, что тот загулял, улегся спать. Спал он, видимо, крепко и не слышал ни шума подъезжающих к ГФП автомобилей, ни диких, раздирающих душу воплей, доносившихся из следственных комнат. Сам Карл Диль, перепоручив дежурство помощнику, с переводчиком Потемкиным вел допросы.

Муж Марии Левиной был так перепуган, что рассказал все, о чем знал от своей жены. Его даже не били. А Ольгу Чистюхину пытали зверски. Ей вставляли остро отточенные шомпола в коленные суставы. Прижигали сигаретами оголенную грудь. И она не выдержала. Созналась. Назвала и Дубровского, и товарищей по подпольной группе. К утру их всех, кроме Донского, привезли в ГФП.

Отдавая себе отчет в серьезности раскрытого дела, фельдфебель Карл Диль не побоялся побеспокоить полицейского комиссара Майснера. Под утро он позвонил ему домой и коротко доложил о случившемся. На целый час раньше обычного примчался Майснер в ГФП на своем «опель-капитане». А через несколько минут и Карл Диль, и Потемкин стояли навывтяжку перед ним в его еще не прибранном кабинете.

Выслушав подробнейший доклад следователя, полицейский комиссар Майснер дружески обратился к Потемкину:

— Дорогой Алекс, вы прекрасно поработали этой ночью! Я прощаю вас. Вы достойно искупили свою вину. В награду и как поощрение для дальнейшей работы вы получите сегодня из фондов тайной полевой полиции две бутылки водки. Дорогой Карл, — повернулся он к следователю, — вы оправдали мои надежды и поступили совершенно правильно, приняв экстренные меры. Я буду ходатайствовать перед командованием о повышении вас в чине. А что Дубровский? Что он говорит?

— Господин полицейский комиссар, я не решился без вашего ведома подвергать аресту сотрудника ГФП.

— Напрасно. В данном случае вы поступили бы правильно. Арестуйте его немедленно, иначе он может ускользнуть из наших рук.

— Он спит, господин полицейский комиссар. До подъема еще целых тридцать минут. Но на всякий случай я выставил охрану возле его комнаты.

— Благодарю вас за службу. Действуйте, дорогой Карл.

Дубровский проснулся от какого-то нехорошего предчувствия. Будто его кто-то душил во сне. Он открыл глаза, потянулся и тут же посмотрел на кровать Потемкина. Постель была застлана и даже не примята.

«Где же Алекс? Неужто он даже не ложился?» — пронеслось в сознании Леонида.

В этот момент дверь резко раскрылась. В комнату вошел фельдфебель Карл Диль и вслед за ним Вальтер Митке.

— Господин Дубровский, вы арестованы! — выпалил Карл Диль, подбежав к нему и схватив его за руки.

В следующее мгновение Вальтер Митке защелкнул наручники на его запястьях.

— В чем дело, господа? Объясните, что происходит? — не теряя самообладания, спросил Дубровский.

— Объяснение будете давать вы, господин Дубровский, но не здесь, а там, в санчасти! — угрожающе проговорил Карл Диль.

— Это недоразумение, господа. Разрешите мне хотя бы одеться.

— Успеете, Дубровский. Все в свое время. Митке, посмотрите его вещи! — распорядился Карл Диль, подойдя к стулу, на котором висел костюм Дубровского, и забирая ремень с кобурой и пистолетом.

Вальтер Митке проворно перетряхнул содержимое небольшого чемоданчика. Не найдя ничего подозрительного, побросал все обратно. Потом заглянул под подушку и под матрац, но и там ничего не оказалось.

— Здесь пусто, господин фельдфебель! — доложил он.

— Снимите с него наручники. Пусть оденется! — распорядился тот.

Как показалось Дубровскому, ключ щелкнул необычно громко. Теперь руки были свободны. Он потянулся, расправил плечи. Быстро оделся.

Мысли лихорадочно сменяли одна другую. «Что-то случилось. Возможно, поймали Ивана Козюкова. Нет... Валентина Безрукова? Эта в курсе всех моих дел. Но она же... Не может быть. — И вдруг он вспомнил Потемкина, Марию Левину. — Так вот почему он не ложился спать этой ночью! Мария Левина могла болтнуть ему лишнее. Важно выяснить — что? Ах, Потемкин, Потемкин! Да! Я могу рассказать полицейскому комиссару, что Потемкин сам отпустил лейтенанта. Он же признался мне в этом. Главное, не терять самообладание, не показывать этим гадам, что я испугался».

— Господа, я к вашим услугам, — сказал он без тени волнения, застегивая пуговицы на тужурке.

— Руки! — воскликнул Карл Диль.

Дубровский вытянул руки. Вальтер Митке вновь защелкнул наручники.

— Выходите! — Карл Диль вытащил маленький вальтер из своей кобуры.

— Господин фельдфебель, я уверен, что это недоразумение скоро выяснится.

— Очень скоро. Не далее как сегодня.

Вальтер Митке вышел из комнаты первым, за ним Леонид Дубровский, шествие замыкал Карл Диль с пистолетом в руке. На лестнице их перехватил адъютант Майспера.

— Господин фельдфебель, — обратился он к Дилю, — полицейский комиссар приказал доставить Дубровского к нему в кабинет.

— Хорошо! Мы идем туда.

Не поднимая глаз на вошедших, Майспер вытер платком запотевшую шею, засунул платок в карман брюк и лишь потом со злорадством посмотрел на Леонида Дубровского.

— Надеюсь, Дубровский, вы понимаете, что проиграли? А по счету надо платить.

— Я не улавливаю, о чем идет речь, господин полицейкомиссар?

— Господин Дубровский, ваша карта бита. Не буду вам рассказывать, что вас ждет. Вы все прекрасно знаете сами. Но вы еще можете спасти свою молодую жизнь...

— Простите, господин полицейкомиссар! Меня, видимо, оклеветали. Не знаю, в чем я виновен. А этот Алекс...

— Бросьте, Дубровский! Мы не маленькие дети. Ваша Ольга Чистюхина призналась во всем. Мария Левина тоже дала показания. Повторяю, отпираться бессмысленно. У вас остался последний шанс уберечь свою жизнь. Вы понимаете, о чем я говорю? Вы раскроете нам все карты. В этой игре ваша ставка повысится...

Дубровский почти не слышал Майснера. Он понял: это конец. Выкручиваться глупо и бесполезно. Единственное, что еще можно сделать, — молчать. Не покупать же себе жизнь ценой предательства!..

На столе затрезвонил телефон. Майснер снял трубку. По тому, как он поднялся с кресла, по тому, как изогнулся в подобострастной позе, Дубровский понял, что на другом конце провода находится высокое начальство.

— Да, мы готовимся. Но я не думал, что это так срочно. Я рассчитывал перебраться туда дня через три-четыре, — сказал Майснер в трубку и тут же осекся: — Что-о? Прорвали фронт? Я понял вас, господин генерал. Передовая команда отправится немедленно. Все остальные двинутся завтра. — Он аккуратно положил трубку на рычаг и распорядился: — Фельдфебель Диль, срочно высылайте передовую команду в Днепропетровск! Этого, — кивнул он на Дубровского, — под особой охраной отправите вместе с ними. Пусть его посадят в одиночку в Днепропетровской тюрьме. Господин Дубровский, у вас там будет достаточно времени для размышлений. Подумайте! Речь идет о вашей жизни. В вашем распоряжении еще целых сорок восемь часов. Послезавтра утром вас доставят в мой кабинет в Днепропетровске.

— Не теряйте себя надеждой, господин полицейкомиссар. Я все обдумал заранее.

Солнце уже поднялось над крышами Сталино, когда Дубровского, закованного в наручники, подвели к задержанному брезентом грузовику. Среди толпившихся возле

подъезда сотрудников ГФП-721 он увидел и Макса Борога. Дубровскому показалось, что на глазах у Макса блеснули слезы. Но в следующий момент Леонида грубо толкнули в кузов.

А на востоке все отчетливее и громче грохотала артиллерийская канонада. Леонид Дубровский улыбнулся своим мыслям. Он сделал все, что мог. Совесть его была чиста.

* * *

6 сентября вместе с передовыми частями Советской Армии капитан Потапов был в Сталино. Поздно вечером его разыскала Валентина Безрукова.

— Что вам угодно? — спросил Потапов, когда подчиненные привели девушку в его комнату.

— Вы Сокол? — спросила она смущенно.

— А что вы хотите?

— Я от Леонида Борисова. Он просил передать...

— Родненькая! Миленькая! — Потапов положил руки на плечи девушки. — А где же теперь он сам?

— Уехал в Днепропетровск. Вот письмо.

Валентина показала Потапову письмо, в котором Дубровский сообщал о своем внезапном отъезде.

— А вот его записи. Он очень просил меня передать это вам, когда вы освободите город.

Она отдала капитану несколько скомканных бумажек. Потапов бережно взял их и, подойдя к столу, склонился над керосиновой лампой.

«Оберфельдкомендатура «Донец»-397. Готовит агентов для посылки за линию фронта.

1. Комендант штабквартиры — капитан Тельцер.

2. Майор Майер — худой, высокий блондин, зачес на пробор, голубые глаза, нос длинный, лицо продолговатое.

Оба занимаются подготовкой агентов и засылкой их к вам.

Агенты, неоднократно ходившие в распоряжение советских войск:

1. Ивженко Григорий Иванович — 1910 г. р. Уроженец Ворошиловграда. Имеет сына и жену. Приметы: волос русский, зачесывает набок, глаза зеленоватые, нос прямой, узкий. Рост — низкий. Худой. Походка прямая. Нет двух верхних зубов.

2. Белоусов Никита Прокофьевич, 1910 г. р. Житель Белгорода. Волос черный. Брови широкие, черные. Глаза черные. Нос курносый. Ранен осколком мины в левую руку и ногу. Хромает на левую ногу. Рост средний. По профессии комбайнер.

3. Бестужев Владимир Александрович, 1916 г. р., из Архангельска. Рост — низкий. Толстый. Волос белесый. Брови белые. Глаза светло-голубые. На лбу слева шрам. Грудь волосатая. На левой руке наколка «Вова»...

Потапов так увлекся, что забыл о девушке. Но, вспомнив о ней, он оторвал взгляд от листа бумаги, обернулся:

— Простите, миленькая! Вы даже не представляете, что вы принесли. Этим бумажкам цены нет. Сколько жизней они спасут! Спасибо вам превеликое.

— Мне-то за что? Это Леониду спасибо.

— И ему, разумеется. Молодец парень. Как-то он теперь там, в Днепропетровске.

— Он смелый. Он выдержит.

Когда советские воины освободили Днепропетровск, люди капитана Потапова осмотрели тюрьму ГФП-721. На стенах камеры смертников они обнаружили записи содержавшихся в ней людей. На одной из стен было начарапано: «22 сентября 1943 года, Дубровский Леонид». Надпись была очерчена рамкой. В этот день гестаповцы расстреляли советского разведчика.

ОТ АВТОРА

Собирая материал для этой документальной повести, я встретился с многими советскими патриотами, знавшими Дубровского в период его пребывания в тылу гитлеровских войск. В Кадиевке состоялось знакомство с Марфой Терехиной, с Михаилом Височиным, одной из сестер Самарских.

В Сталино, на шахте Петровского, я беседовал с уцелевшими подпольщиками, выполнявшими задания Шведова и Донского. А в Москве, работая с архивными документами, нашел имя неизвестного мне человека, который имел отношение к ГФП-721.

Кандидат наук Игорь Харитонович Аганин проживает в Москве, и потому мне не составило большого труда договориться с ним о встрече. И она состоялась. Этот удивительный человек рассказывал о порядках в тайной полевой полиции, о зверствах, чинимых гестаповцами, о полипайкомиссаре Майснере, о Рунцхаймере, о следователях ГФП-721. Не забыл он упомянуть и о Дубровском.

— В ГФП мы встречались с ним часто, — рассказывает Аганин. — Иногда беседовали, казалось бы, по душам. Оценивая своих сослуживцев по ГФП, я не раз размышлял и о Дубровском. Тогда я не мог понять, что заставило этого молодого, умного и красивого человека предать Родину, пойти в услужение к гитлеровцам. Даже когда его расстреляли немцы, я считал, что его подвело знакомство с подпольщиками. О том, что Леонид Дубровский являлся советским разведчиком, я узнал только после войны. И пока мы работали вместе в тайной полевой полиции, я считал его предателем Родины.

— Простите, Игорь Харитонович, — не удержался я от вопроса, — а вы сами кем были в этой пресловутой ГФП-721?

— Я-то? — Коварная улыбка растеклась по лицу Аганина. — Я заведовал канцелярией в ГФП-721. Я был тем самым Георгом Вебером, о котором вы знаете из архивных документов.

Не скрою, я не сразу поверил и теперь сам предвижу ироническую улыбку читателя. Но это не вымысел. Не забывайте, что перед вами документальная повесть. Просто случай свел двух советских людей в одном контрразведывательном и карательном органе гитлеровцев, именуемом тайной полевой полицией. И конечно же ни Игорь Аганин, ни Леонид Дубровский ничего тогда не знали друг о друге. Они в меру сил и возможностей выполняли свой долг перед Родиной.

Настоящий Георг Вебер покоился в русской земле, которую он так страстно хотел завоевать по воле своего обожаемого фюрера. А советский патриот Игорь Харитонович Аганин работал под его именем в ГФП-721. Он и поныне проживает в Москве, и я от души благодарен ему за помощь, оказанную при работе над этой повестью.

Георгий Гофман

Георгий Борисович Гофман

СОТРУДНИК GESTAPO

Редактор *С. П. Бенке*

Художник *Н. А. Васильев*

Художественный редактор *Е. В. Поляков*

Технический редактор *Г. В. Дьякова*

Корректор *К. В. Смирнова*

ИБ № 623

Сдано в набор 10.1.78 г.	Подписано в печать 27.3.78 г.	Г-133114
	Формат 84×108/32. Бумага № 2. Обыкн. гарн.	
	Высокая печать. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 13.440. Уч.-изд. л. 14.111	
Тираж 100 000 экз.	Изд. № 4/5721.	Зак. 636
		Цена 1 руб.

Воениздат

103160, Москва, К-160

1-я типография Воениздата

103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

